

ВЕСТНИК БИСТ

(Башкирского института социальных технологий)

Учредитель:

Образовательное учреждение профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений»

ISSN 2078-9025

№ 3 (40) сентябрь 2018

12+

Серия «РЕГИОНАЛИСТИКА И ЭТНОПОЛИТИКА»

Научный журнал

Издается с 2009 г. Выходит ежеквартально. ПИ № ФС77-34653 от 02 декабря 2008 г.

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Редакционный совет журнала:

Председатель

НИГМАТУЛЛИНА Танзиля Алтафовна, д-р полит. наук, канд. ист. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

Заместитель председателя

ВЕЛЬЦ Рахиль Яковлевна, канд. филол. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

Члены редакционного совета:

БОЛТЕНКОВА Любовь Федоровна, д-р юрид. наук, профессор (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации)

ВАЛЕЕВ Хайдар Арсланович, д-р полит. наук, канд. юрид. наук, доцент (Центральная избирательная комиссия Республики Башкортостан)

ДАВЛАТОВ Кудрат Камбарович, д-р экон. наук, профессор (Финансово-экономический институт Таджикистана)

ЗАЙНАШЕВА Зарима Гафаровна, д-р экон. наук, профессор (Уфимский государственный нефтяной технический университет)

ИСМАГИЛОВ Наиль Амирханович, д-р экон. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

КУРМАНОВ Альберт Сафатович, д-р юрид. наук (Башкирская академия государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан)

ЛЯНЧЕ (ЛЕБЕДЕВА) Маргарита Леонидовна, д-р полит. наук, профессор (Научно-исследовательский институт проектного менеджмента и инвестиций, Ганновер, Германия)

ЛЯПУНЦОВА Елена Вячеславовна, д-р техн. наук, профессор (Московский государственный технический университет имени Баумана)

МАЛИКОВ Борис Зуфарович, д-р юрид. наук, профессор (Уфимский юридический институт МВД России)

МАТВЕЕВА Любовь Дмитриевна, д-р ист. наук, профессор (Уфимский государственный нефтяной технический университет)

МЕДВЕДЕВ Николай Павлович, д-р полит. наук, профессор (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации)

МИХАЙЛОВА Наталья Вячеславовна, д-р полит. наук, доцент (Российский университет дружбы народов)

МУРАТШИН Фларит Рашитович, д-р юрид. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

НАЗАРОВА Ульяна Анатольевна, д-р экон. наук, доцент (Башкирский государственный университет)

НИГМАТУЛЛИН Ришат Вахидович, д-р юрид. наук, профессор (Уфимский юридический институт МВД РФ)

РАХМАТУЛЛИНА Зугура Ягануровна, д-р филос. наук, профессор (Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации)

СМЕТАНИНА Ольга Николаевна, д-р техн. наук (Уфимский государственный авиационный технический университет)

ТЕРНОВАЯ Людмила Олеговна, д-р ист. наук, профессор (Московский автомобильно-дорожный институт)

ТЮРИН Сергей Борисович, д-р экон. наук, профессор (Ярославский филиал Академии труда и социальных отношений)

ШАЯХМЕТОВ Ульфат Шайхизаманович, д-р техн. наук, профессор (Башкирский государственный университет)

ШМИДТ Вильям Владимирович, д-р филос. наук, профессор (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации)

Редакционная коллегия:

Главный редактор

НИГМАТУЛЛИНА Танзиля Алтафовна, д-р полит. наук, канд. ист. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

Члены редакционной коллегии:

БАСКАКОВ Алексей Тихонович, канд. филос. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

БОЧАРОВА Татьяна Евгеньевна, ответственный секретарь (Башкирский институт социальных технологий)

БЫСТРОВ Александр Ильич, канд. техн. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

ГАЛИЕВА Гульназ Физратовна, д-р экон. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

КУЗНЕЦОВ Игорь Александрович, канд. юрид. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

ХОРОШАВЦЕВА Ольга Петровна, канд. культурол. (Башкирский институт социальных технологий)

Адрес редакции: 450054, г. Уфа, проспект Октября, 74/2

E-mail: vestnikBIST@mail.ru

VESTNIK BIST

(Bashkir Institute of Social Technologies)

ISSN 2078-9025

3 (40) September 2018

12+

"REGION STUDIES AND ETHNOPOLITICS"

Founder:

Educational Institution of Trade Unions of higher education, "Academy of Labour and Social Relations"

Scientific journal

Published since 2009. Published every three months. ПИ № ФС77-34653 dated 2nd December, 2008

The scientific journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications, which should be published basic scientific results for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Science.

Journal Editors

Chairperson

NIGMATULLINA Tanzilya Altafovna, Doctor of Political Sciences, Assistant Professor (Bashkir Institute of Social Technologies)

Deputy chairperson

VELTS Rakhil Yakovlevna, Candidate of Philological Sciences, Assistant Professor (Bashkir Institute of Social Technologies)

Members of the Editorial Board:

BOLTENKOVA Lubov Fiodorovna, Doctor of Juridical Sciences, Professor (The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)

VALEEV Haidar Arslanovich, Doctor of Political Sciences, Candidate of Juridical Sciences, (Central Election Commission of the Republic of Bashkortostan)

DAVLATOV Kudrat Kambarovich, Doctor of Economics Sciences, Professor (Financial and Economic Institute of Tajikistan)

ZAYNASHEVA Zarima Gafarovna, Doctor of Economics, Professor (Ufa State Petroleum Technological University)

ISMAGILOV Nail Amirkhanovich, Doctor of Economics (Bashkir Institute of Social Technologies)

KURMANOV Albert Safuatovich, Doctor of Juridical Sciences (Bashkir Academy of Public Service and Management at the Head of the Republic of Bashkortostan)

LYANCHYE (Lebedeva) Margarita Leonidovna, Assistant Professor, Candidate of Political Sciences, Academic Board Chairperson for FPMI, the Head of the Polityology and Law Department (Research and Development Institute for Project Management and Investments, Hannover, Germany)

LYAPUNTSOVA Elena Vyacheslavovna, Doctor of Technical Sciences, Professor (Bauman Moscow State Technical University)

MALIKOV Boris Zufarovich, Doctor of Juridical Sciences, Professor (Ufa Institute of Law of Ministry of Internal Affairs of Russian Federation)

MATVEYEVA Lyubov Dmitrievna, Doctor of Historical Sciences, Professor (Ufa State Petroleum Technological University)

MEDVEDEV Nikolay Pavlovich, Doctor of Political Sciences, Professor (The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)

MIKHAYLOVA Natalia Vyacheslavovna, Doctor of Political Sciences (Peoples' Friendship University of Russia)

MURATSHIN Flarit Rashitovich, Doctor of Juridical Sciences, Assistant Professor (Bashkir Institute of Social Technologies)

NAZAROVA Ulyana Anatolievna, Doctor of Economics Sciences, Associate Professor (Bashkir State University)

NIGMATULLIN Rishat Vakhidovich, Doctor of Juridical Sciences, Professor (Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation)

RAHMATULLINA Zugura Yaganurovna, Doctor of Philosophical Sciences, Professor (State Duma of the Federal Assembly of Russian Federation)

SMETANINA Olga Nikolaevna, Doctor of Technical Sciences (Ufa State Aviation Technical University)

TERNOVAYA Lyudmila Olegovna, Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow Institute of Road Traffic)

TURIN Sergey Borisovich, Doctor of Economics, Professor (the Academy of Labour and Social Relations Branch in Yaroslavl)

SHAYAKHMETOV Ulfat Shaykhizamanovich, Doctor of Technical Sciences, Professor (Bashkir State Pedagogical University)

SCHMIDT William Vladimirovich, Doctor of Philosophical Sciences, Professor (The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)

Editorial Board

Senior Editor

NIGMATULLINA Tanzilya Altafovna, Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor (The Bashkir Institute of Social Technologies)

Members Of Editorial Board

BASKAKOV Aleksey Tikhonovich, Candidate of Philosophical Sciences (The Bashkir Institute of Social Technologies)

BOCHAROVA Tatiana Yevgenyevna (Executive Secretary)

BISTROV Aleksandr Ilyich, Candidate of Technical Sciences, Assistant Professor (The Bashkir Institute of Social Technologies)

GALIEVA Gulnaz Fizratovna, Candidate of Economic Sciences, Assistant Professor (The Bashkir Institute of Social Technologies)

KUZNETSOV Igor Aleksandrovich, Candidate of Juridical Sciences (The Bashkir Institute of Social Technologies)

KHOROSHAVZEVA Olga Petrovna, Candidate of Culturological Sciences (The Bashkir Institute of Social Technologies)

Our address: 74/2 Prospekt Oktyabrya, Ufa, 450054, the Republic of Bashkortostan

E-mail: vestnikBIST@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И БЕЗОПАСНОСТЬ	7
Пинчук А. Ю. Международный терроризм как система насилия	7
Багаева А. В. Роль миграции в ускорении и замедлении процессов регионализации	15
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ И ЕЕ РЕГИОНОВ	22
Панчихина О. Ю., Ахметьянова Р. А. Практика взаимодействия социально-ориентированных некоммерческих организаций и органов местного самоуправления (на примере Республики Башкортостан)	22
Малютин И. П. Реализация кластерной модели синхронизации «Газовая отрасль — регион»	31
Гатауллин В. З., Гатауллин М. В. Специализация в строительном комплексе Республики Башкортостан в условиях рыночной экономики	36
Мухамадиярова А. К., Гумерова З. Ж. Роль и значение расчетов по оплате труда в отрасли «Торговля/Продажи» в Российской Федерации и Республике Башкортостан	45
Буранбаева Л. З., Сабирова З. З. Ипотечное жилищное кредитование в Республике Башкортостан: настоящее и будущее	53
Еликбаев К. Н. Мировые тенденции развития интеграционных отношений в условиях усиления протекционистских настроений	57

ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ	68
Нигматуллина Т. А. Родной язык и образовательное пространство: политический аспект	68
Оганьян А. Г. Специфика функционирования институциональной структуры высшей школы России как драйвера инновационного развития национальной экономики	77
Чжан Янь Политика Китая и России в XX–XXI веке в области интернационализации образования	86
АВТОРАМ	92

CONTENTS

NATIONAL POLICY AND SECURITY	7
Pinchuk A. Yu. International terrorism as a system of violence	7
Bagayeva A. V. The role of migration in accelerating and slowing down the processes of regionalization	15
ECONOMIC INTERESTS OF RUSSIA AND ITS REGIONS	22
Panchikhina O. Yu., Akhmetyanova R. A. Practice of interaction socially oriented non-profit organizations and local authorities (on the example of the Republic of Bashkortostan)	22
Malyutin I. P. Implementation of cluster synchronization model “Gas industry — region”	31
Gataullin V. Z., Gataullin M. V. Specialization in the building complex of the Republic of Bashkortostan in the conditions of market economy	36
Mukhamadiyarova A. K., Gumerova Z. Zh. Role and importance of payment settlements in the sector "Trade / Sales" In the Russian Federation and the Republic of Bashkortostan	45
Buranbaeva L. Z., Sabirova Z. Z. Mortgage housing crediting in the Republic of Bashkortostan: the present and the future	53
Elikbayev K. N. World tendencies of development of integration relations in the face of increasing protectionist sentiment	57

EDUCATIONAL SPACE: ECONOMIC AND POLITICAL ASPECTS	68
Nigmatullina T. A. Native language and educational space: political aspect	68
Oganyan A. G. Specificity of the features of the institutional structure of the higher school of Russia as a driver of the innovative development of the national economy	77
Zhang Yan Policy of China and Russia in the field of the internationalization of education in the XX–XXI century	86
AUTHORS	92

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И БЕЗОПАСНОСТЬ

УДК 327.8

ПИНЧУК Андрей Юрьевич,
кандидат политических наук, Первый проректор
E-mail: a.pinchuk@stankin.ru
ФГБОУ ВО «МГТУ СТАНКИН», г. Москва

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕРРОРИЗМ КАК СИСТЕМА НАСИЛИЯ

Терроризм в общем перечне актуальных и перманентно существующих форм насилия является одним из наиболее прогрессирующих в настоящее время социокультурных и политических феноменов. В качестве социально-политического явления международный терроризм выступает одной из форм политической борьбы, построенной на насилии, которой нарушаются основные нормы и принципы международного права. В статье также отмечено, что террористическая деятельность исходит, прежде всего, из особенностей массового сознания, его готовности к восприятию существующей реальности, поэтому террористы и стремятся с учетом возможностей СМИ довести до населения реальные масштабы трагедии, где одной из основных целей является привлечение внимания и даже формирование симпатии в обществе. Следовательно, исходя из всей совокупности организационных и тактических параметров, терроризм предстает как особая форма насилия, носящая системный, последовательный и массовый характер, использующая тактику непредсказуемости при совершении террористических атак, направленных на нагнетание страха.

Ключевые слова: терроризм, международный терроризм, националистический терроризм, теракт, политическое насилие, религиозный фактор.

Человечество, как на западе, так и на востоке, за всю свою историю всегда становилось свидетелем актов насилия. Те акты, конечно, не всегда совпадают по форме и масштабу с современной деятельностью террористов, но реальность такова, что устрашение, акты насилия всегда имели место в человеческом обществе с разными на то причинами — конфессиональными, политическими (власть) и, в некоторых случаях, экономическими [19]. Терроризм в современном его значении появился тогда, когда террористы начали прибегать к методам распространения всеобщего страха [2] в различных формах — кровавые акты насилия, грабежи и разбой, использование пыток, кибертерроризм, наркотерроризм (использование наркотических веществ для достижения своих целей и разрушения общественного здоровья), экотерроризм, агро-

терроризм и другие похожие деструктивные акты.

Само по себе насилие как социальная необходимость, которое делегирует себе, как правило, государство с целью поддержания социального порядка, насилие как способ решения каких-либо задач, насилие как абстрактный политический феномен, насилие как война и т.д., есть одна из животрепещущих тем в общем знании об обществе и человеке. Само понятие «насилие» является обобщающим и часто включает в себя такие его флуктуации и ипостаси, как война, репрессии, мятеж, революция, террор, принуждение и т.д. Все эти «лики насилия» наиболее часто рассматриваются как проявления всевозможных социальных конфликтов и противоречий внутри отдельных сообществ (классов, социальных групп, профессиональных групп, государств, религиоз-

ных конфессии и т. д.), так и между сообществами. Сюда можно отнести конфликты межгосударственные, политические, религиозно-конфессиональные, этнические, конфликты между крупными политическими блоками (объединениями) государств и т. д.

Терроризм в общем перечне актуальных и перманентно существующих форм насилия является одним из наиболее прогрессирующих в настоящее время социокультурных и политических феноменов. Так, предваряя события начала XXI в., Ж. Бодрийяр высказал идею, во многом определившую культурную картину будущего. Он, в частности, писал: «Терроризм порожден не стремлением к насилию, а характерен для нормального состояния социального — в той мере, в какой это нормальное состояние в любой момент может превратиться в нечто прямо противоположное, абсурдное, неконтролируемое» [3]. Терроризм, таким образом, стал не только выделенной проблемой, делом кучки маргиналов-революционеров, но и особым состоянием современной культуры, социума, способного к неконтролируемой агрессии.

Классическая концепция терроризма как формы насилия была сформирована Б. Хоффманом. Он говорит о терроризме как о форме насилия либо, что немаловажно, как об угрозе насилия, чего, вне всякого сомнения, необходимо опасаться. Насилие осуществляется, по мнению Б. Хоффмана, для продвижения некоей политической цели [17, с. 7]. В этом отличие террориста от простого уголовника или группы уголовников, действующих, подчиняясь иной мотивации. «Чтобы называться терроризмом, — пишет Б. Хоффман, — насилие должно быть совершено организованной общностью с какой-либо конспиративной структурой и распознаваемой целью управления, а не отдельным лицом, действующим по собственному желанию» [17, с. 45].

Согласно переводу с латинского *terror* в буквальном смысле означает «страх», «ужас». Уже данное свойство подтверждает, что одним из ключевых элементов террористической акции выступает устрашение или политического противника, или людей, которым уготована роль жертв терроризма. Тем не менее сам факт нагнетания у людей страха выполняет только вспомогательную роль при достижении постав-

ленных целей вынудить представителей государственной власти или правоохранительных органов исполнить требования террористов с возможным получением материальных или политических выгод, изменением политического курса и т. д. В данном случае субъектами террористической деятельности выдвигаются не только угрозы, они целенаправленно применяются и самые жестокие формы насилия.

Более того, в качестве объекта противоправной насильственной активности террористов могут выступать не только сами жертвы террористических акций, но также оказывается воздействие и на элементы существующего конституционного строя в части порядка управления, политического устройства, общественных институтов, экономической и военной мощи государства и т. д. [13]. Так, по мнению А. Калика, в нынешней ситуации «насилие характеризуется двумя видами наступательных действий. Во-первых, это исламский джихад, зародившийся как реакция отсталой культуры на вторжение западной цивилизации. Во-вторых, это поход Соединенных Штатов, которые, получив 11 сентября 2001 г. удар в самое сердце, пытаются отомстить посредством „миссионерской кампании“». Последняя направлена на систематическое уничтожение врагов Америки, „обращение“ еще не определившихся в веру в американские ценности, а также на переустройство планеты в соответствии с интересами Вашингтона» [8]. Иначе говоря, в качестве социально-политического явления международный терроризм выступает одной из форм политической борьбы, построенной на насилиии, которой нарушаются основные нормы и принципы международного права. Следовательно, исходя из всей совокупности организационных и тактических параметров, терроризм предстает как особая форма насилия, носящая системный, последовательный и массовый характер, использующая тактику непредсказуемости при совершении террористических атак, направленных на нагнетание страха. Как отмечает В. В. Устинов, «главная особенность терроризма как формы политического насилия заключается в намеренном игнорировании норм права и морали» [16].

Данные признаки отражены и в дефиниции терроризма, представленной Л. В. Смир-

новым и Ю. В. Гаврилиным. Указанными исследователями дается характеристика терроризма как специфической «системы публичного устрашающего насилия, характеризующейся повышенной общественной опасностью и обеспечивающей достижение целей террористов посредством принуждения к совершению определенных действий в их интересах государственных органов, негосударственных организаций, граждан и других субъектов» [5]. При этом в осуществлении подобного насилия в современном мире существенную роль стал играть религиозный фактор, влияние которого позволяет формировать субъективные эмоционально-психологические и ценностно-мотивационные предпосылки террористического поведения. Религиозными экстремистами применение насилия рассматривается как совершенно допустимое в моральном отношении деяние, особенно в тех случаях, когда «спасенные» благодаря этому «религиозные ценности» имеют более важное значение, чем нанесенный этим деянием вред [12].

В любом случае восприятие террористических актов людьми построено на переживаниях травмирующего и пугающего характера. Обычно указываются следующие факторы, оказывающие влияние на уровень «травмированности» от террористического акта: непредсказуемость и неожиданность самого акта; значительное количество его жертв; степень жестокости террористов; уровень физической и социальной незащищенности жертв теракта; получение информации о событии, его характере и наступивших последствиях; соответствие мотивов поведения и требований террористов моральным нормам общества. В этой связи будет уместным напомнить идеи А. Камю, которым обращалось внимание на такую характеристику терроризма, как презрение. Иррациональный террор у него превращает человека в вещь, а террорист «ставит перед собой целью не только разрушение личности, но и уничтожение в ней возможностей, таких как способность к мышлению, тяга к единению, призыв к абсолютной любви» [9].

Следовательно, для террористов не настолько значимыми являются способы ведения войны или захватываемые территории, или экономические ресурсы. Значимыми являются страх

и шок, которые вызывает их определенная акция, что часто предполагает как можно более бесчеловечные и кровавые действия по отношению к подвергшимся атаке лицам. Как справедливо отмечал У. Лакер, «войны, в том числе и гражданские, во многом носят достаточно предсказуемый характер, они происходят, что называется, среди бела дня, противоборствующие стороны и не думают окутывать себя и свои действия ореолом тайны. Даже гражданская война соблюдает те или иные правила, в то время как главные признаки терроризма — анонимность и отрицание каких бы то ни было норм» [10]. Поэтому следует согласиться с теми признаками, которые относят к современному терроризму:

- «применение насилия и устрашения, которое достигается использованием особо острых форм и методов;

- направленность на достижение политических целей, на ослабление политических противников;

- повышенная общественная опасность, связанная с непосредственной угрозой жизни людей, функционированию предприятий и учреждений, нелегитимность;

- использование конспирации как необходимого условия существования террористических структур и результативности их действий;

- опосредованный способ достижения политического результата через совершение посягательств на жизнь и здоровье людей» [15].

Трагические события 11 сентября 2001 г. в США продолжили опасную для человечества практику международного терроризма. Но они же означают и наступление нового этапа в развитии этой угрозы. Террористические акции в Нью-Йорке и Вашингтоне выявили три принципиально важных обстоятельства. Во-первых, они показали недостаточность существующих даже в крупных государствах систем антитеррористической защиты от международного терроризма, что подтверждает необходимость тесной и постоянной, или, по крайней мере, долговременной, кооперации субъектов международного сообщества в этой области. Во-вторых, они продемонстрировали человечеству наличие в системе международного терроризма сил, готовых перейти и перешедших через определенный психологический барьер

в использовании средств, ведущих к массовой гибели людей, в причинении ущерба и совершении таких по характеру действий, которые сравнимы с акциями военной агрессии. Несомненно, это обстоятельство однозначно требует внесения качественных изменений в систему антитеррористических мер. В-третьих, сентябрьские события в США показали высокую степень приспособляемости международных террористов к изменяющимся условиям, высокий профессионализм и уровень управления террористическими структурами, что требует от мирового сообщества совершенствования организации управления собственными антитеррористическими силами, тщательного отслеживания изменений в организации и тактике деятельности ведущих субъектов международного терроризма [1].

На этом фоне значительно меньше внимание западными политиками и специалистами по борьбе с терроризмом уделялось адекватной оценке террористической угрозы исламистских экстремистов безопасности России, прежде всего на Северном Кавказе и центральноазиатских странах СНГ, где террористическая активность в значительной мере связана с геополитическими устремлениями некоторых исламистских и определенных других зарубежных кругов. Их цель — установить свой политический и идеологический контроль над суверенными территориями или частью территорий этих стран, крупными природными ресурсами в их пределах, инициирование и поддержка в этих целях антиконституционных движений и выступлений местных сепаратистов против законной власти, в течении ряда лет приобретающих особо опасные масштабы и формы с большим числом человеческих жертв среди мирного населения и нанесением тяжелого материального ущерба в районах их террористической активности.

Угроза ужасной и неожиданной смерти в результате теракта в настоящее время становится все сильнее других смертельных опасностей. Следовательно, при нахождении в неизвестности, смертельной опасности у человека может возникать паническое чувство страха. В этой связи психологическая сущность террористической деятельности опирается на ее восприятие обывателем по причине абсолют-

ной невозможности противостояния ей единолично. Испытываемое чувство безысходности, которое является следствием постоянной угрозы внезапной смерти, охватывает все его сознание, преобразует самую благополучную жизнь в тяжелое испытание, часто подталкивая к самоубийству.

Действия террористов способны обладать двойственностью. Во-первых, они могут быть направлены на достижение прямо декларируемых ими целей, а, во-вторых, они стремятся к более значимым целям, обладающих стратегическим характером. Поэтому терроризм всегда приносит настоящее в жертву будущему, выстраивает свои теории и идеологемы таким образом, что настоящее является временем жестокой и непримиримой борьбы, которая разворачивается во имя «светлого будущего». Выстраивая модели идеального общества, модели «новой культуры», «идеального первообраза культуры» [14], террористические концепты стремятся утвердить искомое представление о добре любыми способами, даже самыми кровавыми и бесчеловечными. В силу этого можно говорить о гносеологической и онтологической несостоятельности террористических теоретических конструктов, предлагающих неосуществимые фантазии об идеальном и приносящих во имя этого в жертву нормативное. Так, при исследовании терроризма Я. И. Гилинский оценивает его в качестве социально-политического феномена и выделяет два основных признака: применение или угроза применения насилия и наличие у него политической мотивации. Также им отмечается еще один из признаков терроризма, такой как «неопределенный круг непосредственных объектов террористического акта, применение насилия в отношении неопределенного круга лиц (ни в чем не повинных людей) ради достижения отдаленного объекта — удовлетворения политического (экономического, социального) требования» [7].

Подавляющее большинство террористических актов совершалось и совершаются с большим количеством «случайных» жертв, то есть людей, никак не связанных с какой-либо общественной деятельностью. Тенденция же второй половины XX столетия говорит о том, что подавляющее большинство террористических актов совершается против обывателей,

ни в чем не повинных людей, детей, женщин, стариков. Именно этим и достигается максимальное устрашение общества. Также интересная особенность терроризма выделена О. В. Будницким, указывающим на предпочтительность терроризма, которая «состоит в том, что его можно приспособить к любым условиям, использовать для достижения различных целей — как политических, экономических, так и религиозных или же чисто либеральных... И не важно, какой ценой будет достигнута поставленная террористами цель: ценой ли одной человеческой жизни или же сотен» [4]. Поэтому при квалификации акта насилия как акта международного терроризма следует в каждом случае учитывать как его цели, так и его непосредственные объекты.

Постановка проблемы террористической деятельности предполагает применение дифференцированного подхода к актам насилия, совершаемым как акты национально-освободительного движения. Можно указать на наличие двух категорий таких акций. Во-первых, проводимые национально-освободительными движениями военные акции в отношении правительственных объектов представителей оккупационной власти, их карательных отрядов и т. д. В основу таких акций положена цель защиты национального суверенитета. Ими причиняется реальный урон данным режимам и со стороны международной общественности отсутствует какая-либо отрицательная реакция. Во-вторых, выделяются бессмысленные по своей жестокости акты насилия в отношении гражданского населения, совершаемые лицами, указывающими на свою принадлежность к определенному национально-освободительному движению.

Наличие у террористов потребности в применении актов насилия в отношении гражданского населения как определенного усилителя их ограниченного потенциала, стремление террористов к непропорционально широкому политическому и медийному эффекту позволяет понять, почему международный терроризм не выступает в качестве орудия «сильных», то есть государств, и почему политически мотивированное насилие, осуществляемое против гражданского населения со стороны самого государства не может быть признано терроризмом.

Террористическая деятельность исходит, прежде всего, из особенностей массового сознания, его готовности к восприятию существующей реальности, поэтому террористы и стремятся с учетом возможностей СМИ довести до населения реальные масштабы трагедии, где одной из основных целей является привлечение внимания и даже формирование симпатии в обществе. Поэтому террористы и стремятся к саморекламе.

Это происходит на фоне существования у террористических организаций тесных связей на общих идеологических и конфессиональных, военных, коммерческих и иных подходах. У террористических группировок, особенно у их руководителей, существует достаточно тесное взаимодействие по вопросам закупок вооружения, взаимного прикрытия, разделения основных функций и задач, возникающих при осуществлении масштабных операций (как, например, в Афганистане или Ливане). Современное террористическое сообщество активно использует маневрирование силами и средствами, использует нелегальные каналы для переброски больших масс оружия или боевиков. При этом в качестве отличительной особенности терроризма следует назвать открытое игнорирование общепринятых моральных и правовых норм. Например, К. Ф. Шереметом справедливо отмечается тот факт, что «терроризм отражает культ насилия и способствует его развитию, давая ему преимущества перед правовыми, социальными методами разрешения конфликтов в обществе» [18]. В данном случае использование силы или угроза ее применения против невинных лиц направлены на достижение своих идеологических, психологических, финансовых и иных целей. И что характерно, при получении доступа к современным средствам ведения информационной войны у международного терроризма усиливается стремление навязать народам собственные идеи и дать свои оценки существующей ситуации.

Обзор истории международного терроризма показывает, что террористы целенаправленно выбирали такие цели для атак, чтобы была возможность максимального привлечения для освещения средств массовой информации. Глобальный характер современного

международного терроризма в значительной степени обеспечивается посредством тиражирования средствами массовой информации идей, фактов, требований, методов деятельности террористов в планетарном масштабе, нередко — с обеспечением эффекта непосредственного присутствия масс людей при совершении террористических акций, что, помимо прочих последствий, существенно способствовало реализации важнейшей функции мирового терроризма — устрашения его противников во всех регионах мира.

Компонент присутствия средств массовой информации и информационного продвижения занимает центральное место в стратегии развития современного международного терроризма. Без посредников террористическая организация не имеет возможности передать свои сообщения, не говоря уже о том, чтобы шокировать или напугать целевую аудиторию. Успех современной террористической кампании, возможно, зависит и от количества «рекламы», которую он получает. Во многих случаях террористические атаки направлены не на определенного субъекта, а скорее на группу, которая разделяет общую черту и символизирует более широкую цель террористической организации (русские, американцы, израильтяне, православные, «неверные», «западники» и т. д.). При этом исследования подтверждают, что интенсивное освещение средствами массовой информации террористической деятельности привело к переоценке населением фактического числа и частоты терактов в регионах проживания. А постоянный показ по телевидению террористического насилия и различных угрозы против государства повышает уровень тревоги среди телезрителей [11].

При этом объективные процессы глобализации информационного пространства и широкое использование электронных средств ведут также к появлению новых методов и средств терроризма, в частности, электронного и компьютерного. Имевшие место случаи несанкционированного проникновения хакеров в информационные системы высокой государственной важности, в частности, на территории США, свидетельствуют об исключительно высоком уровне угрозы указанных видов терроризма. Наконец, увеличение потенциала

международного терроризма интенсивно происходит в настоящее время за счет совершенствования различных традиционных средств и методов насильственного воздействия на объекты терроризма, в том числе — за счет совершенствования средств так называемого бомбового терроризма, использования новых видов взрывчатых веществ, а также новых форм и методик их применения (автомобили-бомбы, террористы-камикадзе и т. д.).

Принципиальное значение для увеличения вооруженного потенциала международного терроризма имеет также оснащение крупных террористических организаций средствами ведения бандитско-повстанческой деятельности, борьбы с регулярными вооруженными силами, что отражает превращение многих крупных террористических организаций одновременно в многофункциональные незаконные вооруженные формирования и усиливает их возможности по реализации ряда стратегических задач борьбы с их политическими противниками (прежде всего задач сепаратистского характера, по отторжению определенных территорий, захвату власти и др.).

Следовательно, современному терроризму как системе политического насилия свойственны особые признаки и характерные черты, благодаря которым он существенно отличается от террористической деятельности в XIX–XX веках:

- представляя собой абсолютную общественную опасность, современный терроризм стремится не к уничтожению определенных лиц, а убийству или захвату в заложники значительного количества лиц из числа гражданского населения, которые часто случайным образом могут оказаться на месте теракта;
- современному терроризму присущ публичный характер при исполнении террористических актов. В настоящее время совершение терактов предполагает обязательную широкую огласку и открытое предъявление своих требований государству с привлечением всего спектра средств массовой информации;
- в качестве основной цели и отличительной особенностью современного терроризма выступает преднамеренное формирование в обществе обстановки подавленности, страха и напряженности, которая присутствует не

на узкогрупповом, а на социальном уровне. В следствие этого современный терроризм есть объективный деструктивный социально-психологический фактор, оказывающий воздействие на все общество, вынуждая тем самым на определенные действия в интересах террористов;

- террористической активности присущ двойственный характер, состоящий в применении физического насилия в отношении некоего количества лиц и определенного имущества, и психологического воздействия — в формировании определенного поведения у неограниченного круга лиц.

Литература

- [1] Авдеев Ю. И. Современный международный терроризм: Новые угрозы и актуальные вопросы противодействия // Актуальные проблемы Европы : сб. науч. трудов. — 2003. — № 1. Европа и США перед вызовом терроризма. — С. 22–23.
- [2] Антонян И. И. Преступления международного характера. — М., 1998. — С. 10.
- [3] Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального. Екатеринбург, 2000. — С. 67–68.
- [4] Будницкий О. В. История терроризма в России. — Ростов н/Д., 1996. — С. 16.
- [5] Гаврилин Ю. В., Смирнов Л. В. Современный терроризм: сущность, типология, проблемы противодействия. — М. : ЮИ МВД России, Книжный мир, 2003. — С. 6.
- [6] Гаухман Л. Д. Уголовно-правовая борьба с терроризмом // Законность. — 2001. — № 5. — С. 5–7.
- [7] Гилинский Я. И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. — СПб. : Алеф-Пресс, 2014. — С. 282.
- [8] Калика А. Россия должна избежать «палестинизации» // НГ-Дипкурьер. — 2004. — 11 окт.
- [9] Камю А. Избранные произведения / послесловие С. Великовского. — М. : Панорама, 1993. — С. 319.
- [10] Кожушко Е. П. Современный терроризм: анализ основных направлений. — Мн. : Харвест, 2000. — С. 366.
- [11] Мишель Слон. Отклики на освещение СМИ терроризма // Журнал разрешения конфликтов. — 2000. — Т. 44. — № 44. — С. 520.
- [12] Наумец А. Б. Влияние религиозного фактора на возникновение политического экстремизма и терроризма // Современный терроризм: состояние и перспективы. — М., 2000. — С. 135.
- [13] Политический экстремизм и его профилактика у современной молодежи / под ред. А. С. Зайналабидова, В. В. Черноуса. — Ростов н/Д., 2003. — С. 135.
- [14] Сахибгоряев В. Х. Массовое сознание фашистской Германии. — Ростов-н/Д., 2004. — С. 70.
- [15] Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции. — М., 2003. — С. 19.
- [16] Устинов В. В. Обвиняется терроризм. — М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2002. — С. 8.
- [17] Хоффман Брюс. Терроризм — взгляд изнутри. — М., 2003. — С. 7.
- [18] Шеремет К. Ф. Из материалов Круглого стола «Терроризм: психологические корни и правовые оценки» // Государство и право. 1995. — № 4. — С. 22.
- [19] Aliipur H. Otnositel'nost' ponjatie terrorizma s točki fi gh (Farsi) // Zhurnal motaliat-i rahbordi. — 2010. — № 50. — С. 12.

PINCHUK Andrey Yurievich,

Candidate of Political Sciences, the First Pro-rector

E-mail: a.pinchuk@stankin.ru

MSTU STANKIN, Moscow

INTERNATIONAL TERRORISM AS A SYSTEM OF VIOLENCE

Terrorism in the General list of actual and permanently existing forms of violence is one of the most progressive at present socio-cultural and political phenomena. As a socio-political phenomenon, international terrorism is a form of political struggle based on violence that violates the basic norms and principles of international law. The article also notes that the terrorist activity is based, first of all, on the peculiarities of mass consciousness, its readiness to perceive the existing reality, so the terrorists seek, taking into account the possibilities of the media to bring the real scale of the tragedy to the population. Where one of the main goals is to attract attention and even the formation of sympathy in society. Therefore, the terrorists and strive for self-promotion. Consequently, based

on the totality of organizational and tactical parameters, terrorism appears to be a special form of violence that is systemic, consistent and massive, using the tactics of unpredictability in the Commission of terrorist attacks aimed at increasing fear.

Key words: terrorism, international terrorism, nationalist terrorism, terrorist act, political violence, religious factor.

References

- [1] Avdeev Yu. I. Sovremennyy mezhdunarodnyy terrorizm: Novye ugrozy i aktual'nye voprosy protivodejstviya // Aktual'nye problemy Evropy : sb. nauchnyh trudov. — 2003. — № 1. Evropa i SShA pered vyzovom terrorizma. [Modern international Terrorism : New Threats and Pressing Issues of Counteraction // Actual Problems of Europe: Collection of scientific papers. — 2003. — No. 1. Europe and the United States before the challenge of terrorism]. — P. 22–23.
- [2] Antonyan I. I. Prestupleniya mezhdunarodnogo haraktera [Crimes of an International Character]. — Moscow, 1998. — P. 10.
- [3] Baudrillard J. I. V teni molchalivogo bol'shinstva, ili konec social'nogo [In the Shadow of the Silent Majority, or the End of the Social]. — Ekaterinburg, 2000. — Pp. 67–68.
- [4] Budnitsky O. V. Istorija terrorizma v Rossii [The History of Terrorism in Russia]. — Rostov na Donu, 1996. — P. 16.
- [5] Gavrilin Yu. V., Smirnov L. V. Sovremennyy terrorizm: sushhnost', tipologiya, problemy protivodejstviya [Modern Terrorism: Essence, Typology, Problems of Counteraction]. — Moscow : Jul MVD Rossii, Knizhnyj mir, 2003. — P. 6.
- [6] Gauhman L. D. Ugolovno-pravovaya bor'ba s terrorizmom [Criminal-Legal Struggle Against Terrorism] // Zakonnost' [Legitimacy]. — 2001. — No. 5. — Pp. 5–7.
- [7] Gilinsky Ya. I. Kriminologiya: teorija, istorija, empiricheskaja baza, social'nyj kontrol' [Criminology: Theory, History, Empirical Base, Social Control]. — St. Petersburg : Aleph-Press, 2014. — P. 282.
- [8] Kalika A. Rossija dolzhna izbezhat' "palestinizacii" [Russia should Avoid "Palestinianization"] // NG-Dipkur'er [NG-Dipkurer]. — 2004. — Oct. 11.
- [9] Camus A. Izbrannye proizvedenija / posleslovie S. Velikovskogo [Selected Works / Perspective of S. Velikovsky]. — Moscow : Panorama, 1993. — P. 319.
- [10] Kozhushko E. P. Sovremennyy terrorizm: analiz osnovnyh napravlenij [Modern Terrorism: Analysis of the Main Directions]. — Minsk : Harvest, 2000. — P. 366.
- [11] Michelle Slon. Otkliki na osveshhenie SMI terrorizma [Responses to Media Coverage of Terrorism] // Zhurnal razreshenija konfliktov [Journal of Conflict Resolution]. — 2000. — Vol. 44. — No. 44. — P. 520.
- [12] Naumets A. B. Vlijanie religioznogo faktora na vozniknovenie politicheskogo ekstremizma i terrorizma [The Influence of the Religious Factor on the Emergence of Political Extremism and Terrorism] // Sovremennyy terrorizm: sostojanie i perspektivy [Modern Terrorism : State and Prospects]. — Moscow, 2000. — P. 135.
- [13] Politicheskij ekstremizm i ego profilaktika u sovremennoj molodezhi / pod red. A. S. Zajnalabidova, V. V. Chernousa [Political Extremism and Its Prevention in Modern Youth / ed. by A. S. Zainalabidov, V. V. Chernous]. — Rostov na Donu, 2003. — P. 135.
- [14] Sakhboryaev V. Kh. Massovoe soznanie fashistskoj Germanii [Mass Consciousness of Fascist Germany]. — Rostov na Donu, 2004. — P. 70.
- [15] Stiglitz J. Globalizacija: trevozhnye tendencii [Globalization: Disturbing Trends]. — Moscow, 2003. — P. 19.
- [16] Ustinov V. V. Obvinjaetsja terrorizm [Accused of Terrorism]. — Moscow : OLMA-PRESS, 2002. — P. 8.
- [17] Hoffman Bruce. Terrorizm — vzgljad iznutri [Terrorism is a View from Within]. — Moscow, 2003. — P. 7.
- [18] Sheremet K. F. Iz materialov Kruglogo stola "Terrorizm: psihologicheskie korni i pravovye ocenki" [From the Materials of the Round Table "Terrorism: Psychological Roots and Legal Assessments"] // Gosudarstvo i pravo [State and Law]. — 1995. — No. 4. — P. 22.
- [19] Aliipur H. Otnositel'nost' ponjatje terrorizma s tochki fi gh (Farsi) // Zhurnal motaliat-i rahbordi. — 2010. — No 50. — P. 12.

УДК 321

БАГАЕВА Алиса Валерьевна,
кандидат социологических наук, доцент,
доцент кафедры социологии международных отношений
E-mail: dagny35@gmail.com
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова», г. Москва

РОЛЬ МИГРАЦИИ В УСКОРЕНИИ И ЗАМЕДЛЕНИИ ПРОЦЕССОВ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ

В современном мире разворачиваются масштабные процессы, результатами которых становятся изменения в экономике, социальные и духовные трансформации, политические перемены. Все сдвиги в отмеченных областях, соединяясь вместе, оказывают влияние на глобальные и региональные реалии. Одним из общемировых потоков, стремительно меняющим социально-экономический и политический ландшафт регионов, выступает миграция населения. Если до недавнего времени она способствовала продвижению региональной интеграции, то сейчас в миграции появились черты, вызывающие не усиление единства граждан, проживающих в одном регионе, не укрепление их региональной идентичности, а, наоборот, снижающие уровень региональной сплоченности.

Ключевые слова: миграция, глобализация, регионализация, региональное управление миграцией, интеграционные организации, рынок труда.

Миграция населения с самого начала человеческой истории выступала мощным фактором образования практически всех социальных институтов. Она изначально имела глобальные масштабы, повсеместно обнаруживала общие тенденции, рожденные потребностью людей искать новое место жизни из-за скудости ресурсов, природных катаклизмов, конфликтных отношений с соседями или собственном социуме. Побуждающие миграцию причины концентрировались в определенных зонах планеты. Движение из них приобретало форму мощно наполненного людского потока. При том, что данный миграционный поток можно представить как глобальный и он выступает одним из характерных черт глобализации, его последствия проявлялись в первую очередь на региональном уровне [7, с. 70–85].

Миграция населения выступила в роли одного из первых и наиболее четко выраженных факторов регионализации. Эту роль она успешно играла на протяжении нескольких тысячелетий, способствуя созданию национальных государств, формированию сначала на-

ционального, а затем и регионального самосознания. С середины прошлого столетия региональная миграция подтолкнула политиков к образованию региональных интеграционных структур.

Но в социально-политической реальности существует скрытый механизм песочных часов. «Песчинки», в данном случае под которыми понимаются негативные аспекты миграции, стали ускоренно накапливаться именно в тех пространствах, в которых для них были созданы привилегированные условия. Институты региональной интеграции, облегчая взаимодействие стран-участниц процесса, оказались причастны именно к ослаблению любых барьеров на пути новых трудовых мигрантов. В Европе, где интеграционный потенциал заметно опередил подобные проекты в других регионах, критическая масса мигрантов проявилась раньше.

В апреле 2010 г. авторитетный британский журнал «The Economist», констатируя этот факт, решил исправить геополитические ошибки истории и опубликовал «правильную» кар-

ту Европы [10]. Специалисты «The Economist» уже тогда уверяли, что люди, которым досаждают соседи, всегда могут переехать в другое место, а вот государства не могут. Однако в воображении они могли бы это сделать. Поэтому, если переделать карту Европы, жизнь в ней стала бы более логичной и дружной. В новой картографической концепции этого журнала, Латвия, для удобства мигрантов из Восточной Европы и Балтии, «переехала» совсем близко к Ирландии, а Великобританию раздробило на четыре новых острова. Новая Чехия вытеснила Бельгию в центр континента. А Швейцария разместилась на Скандинавском полуострове между Норвегией и Швецией, видимо, отразив мысли авторов карты об общем пространстве социальных государств. Украина нашла себя не у Черного, а у Балтийского моря, заняв место Польши. Аргументация журнала об удобстве для мигрантов, логике и дружбе на самом деле прикрывала глубину реальных проблем, которые появились в Европейском союзе в результате усиления миграционных волн.

В миграционном шторме «лодку» Евросоюза сильно «закачало». Произошло это, естественно, не только из-за внутренней миграции населения граждан стран ЕС из одного государства в другое, а из-за возникшего нового каче-

ства и объема внешнего измерения миграции. Не справляясь с наплывом этих мигрантов из Африки и Ближнего Востока, существенную ношу которого пришлось невольно брать на себя странам Южной Европы и Балкан, в первую очередь Македонии и Сербии, брюссельская бюрократия задумала распределить прибывающих по странам Евросоюза. Стало очевидным, что перспектива приема беженцев из Африки и Сирии активизировала европейских правых. Страх перед мигрантами в Соединенном Королевстве вылился в процесс, получивший название Brexit.

В государствах Восточной Европы, которые для вступления в Евросоюз имели минимальные возможности как миграции собственных граждан между странами региона, так и приема иностранцев не из региона, сложился антимиграционный консенсус властей и граждан. Первые образовали фронды против квот на прием мигрантов, спущенные из Брюсселя, а жители восточноевропейских стран стали открыто демонстрировать опасения появления на окраинах своих больших и малых городов резерваций, в которых компактно будут проживать выходцы из мусульманских стран. Такое поведение власти и настроения населения явились подтверждением того, что в ру-

ководстве европейской интеграционной структуры нет понимания отличий природы транзитной миграции в транзитных странах (которыми, войдя в постсоциализм, стали восточноевропейские государства) от миграции в странах с развитой и устойчивой экономической моделью [9]. В транзитных странах сложности регулирования транзитной миграции могут оказаться причиной масштабного кризиса, охватывающего все сферы общественной жизни и государственного управления.

О том, что он возможен, говорила уже одна из первых акций против мигрантов, устроенная 1 августа 2015 г. в Праге на футбольном матче фанатами футбольного клуба «Яблонец» из одноименного города. Они растянули на своей трибуне огромный баннер, изображающий

Европу в облики женщины-валькирии со щитом и копьем, изгоняющей свинью в восточном халате и чалме, из копыт которой выпадает книга с надписью «Коран». Традиция придавать карте континента антропоморфные очертания родилась еще в Средневековье и востребована сейчас. Также широкий резонанс получили действия общественного движения «Мы не хотим ислам в Чехии». Его активисты организовали перформанс, во время которого в нескольких многолюдных местах Праги появились скульптуры женщин в хиджабах, побитых камнями, с табличками «Была неверной мужу», «Забеременела после изнасилования» и т. д. В Словакии «Народная партия — Наша Словакия» во главе с лидером Марианом Котлебой выступила инициатором шествия против исламской иммиграции. Его участники прошли с плакатами и баннерами, на которых присутствовали изображения перечеркнутых мечетей, лозунги «Мультикультурализм — это геноцид», «Остановите иммиграцию», «Словакия — не Африка!», «Наши предки проливали свою кровь за словаков, а не за африканцев и мусульман» и т. п. [5]. В таких протестах граждане восточноевропейских стран по своим политическим настроениям все больше сближаются с консервативной частью Западной Европы.

С одной стороны, в подобных акциях отразилась тенденция формирования общеевропейской идентичности, в которой есть место и левым, и центристским, и правым как взглядам, так политическим программам. Речь идет о схожем понимании общих проблем, присутствующем людям с близкими доходами, жизненными установками и профессиональной принадлежностью. И этот аспект политического сознания жителей Европы подтверждает верность взятого еще в 1950-х годах интеграционного курса.

С другой стороны, обнаруживается тот же самый механизм песочных часов. Для Восточной Европы, как транзитного пространства, его действия в самых разных областях не случайны. И в начале XXI в. они проявились в экономической сфере. Изменения в экономике региона, в наиболее успешных его странах, привели к тому, что «песчинки», которыми являлась восточноевропейская рабочая сила на рынке труда Западной Европы, перестали быть

самыми дешевыми в ЕС, в котором в 2006 году была принята «Директива по услугам на внутреннем рынке» [13, с. 36–68]. Этот законодательный акт впервые в истории Европейского союза закрепил общие основы функционирования рынка услуг как составной части единого экономического пространства («внутреннего рынка») Евросоюза. «Директивой» создавались исключительно благоприятные условия для миграции трудовых ресурсов в «старые» страны ЕС.

В роли символа обозначения дешевой восточноевропейской рабочей силы выступил образ «польского сантехника» (фр. *plombier polonais*, польск. *polski hydraulik*). Поучительно, во-первых, то, что этот образ в массовое сознание был запущен в 2005 году в период общенациональной дискуссии по поводу референдума по Европейской конституции. А, во-вторых, с точки зрения взаимовлияния миграции и региональной интеграции, важно, что в оборот термин ввел не журналист или оппозиционный политик, а европейский чиновник. Это был комиссар по вопросам внутриевропейского рынка Фриц Болькенштайн, являвшийся создателем вышеупомянутой «Директивы». На одной из пресс-конференций он в провокационном духе заявил, что предпочел бы нанять для ремонта своего второго дома на севере Франции польского сантехника, поскольку стало сложно найти работника из коренных западноевропейцев. Распространению такого клише способствовал правоконсервативный политик Филипп де Вилье. Однако это не значит, что символ стал полемическим орудием евроскептиков. Его также с успехом в политической риторике использовали сторонники европейской интеграции и принятия конституции, которые обвиняли ее противников в ксенофобских настроениях.

Отметим, что это был не единственный символический профессиональный образ, свидетельствующий о новых процессах на европейском рынке труда. Однако представления об «эстонском архитекторе» и «чешской медицинской сестре» не стали столь масштабными. Кроме того, надо учитывать реакцию на получившие хождение в Западной Европе образы восточноевропейских специалистов. Например, в Польше их посчитали проявлением

полонофобии. В ответ был создан рекламный плакат, рассчитанный на туристов из Франции. Изображенный на нем манекенщик Петр Адамский в виде «сантехника» на французском языке призывает их приезжать в Польшу, говоря: «Я остаюсь в Польше, приезжайте сколько хотите!».

Несмотря на то, что между польской миграцией и термином «полонофобия» нет прямой связи, можно найти некоторые косвенные обстоятельства, связанные с распространением этой дефиниции в периоды наиболее активной трудовой миграции поляков на Запад. Понятие впервые появилось в 1919 году по аналогии с антисемитизмом в книге польского историка Франтишека Буяка «*La question Juive en Pologne*» [11]. В самой Польше о нем вспомнили в период подъема антисоциалистических настроений в 1980-е годы, превратив его в часть политической лексики. Если сравнивать активность употребления данной дефиниции с активностью на миграционном поле, то связи очевидны. Внутри страны они отражали опасения самих потенциальных мигрантов и переживания их близких о негостеприимном отношении в стране, куда они были намерены выехать. При этом нельзя полностью исключать справедливость таких опасений.

В подтверждение можно привести пример, когда в 2003 году в британской ежедневной газете «*Independent*» была опубликована уничижительная карикатура на гастарбайтеров из Литвы. Они были представлены в виде людей, запечатанных в консервной банке с надписью на упаковке: «Работники-мигранты», «Упаковка дешевой рабочей силы», «Продукт из Восточной Европы», «2 по цене 1». Текст в правом нижнем углу гласил: «Каждый литовец помогает» (англ. «*Every lithuanian helps*»). Это был перефразированный слоган транснациональной корпорации Tesco (LSE: TSCO), являющейся крупнейшей розничной сетью в Великобритании, — «Каждый по нитке» (англ. «*Every little helps*»). Посол этой балтийской страны в Лондоне написала в редакцию газеты письмо, где карикатура была названа отвратительной, ксенофобской и расистской. «*Independent*» пришлось извиняться [6]. А в 2016 году листовки с ксенофобским содержанием «Мы выходим из ЕС. Больше не будет польских паразитов»,

распечатанные на принтере, стали рассылаться по адресам британского Кембриджа, где проживали поляки [3]. Польских иммигрантов анонимные активисты останавливали на улицах и объявляли, что им приказано покинуть Соединенное Королевство. В столице на здании Польского культурного центра были обнаружены надписи с требованием отъезда поляков из страны. Все это в польском посольстве расценили как проявления расизма.

Безусловно, подобные инциденты только придавали весомости настроенности восточноевропейцев либо на возвратную миграцию, либо на отказ от таковой в страны Западной Европы. Разница между двумя антимигрантскими акциями 2003 и 2016 годов состояла в том, что ситуация на рынке труда в Британии была уже окрашена тонами Brexit. И под влиянием изменившихся общественных настроений средства массовой информации не стали оправдываться в подобных высказываниях.

В то же время внутреннее состояние рынка труда в Западной Европе есть лишь половина проблемы, побуждающей граждан Восточной Европы менять вектор миграции. И сам этот регион начал испытывать нехватку рабочих рук. Одной из причин явилось старение населения, идущее ускоренными темпами. Другой причиной выступает то, что молодые люди, имеющие современную квалификацию, по-прежнему не видят перспектив у себя на родине. Трудовые мигранты из бывших советских республик, ныне независимых государств, получивших право на безвизовый въезд в Евро-союз, не имеют разрешения на работу. Они трудятся нелегально. Но часто их трудовая культура не соответствует требованиям польских или чешских работодателей. К тому же местные жители негативно относятся ко всем мигрантам, не разделяя их по национальности и вере. При этом экономика Восточноевропейских государств растет. Как следствие увеличивается число вакансий. Отсутствие кандидатов на их заполнение вредит не только социально-экономической сфере, но и создает политические риски. По мнению директора отделения PricewaterhouseCoopers LLP в Будапеште Роберта Бенше, нехватка рабочих рук уже стала главной проблемой многих крупных компаний в Европе. За короткое время количество сво-

бодных рабочих вакансий в Чехии выросло на 166%, что составляет 110 тыс. свободных рабочих мест. При этом в этой стране наблюдается один из самых низких уровней безработицы в Евросоюзе. В Латвии за этот же период число свободных вакансий выросло в три раза. В Польше это значение удвоилось с декабря 2015 к осени 2016 года. Такая ситуация на рынке труда заставляет крупные зарубежные компании менять кадровую политику на своих предприятиях, расположенных в Восточной Европе. Именно так была вынуждена поступить корпорация «McDonald's», отличающаяся исключительно жестокими требованиями к работникам [2].

Таким образом, если «песочные часы» трудовой миграции в восточноевропейском регионе еще не перевернулись, тенденция наметилась. Ее нельзя рассматривать в узко миграционных рамках, поскольку она имеет выражение на всех уровнях европейской политики, а также в массовом сознании граждан, под влиянием собственных оценок миграции рассматривающих перспективы европейской интеграции. Они же, в свою очередь, оказываются во все большей зависимости не от внутри региональной миграции трудовых ресурсов, а от миграции внешней.

СМИ рисуют привычную картину тысяч беженцев в Европу из стран Северной Африки и Ближнего Востока. При справедливости картины и вытекающей из нее опасности, далеко не все мигранты имеют низкий трудовой потенциал и криминальное прошлое.

Полом Коллиером, бывшим экономистом Всемирного Банка, а сейчас директором Центра по изучению африканской экономики при Оксфордском университете, был введен термин «нижний миллиард» (англ. *The Bottom Billion*). Дефиниция используется для обозначения почти миллиарда отчаявшихся и влачащих существование в нищете людей, преимущественно из государств Черного континента [12]. Продолжением одноименного исследования о таких обездоленных стала книга Коллиера о миграции. Она имеет не менее яркое название — «Исход. Как миграция изменяет наш мир» [4]. В ней он ставит задачу проанализировать последствия разнонаправленных процессов стимулирования или сдер-

живания миграции. Причем автор делает это с трех ракурсов: во-первых, самих мигрантов; во-вторых, близких, которых они оставили на родине; в-третьих, обществ, в которые они иммигрируют. И вот здесь обнаруживается шокирующая ситуация: многие иммигранты из беднейших стран мира обладают силами вырваться из «нижнего миллиарда», для этого они имеют необходимое образование, подкрепленное амбициями. Этим объясняется их экономический успех на новом месте. Но это же становится причиной расширения состава «нижнего миллиарда», поскольку, оставляя родные страны, они лишают их своего вклада в развитие, обрекая на еще большее прозябание.

Разнообразие категорий трудовых мигрантов, которые включают как высококвалифицированных экспатриантов, так и неграмотных беженцев, искажают целостное восприятие миграции в современном мире. Несмотря на то, что эта тема является чрезвычайно острой, напрямую миграция затрагивает лишь около 3% населения Земли. Британский ученый-статистик Питер Сталкер, приводя разные взгляды на миграцию, делает положительный вывод о вкладе миграционных процессов в мультикультурность современного общества [8]. Анализируя этот вклад с точки зрения регионализации, с ним можно поспорить.

Регион имеет не только географическую определенность, но и ментальные характеристики, отражающие сложносоставную общность данного пространства. Европейская региональная интеграция, хотя и начала воплощаться в жизнь относительно недавно, шла из глубины веков. Ее основы, связанные с осознанием жителями своей европейской идентичности не могли разрушить ни две мировые войны, ни «железный занавес». Новые миграционные потоки, обрушившиеся на международный рынок труда в условиях глобализации, в качестве компоненты, которая выражала бы идентичность новых мигрантов, предполагали идентичность транснациональную [1].

Пока она не только не сформирована, а напоминает фантом, которому невозможно превратиться в реальность без преодоления образа врага, без выстраивания политической и социокультурной коммуникации в рамках

подлинного кросскультурного диалога. Более того, пока существуют эти проблемы с транс-национальной идентичностью, они будут препятствовать разрешению противоречий между

миграцией трудовых ресурсов и региональной интеграцией, в тех регионах, где региональная интеграция не сформирована, и осложнять эти противоречия там, где она уже есть.

Литература

- [1] Акопов С. В., Розанова М. С. Идентичности в эпоху глобальных миграций. — М. : ДЕАН, 2010. — 272 с.
- [2] В Восточной Европе развернулась настоящая охота за рабочими руками [Электронный ресурс]. — URL: <http://mmgp.ru/showthread.php?t=465938>
- [3] В посольстве Польши в Великобритании обеспокоены случаями расизма в отношении поляков [Электронный ресурс]. — URL: <https://russian.rt.com/article/309776-v-posolstve-polshi-v-velikobritanii-obespekoyeny-sluchayami>
- [4] Коллиер П. Исход. Как миграция изменяет наш мир. — М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2017. — 384 с.
- [5] Мальцев В. Восточная Европа опасается исламизации // Независимая газета. — 2015. — 19 авг.
- [6] Польский сантехник — первая жертва Brexit [Электронный ресурс]. — URL: http://pikabu.ru/story/polskiy_santekhnik_pervaya_zhertva_brexit_4301665
- [7] Цапенко И. П. Регионализация миграционных процессов // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. — 2017. — № 4. — С. 70–85.
- [8] Сталкер П. Международная миграция. — М. : Книжный Клуб Книговек, 2015. — 192 с.
- [9] Транзитная миграция и транзитные страны. Теория, практика и политика регулирования / под ред. И. Молодиковой, Ф. Дювеля. — М. : Университетская книга, 2009. — 392 с.
- [10] Redrawing the Map [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.economist.com/europe/2010/04/29/redrawing-the-map>
- [11] Bujak F. La question juive en Pologne. — Paris : Imprimerie Levé, 1919. — 49 p.
- [12] Collier P. The Bottom Billion. — Oxford : Oxford University Press, 2007. — 205 p.
- [13] Directive 2006/123/EC of the European Parliament and of the Council of 12 December 2006 on Services in the Internal Market // Official Journal. OJ L 376. — December 27, 2006. — Pp. 36–68.

BAGAYEVA Alisa Valeryevna,

*Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Sociology,
International Relations
E-mail: dagny35@gmail.com
Lomonosov Moscow State University, Moscow*

THE ROLE OF MIGRATION IN ACCELERATING AND SLOWING DOWN THE PROCESSES OF REGIONALIZATION

In the modern world, large-scale processes are unfolding, the results of which are changes in the economy, social and spiritual transformations, political changes. All the shifts in these areas, connecting together, have an impact on global and regional realities. One of the worldwide flows, rapidly changing the socio-economic and political landscape of the regions, is migration of the population. Until recently, it has contributed to the promotion of regional integration, recently, features have emerged in migration that do not enhance the unity of citizens living in the same region, not the strengthening of their regional identity, but, on the contrary, reducing the level of regional cohesion.

Keywords: *migration, globalization, regionalization, regional migration management, integration organizations, labor market.*

References

- [1] Akopov S. V., Rozanova M. S. Identichnosti v epohu global'nyh migracij [Identity in the Era of Global Migration]. — Moscow : DEAN, 2010. — 272 p.
- [2] V Vostochnoj Evrope razvernulas' nastojashhaja ohoty za rabochimi rukami [In Eastern Europe, a Real Hunt for Working Hands Unfolded] [Electronic resource]. — URL: <http://mmgp.ru/showthread.php?T=465938>

[3] V posol'stve Pol'shi v Velikobritanii obespokoeny sluchajami rasizma v otnoshenii poljakov [The Polish Embassy in the UK is Concerned about Cases of Racism against Poles] [Electronic resource]. — URL: <https://russian.rt.com/article/309776-v-posolstve-polshi-v-velikobritanii-obespokoeny-sluchayami>

[4] *Collier P.* Ishod. Kak migracija izmenjaet nash mir [Exodus. How Does Migration Change Our World]. — Moscow : Izdatelstvo Instituta Gajdara, 2017. — 384 p.

[5] *Maltsev V.* Vostochnaja Evropa opasaetsja islamizacii [Eastern Europe Fears Islamization] // *Nezavisimaya gazeta* [Independent Newspaper]. — 2015. — August 19.

[6] Pol'skij santehnik — pervaja zhertva Brexit [Polish Plumber — the First Victim of Brexit] [Electronic resource]. — URL: http://pikabu.ru/story/polskiy_santehnik_pervaya_zhertva_brexit_4301665

[7] *Tsapenko I. P.* Regionalizacija migracionnyh processov [Regionalization of Migration Processes] // *Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo* [Contours of Global Transformations: Politics, Economics, Law]. — 2017. — No. 4. — Pp. 70–85.

[8] *Stalker P.* Mezhdunarodnaja migracija [International Migration]. — Moscow : Book Club Knigovek, 2015. — 192 p.

[9] *Tranzitnaja migracija i tranzitnye strany. Teorija, praktika i politika regulirovanija / pod red. I. Molodikovoj, F. Djuvelja* [Transit Migration and Transit Countries. Theory, Practice and Policy of Regulation / ed. by I. Molodikova, F. Duvel]. — Moscow : Universitetskaja kniga, 2009. — 392 p.

[10] Redrawing the map [Electronic resource]. — URL: <https://www.economist.com/europe/2010/04/29/redrawing-the-map>

[11] *Bujak F.* La question juive en Pologne. — Paris : Imprimerie Levé, 1919. — 49 p.

[12] *Collier P.* The Bottom Billion. — Oxford : Oxford University Press, 2007. — 205 p.

[13] Directive 2006/123/EC of the European Parliament and of the Council of 12 December 2006 on Services in the Internal Market // *Official Journal. OJ L 376.* — December 27, 2006. — Pp. 36–68.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ И ЕЕ РЕГИОНОВ

УДК 334.021(2Рос.Баш)

ПАНЧИХИНА Ольга Юрьевна,

*Председатель общественной палаты Республики Башкортостан,
исполнительный директор*

E-mail: fondufa@mail.ru

Общественный фонд развития города, г. Уфа

АХМЕТЬЯНОВА Римма Анасовна,

*кандидат социологических наук,
доцент кафедры гуманитарных дисциплин и профсоюзного движения*

E-mail: ahmrimma@gmail.com

*Башкирский институт социальных технологий (филиал)
ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений», г. Уфа*

ПРАКТИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СОЦИАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫХ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ И ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ (на примере Республики Башкортостан)

В статье представлены результаты анализа практики взаимодействия социально-ориентированных некоммерческих организаций (СО НКО) и органов местного самоуправления. На основе данных проведенного социологического исследования были выявлены проблемы, с которыми сталкиваются НКО в своей деятельности. В статье обосновывается точка зрения, согласно которой развитие активности участия СО НКО в деятельности органов местного самоуправления станет возможно в том случае, если будут созданы определенные условия, позволяющие расширить полномочия общественных институтов и участия объединений граждан в принятии решений по вопросам, важным для жизнеобеспечения муниципальных образований и повышения качества жизнедеятельности населения.

Ключевые слова: *некоммерческие организации, органы местного самоуправления, формы взаимодействия, эффективность.*

В настоящее время в Республике Башкортостан сложилась разнообразная практика взаимодействия органов муниципального управления и СО НКО. Вопрос об эффективности их взаимодействия стоит достаточно остро. В связи с этим возникает необходимость проведения социологического исследования, которое позволит получить объективную информацию о реальном состоянии взаи-

модействия НКО с органами местного самоуправления.

В августе-сентябре 2018 г. исследовательским коллективом проекта «Матрица успешных практик СО НКО Республики Башкортостан» было проведено исследование, целью которого являлось выявление основных проблем, возникающих в процессе взаимодействия муниципальных органов власти и СО НКО*.

* Исследование было проведено в рамках Гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом Президентских грантов.

В анкетировании приняли участие 59 руководителей СО НКО Республики Башкортостан. В число руководителей обследованных НКО вошли 59,3% женщин и 40,7% мужчин. Распределение респондентов по возрасту составило: 23–36 лет — 10,2%, 38–43 лет — 13,5%, 46–55 лет — 27,8%, 56–64 лет — 25,7%, 65–77 лет — 22,8%. Высшее образование имеют 89,8%, среднее специальное — 10,2%. Средний стаж среди руководителей АНО ЦСОН и Фондов помощи детям, инвалидам составляет 3 года, руководителей фондов развития районов — 4 года и другим НКО — 5 лет.

В существующей практике взаимодействия НКО с органами муниципального управления

существуют различные формы как материального, так и нематериального плана, дифференцированные по типам НКО [2]. Данные опроса свидетельствуют о преимущественном распространении нематериальных организационных форм взаимодействия, среди которых лидируют такие как:

- предоставление органами муниципального управления информации о НКО;
- участие НКО в совместных с органами власти общественных советах;
- предоставление НКО органам муниципального управления информации, аналитики (табл. 1).

Данные, представленные в таблице 1, свидетельствуют о недостаточной организацион-

Таблица 1 — Распределение ответов респондентов на вопрос: «Взаимодействует ли Ваша организация с органами местного самоуправления (с местной администрацией, главой муниципального образования, депутатами представительного органа местного самоуправления)? Если да, то в каких формах?» (в %)*

Формы взаимодействия	Да	Нет	Итого
Получает муниципальные гранты	11,9	88,1	100
Выполняет работы по социальному заказу	5,1	94,9	100
Выполняет работы по контракту с органами власти, не являющиеся социальным заказом	–	100	100
Участствует в совместных с органами власти общественных (координационных) советах	57,6	42,4	100
Участствует в реализации муниципальных программ (без социального заказа)	37,3	62,7	100
Участствует в совместных с органами власти рабочих группах, переговорных площадках, согласительных и конфликтных комиссиях	50,8	49,2	100
Получает имущественную поддержку от органов власти	34,5	65,5	100
Получает информацию от органов власти	67,8	32,2	100
Предоставляет информацию, аналитику органам власти	50,8	49,2	100
Предоставляет образовательные программы для муниципальных служащих	1,7	98,3	100
Участствует в образовательных программах, предоставляемых органами власти	11,9	86,3	100
Получает методическую помощь от органов власти	13,6	86,4	100
Предоставляет методическую помощь органам власти	18,6	79,1	100
Другое	16,9	83,1	100
Не взаимодействует	8,5	91,5	100

* Данный вопрос анкеты был разработан И. В. Мерсияновой и Л. И. Якобсоном при участии Я. И. Кузьмина [2].

ной и материальной поддержке НКО органами местного самоуправления.

Данные исследования свидетельствуют, что только незначительное количество НКО пользуется финансовой, имущественной и методической поддержкой. Так, муниципальные гранты получают только 11,9% НКО региона. 34,5% НКО Республики Башкортостан получают имущественную поддержку от органов власти. Только 13,6% НКО Республики Башкортостан получают методическую помощь от органов власти. У муниципальных образований, как правило, отсутствуют программы в сфере поддержки и развития НКО.

Безусловно, нематериальные формы взаимодействия НКО с муниципалитетами имеют большое значение. Однако для усиления субъектной роли НКО в решении вопросов местного значения муниципальных образований необходима активизация финансовых и имущественных форм поддержки и выстраивание системы продуктивного взаимодействия, основанных на четких, понятных и стабильных правилах.

В настоящих условиях у органов местного управления нет осознания того, что взаимодействие с НКО является важным ресурсом их собственного развития. НКО проявляют актив-

ность и пытаются наладить эффективное взаимодействие с органами местного самоуправления. Так 84,7% опрошенных руководителей НКО указали, что за последний год их организации часто взаимодействовали с органами местного самоуправления, 15,3% опрошенных редко взаимодействуют с органами муниципального управления. Только 33,3% руководителей НКО в целом довольны взаимодействием с органами местного самоуправления, в то время как 45,6% не довольны и 21,1% затруднились с ответом.

В ходе анкетирования была определена позиция НКО по отношению к органам местного самоуправления. По данным исследования 32,2% респондентов считают, что они помогают органам местного самоуправления в их работе с населением, 28,8% опрошенных отметили, что совместно с органами местного самоуправления вырабатывают и реализуют общественно важные программы, 10,2% руководителей НКО указали, что защищают интересы граждан перед органами муниципальной власти, 22,0% респондентов отметили, что занимаются своим делом, стараясь не вступать в лишние контакты с властями и 6,8% затруднились с ответом. 83,1% опрошенных руководителей согласны с точкой зрения, что НКО

Таблица 2 — Распределение ответов респондентов на вопрос: «Существуют различные точки зрения по вопросу взаимодействия общественных некоммерческих организаций органами местного самоуправления. С какими из приведенных высказываний Вы согласны» (в %)

	Да	Нет	Итого
НКО должны помогать муниципальным органам в их работе с населением	47,5	52,5	100
НКО могут брать на себя решение тех задач, на которые у государства не хватает финансовых ресурсов	32,2	67,8	100
НКО могут участвовать в решении вопросов местного значения, если их затраты компенсируются со стороны органов власти	50,8	49,2	100
НКО должны выступать в качестве подрядчика для реализации социальных программ, инициируемых властью	25,4	74,6	100
НКО и государственные и муниципальные учреждения — это партнеры, которые должны совместно решать проблемы граждан	83,1	16,9	100
НКО должны помогать населению в его конфликтах с муниципальными органами	15,3	84,7	100
НКО должны заниматься своим делом, стараясь не вступать в лишние контакты с властями	3,4	96,6	100

и государственные и муниципальные учреждения — это партнеры, которые должны совместно решать проблемы граждан.

В целом 69,5% опрошенных руководителей характеризуют взаимоотношения НКО с органами местного самоуправления как партнерские. Только 11,9% опрошенных определяют свои взаимоотношения с органами муниципального управления как конфликтные, конкурентные. 10,2% респондентов считают, что нет никаких реальных взаимоотношений между их организацией и органами местного самоуправления (рис. 1). Данные опроса показывают, что за последний год только 8,6% опрошенных сталкивались со случаями неоправданного вмешательства органов местной власти в деятельность НКО. 79,3% респондентов с данной проблемой не сталкивались и 12,1% опрошенных затруднились с ответом.

Позиции НКО как реальных элементов системы местного самоуправления в недостаточной мере закреплены законодательством. 53,4% опрошенных читают, что действующее законодательство защищает НКО от неоправданного вмешательства со стороны органов местной власти в их деятельность, в то же время 42,6% опрошенных считает, что нет (табл. 3).

64,4% опрошенных руководителей считают, что отношение НКО к местной власти

характеризуется их стремлением наладить с ними сотрудничество и оказать им поддержку, 11,9% считают, что это попытки наладить взаимодействие и взаимопонимание, 15,3% характеризуют свое отношение как их игнорирование и равнодушие, 6,8% — как контроль и надзор.

Отсутствие комплексного и системного подхода к поддержке СО НКО в регионе негативно сказывается на их деятельности [1]. Рассматриваемым НКО в большей степени удалось незначительно реализовать в своей практике возможности, предоставляемые органами местной власти (табл. 4).

Среди проблем, с которыми сталкиваются опрошенные нами руководители НКО в своей деятельности, — это недостаточность финансовых, материальных средств, отсутствие поддержки, интереса со стороны возможных спонсоров, бизнес-структур, нехватка транспортных средств, нехватка квалифицированных специалистов (бухгалтеров, юристов) для работы в организации, проблемы с помещением и его оснащением, отсутствие поддержки, интереса со стороны местных властей, нехватка рекламы, недостаточное освещение реализуемых НКО проектов в СМИ. Руководители НКО ожидают реальной помощи или поддержки, в первую очередь, от властей разных уровней (табл. 5).

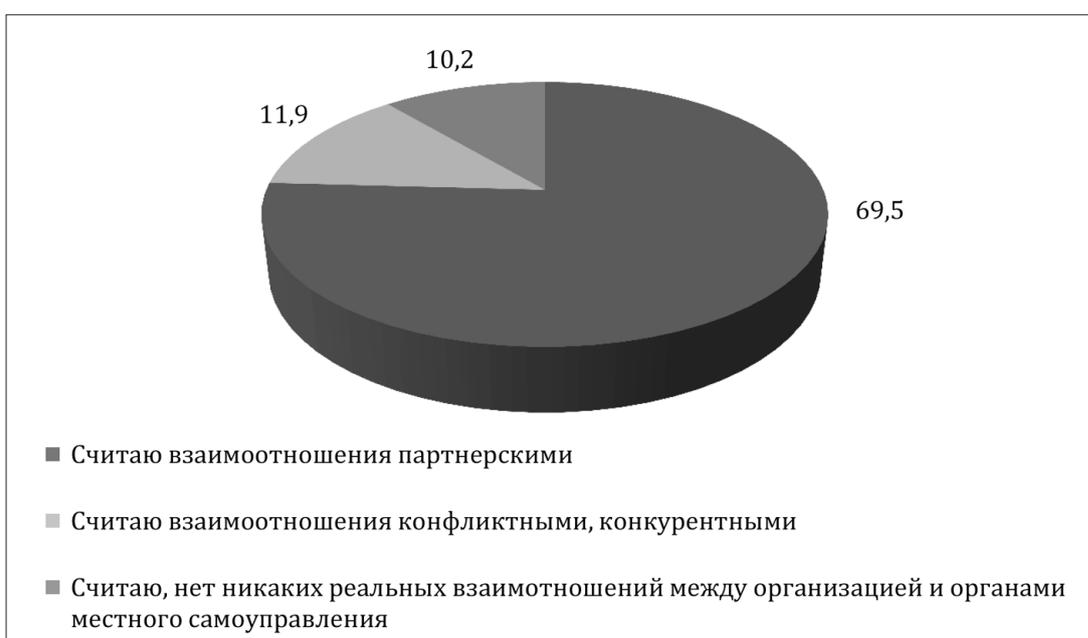

Рисунок 1 — Взаимоотношения НКО с органами местного самоуправления

Таблица 3 — Распределение ответов респондентов на вопрос: «Каким образом, по Вашему мнению, органы местного самоуправления в целом относятся сейчас к общественным некоммерческим организациям» (в %)

	Да	Нет	Итого
Поощряют их развитие	31,0	69,0	100
Налаживают сотрудничество с ними как равноправными партнерами	50,0	50,0	100
Пытаются помогать и сотрудничать	31,6	68,4	100
Относятся к ним равнодушно, игнорируют их	8,8	91,2	100
Пытаются установить контроль над ними	12,3	87,7	100
Существует большой разрыв между провозглашаемой и фактической политикой в отношении общественных некоммерческих организаций	14,0	86,0	100

Таблица 4 — Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какие возможности, предоставляемые органами местного самоуправления, удалось реализовать в практике деятельности своей НКО?» (в %)

	Да	Нет	Итого
Осуществление социальных услуг	32,8	67,2	100
Участие в общественном контроле	15,5	84,5	100
Участие в проектах инициативного бюджетирования (ППМИ, народный бюджет, комфортные дворы, реальные дела)	10,3	89,7	100
Участие в осуществлении местного самоуправления (общественные слушания, собрания, конференции, нормотворческие инициативы, жалобы и предложения, ТОС, другие формы — согласно ФЗ-131)	34,5	65,5	100

Таблица 5 — Проблемы взаимодействия НКО с органами местного самоуправления (в %)

	Да	Нет	Итого
Отсутствие интереса со стороны населения	5,2	94,8	100
Отсутствие поддержки, интереса со стороны возможных спонсоров, бизнес-структур	43,1	56,9	100
Отсутствие поддержки, интереса со стороны местных властей	20,7	79,3	100
Отсутствие поддержки, интереса со стороны региональных властей	12,1	87,9	100
Отсутствие интереса со стороны целевых аудиторий потребителей услуг организации	6,9	93,1	100
Конкуренция среди НКО, борьба одних организаций с другими	–	100	100
Внутренние раздоры в организации	–	100	100
Оказание давления на НКО со стороны органов власти	6,9	93,1	100
Недостаток денег, материальных средств	60,3	39,7	100
Недостаток энтузиазма	6,9	93,1	100
Проблемы с помещением	20,7	79,3	100
Проблемы со средствами связи, коммуникацией	13,8	86,2	100
Недостаток информации, необходимой для работы	6,9	93,1	100

Окончание таблицы 5

	Да	Нет	Итого
Нехватка специалистов для работы в организации	29,8	70,2	100
Нехватка знаний и умений у руководства организации	6,9	93,1	100
Нехватка знаний и умений у сотрудников организации	8,6	91,4	100
Нехватка рекламы деятельности организации	15,5	84,5	100
Конкуренция с органами государственной власти или органами местного самоуправления	3,4	84,5	100
Нехватка транспортных средств	32,8	67,2	100
Оказание давления на НКО со стороны контролирующих инстанций	6,9	84,5	100
Низкое качество финансового менеджмента в организации	–	100	100
Препятствия, связанные с несовершенством российского законодательства	6,9	93,1	100
Проблемы доступа к средствам массовой информации	3,4	96,6	100
Другое	5,2	94,8	100
Нет проблем	8,6	91,4	100
Затрудняюсь ответить	5,2	94,8	100

Для решения других проблем, обозначенных в ответах анкеты, по мнению руководителей НКО, необходимо:

- вести свою деятельность в тесном взаимодействии с органами местного самоуправления;
- рабочую программу составить с учетом взаимодействия с органами местного самоуправления;
- проводить совместные мероприятия с другими общественными организациями;
- привлекать энтузиастов-пенсионеров к общественной работе;
- усилить информационную поддержку деятельности НКО в освещении и качественного донесения информации до граждан о существующих планах НКО, о необходимости общественной поддержки и вовлечения самих граждан в работу;
- повысить имидж, активизировать совместные действия с другими институтами гражданского общества;
- добиться от муниципальных органов власти уважения к НКО;
- организовать совместную деятельность НКО и органов местного самоуправления по разработке комплексных мероприятий;

- привлечь спонсоров для финансирования программ деятельности НКО;
- продолжить работу по получению грантов;
- обратиться в соответствующие органы власти с предложениями о восстановлении льготного налогообложения по имуществу НКО и другим льготам;
- активизировать работу с населением, увеличить количество платных услуг;
- расширить спектр предоставляемых услуг;
- создать новые рабочие места, повысить заработную плату работникам;
- восстановить деятельность рабочей группы по садоводству при Общественной палате Республики Башкортостан;
- привлечь по возможности целевое финансирование от более крупных фондов;
- решить вопрос о проведении о создании Уфимской городской службы труда, спорта и досуга инвалидов;
- расширить членскую базу НКО;
- развивать инновационные предложения по организации просветительской работы;
- добиться заинтересованности муниципальных чиновников в улучшении взаимодействия;

– встречаться с представителями органов местного самоуправления, обсуждать проблемы и технологии их решения.

Большинство опрошенных руководителей (62,7%) оптимистично оценивают перспективы функционирования своей организации на ближайшие один-два года, считают, что она будет успешно функционировать, 11,3% респондентов настроены крайне пессимистично и считают, что их организация будет находиться на грани выживания, 22,0% считают, что трудно сказать однозначно, все будет зависеть от политики и властей, 3,4% опрошенных считают, что трудно сказать однозначно, все зависит от активности граждан.

Данные исследования свидетельствуют о высоком уровне кооперации некоммерческих организаций Республики Башкортостан. Наиболее распространенными формами взаимодействия с другими некоммерческими организациями являются:

- взаимное информирование, информационное сотрудничество;
- совместная организация мероприятий;
- взаимные консультации;
- создание объединенных рабочих групп (табл. 6).

Наиболее эффективными каналами распространения информации о деятельности

НКО по мнению опрошенных руководителей является:

- СМИ (ТВ, радио, пресса);
- Интернет;
- акции, выставки, мероприятия;
- реклама на транспорте;
- рекламные щиты на улице;
- информационные стенды в помещении организации (рис. 2).

Потенциал НКО зависит от целого комплекса внешних и внутренних факторов. Среди внешних: как общая социально-экономическая ситуация в стране, так и условия нормативно-правовой, организационно-административной, образовательной, методической, материально-технической, имущественной, информационной поддержек НКО со стороны муниципалитетов и региональных органов государственной власти. Среди внутренних: опыт и уровень профессионализма руководителей НКО в решении юридических, финансово-экономических, организационно-управленческих, кадровых вопросов, а также задач, касающихся отраслевой специфики в сфере оказания некоммерческих услуг своим целевым группам [3].

Развитие активности участия НКО в деятельности органов местного самоуправления станет возможно в том случае, если органа-

Таблица 6 — Формы взаимодействия с другими некоммерческими организациями (в %)

	Применяем		Итого
	Да	Нет	
Взаимное информирование, информационное сотрудничество	88,1	11,9	100
Совместная организация мероприятий	66,1	33,9	100
Взаимные консультации	59,3	40,7	100
Совместное обращение в органы государственной власти или органы местного самоуправления	29,3	70,7	100
Совместное участие в целевых программах	25,4	74,6	100
Создание объединенных рабочих групп	33,9	66,1	100
Совместное обращение к СМИ	13,6	84,7	100
Совместный поиск источников финансирования	13,6	86,4	100
Приобретение или совместное использование оргтехники, транспортных средств и других ресурсов	13,6	86,4	100
Аренда помещения	10,2	89,0	100

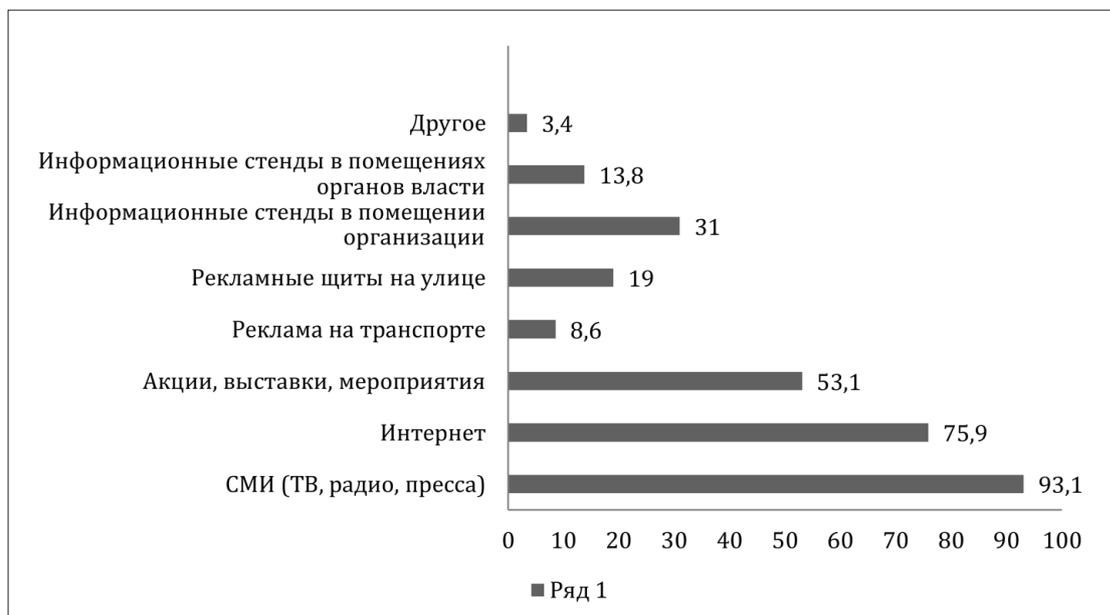

Рисунок 2 — Каналы распространения информации о деятельности НКО*

ми местного самоуправления будут созданы определенные условия, позволяющие расширить полномочия общественных институтов и участия объединений граждан в принятии решений по вопросам, важным для жизнеобеспечения муниципальных образований и повышения качества жизнедеятельности населения. Все НКО, участвующие в анкетировании, не только осознают свои проблемы, но и ясно представляют внутренние резервы своего развития. Они позитивно настроены и все

более готовы к системному взаимодействию и партнерству с органами местной и государственной власти в регионе в решении социальных задач.

В связи с этим становится необходимой разработка мер поддержки НКО со стороны органов местного самоуправления, которые, в конечном счете, будут способствовать укреплению их самих как систем самоорганизации населения для управления процессами, связанными с его жизнеобеспечением.

Литература

[1] Ахметьянова Р. А., Филиппова Н. М. НКО-климат в Республике Башкортостан: потенциал развития // Власть. — 2018. — № 3. — С. 21.

[2] Мерсиянова И. В., Якобсон Л. И. Негосударственные некоммерческие организации: институциональная среда и эффективность деятельности / Гос. Ун-т — Высшая школа экономики. — М. : Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2007. — С.139.

[3] Филиппова Н. М. Участие некоммерческих организаций в разработке и реализации Стратегии развития г. Уфы // Экономика и управление. — 2015. — № 5 (127). — С. 107.

* Общая сумма ответов респондентов превышает 100%, поскольку респонденты могли дать несколько ответов.

PANCHIKHINA Olga Yurevna,

Chairman of the Public Chamber of the Republic of Bashkortostan,

Executive Director

E-mail: fondufa@mail.ru

Public Fund for City Development, Ufa

AKHMETYANOVA Rimma Anasovna,

Candidate of Sociological Sciences,

Associate Professor at the Department of Humanities

and the Trade Union Movement

E-mail: ahmrimma@gmail.com

Bashkir Institute of Social Technologies (branch)

OUP HE "Academy of Labor and Social Relations", Ufa

**PRACTICE OF INTERACTION
SOCIALLY ORIENTED NON-PROFIT ORGANIZATIONS
AND LOCAL AUTHORITIES
(on the example of the Republic of Bashkortostan)**

The article presents the results of the analysis of the practice of interaction between socially oriented non-profit organizations and local governments. On the basis of data from a sociological study, problems that non-profit organizations face in their activities were identified. The article substantiates the point of view according to which the development of the active participation of socially-oriented non-profit organizations in the activities of local governments will be possible if certain conditions are created to expand the powers of public institutions and the participation of citizen associations in decision-making on issues important for life support municipalities and improve the quality of life of the population.

Key words: *non-profit organizations, local governments, forms of interaction, efficiency.*

References

[1] *Akhmetyanova R. A., Filippova N. M. NKO-klimat v Respublike Bash-kortostan: potencial razvitija [Climate of Non-profit Organizations in the Republic of Bashkortostan: Development Potential] // Vlast' [Power]. — 2018. — No. 3. — P. 21.*

[2] *Mersiyanova I. V., Jacobson L. I. Negosudarstvennye nekommercheskie organizacii: institucional'naja sreda i effektivnost' dejatel'nosti / Gos. Un-t — Vysshaja shkola ekonomiki [Non-State Non-Commercial Organizations: Institutional Environment and Efficiency / State University — Higher School of Economics]. — Moscow : Izd. dom GU-VShJe, 2007. — P. 139.*

[3] *Filippova N. M. Uchastie nekommercheskih organizacij v razrabotke i realizacii Strategii razvitija g. Ufy [Participation of Non-profit Organizations in the Development and Implementation of the Ufa Development Strategy] // Ekonomika i upravlenie [Economics and Management]. — 2015. — No. 5 (127). — P. 107.*

УДК 33(470.57)

МАЛЮТИН Игорь Павлович,

кандидат педагогических наук, старший референт

E-mail: malutin.i@bashkortostan.ru

Референтура Главы Республики Башкортостан, г. Уфа

РЕАЛИЗАЦИЯ КЛАСТЕРНОЙ МОДЕЛИ СИНХРОНИЗАЦИИ «ГАЗОВАЯ ОТРАСЛЬ — РЕГИОН»

Крупные промышленные регионы, такие как Республика Башкортостан, включены в стратегии импортозамещения, формируют кластерные структуры, запускают проекты синхронизации отраслей и корпорации, действующих на их территориях. В настоящее время в регионе функционируют группы вертикально-интегрированных энергетических компаний мирового уровня, такие как ПАО «Газпром» и ПАО «НК «Роснефть», которые выстраивают кооперационные связи с органами власти и региональными промышленными производствами, тем самым повышая их конкурентоспособность.

Ключевые слова: кластер, кластерная политика, регион, энергетика, промышленность, синхронизация, кооперационные связи, управление ресурсами, газохимия, импортозамещение.

В последние годы импортозамещение становится приоритетным направлением развития отечественной экономики, которое реализуют целые отрасли, крупные корпорации и предприятия, регионы. Благодаря этой стратегии снижается уровень влияния геополитического фактора, компенсируется и сокращается зависимость от иностранных технологий и оборудования, происходит наращивание сотрудничества, в том числе в высокотехнологичных сегментах, со странами Азии.

Основные санкции стран Запада против России состоят в следующих позициях:

- циклическое ограничение с определенным временным интервалом доступа российских компаний и банков к финансовым рынкам Европы и США;

- замораживание финансовых и имущественных активов ряда российских компаний, работающих с привлечением иностранных капиталов;

- ограничение доступа к зарубежным банковским ресурсам.

- прекращение долговременного инвестирования в российские компании топливно-энергетического комплекса (ТЭК);

- отказ США, Канады, стран ЕС от поставки в Россию высокотехнологичного оборудо-

вания для добывающей и обрабатывающей отраслей промышленности, вооружения.

Выделим наиболее важные «ресурсоемкие поручения» Президента Российской Федерации, определяющие логику управления ресурсами страны и регионов:

1. Переход на проектное финансирование импортозамещающих заказов.

2. Поиск результативных вариантов замещения импортной ресурсной производственной базы на отечественные платформы и элементы, особенно в высокотехнологичных сегментах.

3. Стимулирование экономик регионов путем размещения крупных импортозамещающих заказов вертикально-интегрированных компаний локализованным на территориях многоотраслевых предприятиях.

Проекты импортозамещения стали неотъемлемой частью экономической политики современной России и ее регионов и в целом способствуют росту устойчивой конкурентоспособности отечественного производства, позволяют снизить зависимость от рисков внутреннего и внешних порядков, таких как девальвация рубля, тенденция снижения долларовых активов, неопределенность ценообразования на мировом рынке, возможности расчета в национальной валюте и т. д.

В условиях расширения ресурсной базы мирового топливно-энергетического баланса происходит переход газового комплекса России на инновационное развитие. Возрастает значение энергетических проектов по управлению ресурсным потенциалом. Вертикально-интегрированные компании ТЭК внедряют проекты импортозамещения в части размещения отечественным предприятиям заказов на производство высокотехнологического оборудования, перспективные технологии производства продукции с высокой добавленной стоимостью, имеющей спрос на внутреннем и международных рынках; совершенствуют логистическую архитектуру обеспечения потребителей видами газовых ресурсов, синхронизации своих видов деятельности с регионами. Эти проекты обеспечивают экономическую безопасность и конкурентоспособность российских энергетических компаний.

Потенциальные возможности для инновационного развития ресурсной базы газовой отрасли связаны с разработкой и внедрением технологий поиска, разведки и освоения углеводородных месторождений, транспортировки, хранения и глубокой переработки природного газа в конкурентные на мировых рынках виды продукции, что требует формирования адаптивной к этой отрасли системы управления ресурсами. Как определяет специфику тактических маневров газовой компании на уровне региона Ш. Г. Шарипов, «выбор доминирующего энергетического ресурса и способа максимизации эффективности его использования для конкретной территории определяется моделированием потенциального развития регионов по совокупности географических, социально-экономических, промышленных и инновационно-технологических условий» [4, с. 108].

Необходимость перехода к инновационному промышленно-технологическому освоению минерально-сырьевых ресурсов обусловлена, во-первых, целесообразностью распределенного развития кластерных научно-производственных структур в крупных регионах России, и, во-вторых, реакцией на глобальные вызовы и процессы, происходящие на международных рынках углеводородов.

Российская научно-техническая политика выдвигает ориентир на интеграцию перера-

ботки углеводородных ресурсов с газохимией. Это, в свою очередь, предполагает преодоление межкорпоративной разобщенности в газовой отрасли, что позволит повысить управляемость технологическими, кадровыми, финансовыми и организационными ресурсами и приведет к достижению синергетического эффекта в комплексной организации производства газохимической продукции с высокой добавленной стоимостью. Учитывая перспективность газохимического кластера в индустриальном и постиндустриальном развитии территории, его увеличивающегося значения в импортозамещении, поскольку высокотехнологичной продукцией кластера активно пользуются в других отраслях экономики, С. И. Рекорд отмечает, что «формирующийся газохимический кластер приобретает так называемое преимущество плотности (*economy of density*), имея в виду концентрацию не только инфраструктуры различного типа, но и научно-производственных компетенций, что дает безусловное преимущество разнообразия. Кроме того, возникает гравитационный эффект — кластер, если он динамичен, конкурентен, открыт для взаимодействий, становится центром притяжения для потенциальных участников и партнеров» [3, с. 124].

В целом формирование архитектуры промышленных зон и индустриальных парков, научно-производственных кластеров, малых инновационных предприятий, в том числе в территориях опережающего развития, способствует улучшению инвестиционного климата региона, поскольку привлекает крупных инвесторов, готовых вкладываться в энергетический сектор экономики. В этом отношении опорными центрами становятся промышленные регионы, обладающие синергетическим потенциалом мобилизации ресурсов. В настоящее время, когда ресурсы становятся все более дорогостоящими, технологически емкими и ограниченными, критически важно выявить стратегические направления деятельности отрасли и функционирующих в ее составе компаний, предприятий, инжиниринговых организаций, кластеров и сфокусировать необходимые ресурсы на производстве и торговле конкурентоспособной продукцией на внутреннем и внешних рынках.

Сущность определения кластерной политики в интерпретации В. В. Пальцева состоит в том,

что «кластер — система взаимосвязанных технологической и территориальной общностью предприятий, организаций, инфраструктурных объектов, финансовых институтов, научно-исследовательских, внедренческих и инвестиционных фирм, обеспечивающая оптимальное функционирование всех структурных элементов на основе инновационных продуктов и технологий» [2, с. 547].

Однако следует отметить, что ресурсная концепция управления кластерной политики на уровне региона находится на этапе своего формирования, поэтому развитие ключевых подходов, а также переход на операционный уровень ее использования является тактической проблемой, требующей своего решения на уровне энергетических отраслей и предприятий.

Тактические задачи управления ресурсами импортозамещения связаны с модернизацией и развитием инструментов и институтов сопряженного государственного и корпоративного управления отраслевыми системами, выстраиванием между ними нейронных управленческих связей, формированием проектных офисов, стимулирующих инновационные процессы развития газовой отрасли.

Основные положения ресурсной концепции, анализ теории и практики управленческой мобилизации ресурсов и активов, а также систематизация перспективных подходов позволили нам сформулировать следующие принципы управления ресурсами:

- принцип эффективного проектного управления ресурсами;
- принцип кластерного управления ресурсами;
- принцип бинарной природы управления ресурсами;
- принцип системности и целенаправленности в управлении ресурсами;
- принцип формирования технологической архитектуры управления ресурсами;
- принцип синергетической мобилизации управления ресурсами;
- принцип синхронизации предприятий региона с компаниями газовой отрасли;
- принцип конкурентоспособности.

В частности, с целью объединения компетенций ряда машиностроительных предприя-

тий и проектных институтов на территории Республики Башкортостан сформирован Консорциум предприятий — производителей оборудования для ТЭК, который объединил 25 предприятий, расположенных в регионе. Они, по сути, стали единой индустриально-инновационной платформой, которая готова выполнять любые задачи: начиная от проектирования и заканчивая вводом в эксплуатацию объектов по требованиям заказчика, исключительно на отечественной элементной базе.

Экстенсивное расширение географии локализации территориально-инновационных кластерных структур связано с повышением их значения в формировании современной промышленной архитектуры. «Территориальные кластеры играют важную роль в экономическом развитии ведущих стран и регионов мира. Развитие кластеров стимулирует повышение производительности труда, формирование новых компаний и создание новых рабочих мест, содействует росту инновационного потенциала территорий, формированию конкурентных преимуществ и уникального бренда региона или территории, способствующего привлечению инвестиций в регионы» [1, с. 54].

Реальные ресурсные возможности регионального комплекса предприятий, обеспечивающих функционирование жизненного цикла объектов нефтегазовой отрасли, по импортозамещению продукции и услуг в условиях санкций составляют 60 %, но они непрерывно наращиваются и в ближайшие годы достигнут отметки в 95 %. Для этого требуется проведение анализа реального потенциала отечественных производителей по импортозамещению в сфере нефтегазохимии, а также законодательное инициирование запрета на закупку госкорпорациями и компаниями с государственным участием импортного оборудования и товаров, имеющих отечественные аналоги.

Управление ресурсами базируется на платформе ценностей, фактически транслирует генеральную идею того, что импортозамещение является инновационным ресурсом стратегического развития газовой отрасли. Полагая, что именно такая линия интерпретации процесса импортозамещения должна стать стержневой основой сопряжения региональ-

ной и корпоративной политики в России, ориентированной на модернизацию систем газового инжиниринга, инновационное развитие инфраструктуры углеводородного сектора. При этом принципиально важным становится формирование государственных регуляторов отечественной политики импортозамещения, способных стимулировать трансформацию экономического потенциала национальных компаний, предлагающих свою продукцию на внутренних и международных рынках.

На наш взгляд, содержательной основой газохимического кластера являются три ключевых параметра, в их числе:

- географическая локализация, позволяющая оптимизировать логистическое взаимодействие территориально близких по отношению друг отраслевых предприятий;

- корпоративная кооперация научно-производственной и инновационной деятельности участников, что особенно проявляется в высокотехнологичном сегменте газовой отрасли;

- наличие вертикальных и горизонтальных синергетических взаимосвязей между всеми участниками кластера, так как предприятия — участники кластера являются партнерами ввиду наличия общего учредителя или кооперационных связей.

Эффективную реализацию региональной политики импортозамещения обеспечивает выполнение комплекса базовых условий:

- разработка и принятие государственных программ и корпоративных «дорожных карт» в области импортозамещения, стимулирования конкурентоспособности отечественной экономики на основе ресурсного потенциала регионов;

- наличие в регионе ресурсной минерально-сырьевой базы для создания импортозамещающих производств на базе заводов газохимического кластера;

- привлечение в регионе больших объемов инвестиций для реализации эффективных проектов импортозамещающего производства;

- усиление инновационно-технологического вектора развития региональной экономики;

- наличие сопряженной системы логистики систем доставки газохимической продукции, СПГ до конечного потребителя;

- применение механизмов разумного государственного протекционизма, предполагающего переход к регулированию тарифных ограничений для импорта продукции, являющейся аналогом производимой на российских предприятиях;

- обеспечение соответствия сертифицированным требованиям стандартам в отношении экспортной и импортозамещающей продукции;

- формирование высокопроизводительного человеческого капитала компаний ТЭК, развитие кластера непрерывного профессионального образования и переподготовки кадров на базе опорных университетов.

Таким образом, импортозамещение в изменяющихся условиях становится системой государственных и корпоративных мер, сосредоточенно направленных государством на снижение импортозависимости ввиду внешних политических или экономических причин, предполагающей производство аналоговой или превосходящей по своим технологическим характеристикам продукции, особенно в газовой отрасли, выход на тенденции внутреннего промышленного роста.

Литература

[1] Кластерная политика: концентрация потенциала для достижения глобальной конкурентоспособности / под ред. И. М. Бортника, Л. М. Гохберга, А. Н. Клепача, П. Б. Рудника, О. В. Фомичева, А. Е. Шадрина. — СПб. : Corvus, 2015. — 356 с.

[2] Пальцев В. В. Промышленные кластеры как важнейшие элементы устойчивого развития экономики России // Инновационные преобразования как императив устойчивого развития и экономической безопасности России / под ред. В. К. Сенчагова. — М. : Анкил, 2013. — С. 542–594.

[3] Рекорд С. И. Развитие газотранспортных проектов в условиях изменений глобальной среды: газохимия, хабы и кластерные эффекты // Актуальные проблемы экономики и стратегического управления развитием топливно-энергетического комплекса : сб. науч. тр. / под ред. д-ра экон. наук, проф. И. Я. Блехцина. — СПб. : СПбГЭУ, 2014. — С. 123–124.

[4] Шарипов Ш. Г. Энергетические союзы и геополитика. — Уфа : Нефтегазовое дело, 2017. — 384 с.

MALYUTIN Igor Pavlovich,

Candidate of Pedagogical Science, Senior Assistant

E-mail: malutin.i@bashkortostan.ru

Reference of the Head of the Republic of Bashkortostan, Ufa

IMPLEMENTATION OF CLUSTER SYNCHRONIZATION MODEL “GAS INDUSTRY — REGION”

Large industrial regions, such as the Republic of Bashkortostan, are included in import substitution strategies, form cluster structures, launch projects for the synchronization of industries and corporations operating in their territories. Currently, there are groups of world-class vertically integrated energy companies in the region, such as Gazprom and Rosneft, which build cooperation ties with the authorities and regional industrial production, thereby increasing their competitiveness.

Key words: *cluster, cluster policy, region, energy, industry, synchronization, cooperation links, resource management, gas chemistry, import substitution.*

References

[1] Klasternaja politika: Koncentracija potenciala dlja dostizhenija global'noj konkurentosposobnosti / pod red. I. M. Bortnika, L. M. Gohberga, A. N. Klepacha, P. B. Rudnika, O. V. Fomicheva, A. E. Shadrina [Cluster Policy: Concentration of Potential for Achieving Global Competitiveness / ed. by I. M. Bortnik, L. M. Gokhberg, A. N. Klepach, P. B. Rudnik, O. V. Fomichev, A. E. Shadrin]. — Saint Petersburg : Corvus, 2015. — 356 p.

[2] Paltsev V. V. Promyshlennye klasteri kak vazhnejšie jelementy ustojchivogo razvitija ekonomiki Rossii [Industrial Clusters as the Most Important Elements of the Sustainable Development of the Russian Economy] // Innovacionnye preobrazovanija kak imperativ ustojchivogo razvitija i ekonomicheskoj bezopasnosti Rossii / pod red. V. K. Senchagova [Innovative Transformations as an Imperative of Sustainable Development and Economic Security of Russia / ed. by V. K. Senchagov]. — Moscow : Ankil, 2013. — Pp. 542–594.

[3] Record S. I. Razvitie gazotransportnyh proektov v uslovijah izmenenij global'noj sredy: gazohimija, haby i klasternye efekty [Development of Gas Transmission Projects in a Changing global Environment: Gas Chemistry, Hubs and Cluster Effects] // Aktual'nye problemy ekonomiki i strategicheskogo upravlenija razvitiem toplivno-energeticheskogo kompleksa : sb. nauch. tr. / pod red. d-ra ekon. nauk, prof. I. Ja. Blehcina [Actual Problems of the Economy and Strategic Management of the Development of the Fuel and Energy Complex : collection of scientific papers / ed. by Dr. Econ. Sciences, prof. I. Ya. Blechtsin]. — Saint Petersburg : SPbGEU, 2014. — Pp. 123–124.

[4] Sharipov Sh. G. Energeticheskie sojuzy i geopolitika [Energy Unions and Geopolitics]. — Ufa : Neftgazovoe delo, 2017. — 384 p.

УДК 338.1

ГАТАУЛЛИН Венир Зиннурович,кандидат экономических наук, доцент кафедры
финансов и экономического анализа

E-mail: Venir8@mail.ru

ФГОУ ВО «Уфимский государственный
авиационный технический университет»**ГАТАУЛЛИН Марсель Венирович,**

старший инспектор

E-mail: gataullin.gataullin92@yandex.ru

Управление корпоративной защиты
ООО «Газпром добыча Уренгой», г. Уренгой

СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ В СТРОИТЕЛЬНОМ КОМПЛЕКСЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН В УСЛОВИЯХ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ

При специализации производства создаются предпосылки для совершенствования его технологии и организации, в результате сосредоточения рабочих на одном виде продукции или одном виде работ. Вместе с тем специализация создает условия для создания более эффективных, узкоспециализированных машин, наиболее быстрого роста квалификации кадров, улучшения качества продукции. В работе рассмотрены использование фондов и влияние этих фондов на показатели эффективности работы строительных организаций в условиях рыночной экономики.

Ключевые слова: строительство, специализация, производственные фонды, здания, сооружения, объем выполненных работ, индекс предпринимательской уверенности, заработная плата.

Республика Башкортостан — один из ведущих и динамично развивающихся регионов России. Среди субъектов Российской Федерации республика отличается многоотраслевой экономикой, включающей мощный промышленный и строительный комплексы, развитые сельское хозяйство, финансово-кредитные и научно-технические институты. Объем валового регионального продукта Республики Башкортостан в 2015 году составил 1317,4 млрд руб., или 2,0% валового внутреннего продукта Российской Федерации.

По основным макроэкономическим показателям Башкортостан традиционно входит в число регионов-лидеров: по вводу жилья среди субъектов Российской Федерации республика занимает 5-е место, по объему работ вида деятельности «Строительство» — 7-е, по объему продукции сельского хозяйства — 7-е, по объему инвестиций в основной капитал — 9-е,

по объему валового регионального продукта — 10-е место [3].

Строительство относится к числу ключевых секторов экономики республики, обеспечивая ее устойчивость и социальную направленность, способствуя развитию производственного потенциала и решению важнейших социально-экономических задач региона. Это один из важных секторов экономики, на долю которого по итогам 2015 года приходилось 8,9% валового регионального продукта республики.

Структура производства валового регионального продукта по видам экономической деятельности в 2015 году составила: в промышленности — 35,8%, оптовой и розничной торговле — 15,8, строительстве — 8,9, сельском хозяйстве — 7,9, транспорте и связи — 7,8, других видах деятельности — 23,9%.

По объему работ вида деятельности «Строительство» в республике создается около 3%

общероссийского объема, в Приволжском федеральном округе — 14,6%.

На начало 2017 г. строительный сектор республики был представлен 8084 организациями, в которых трудились 6,5% общей численности занятых в экономике региона. Доминирующее положение в структуре строительных организаций традиционно занимают организации с численностью работников до 100 человек (на 1 января 2017 г. — 7957 субъектов малого предпринимательства, включая микропредприятия) [1].

На основании договоров строительного подряда и (или) контрактов, заключаемых с заказчиками, строительными организациями выполняются работы по возведению новых объектов, капитальному и текущему ремонту, реконструкции жилых и нежилых зданий и инженерных сооружений (табл. 1).

Как показывают данные таблицы 1, направление деятельности «Сооружения» имеет самое большое значение — 39%.

По данным таблицы 2 объем работ, выполненных по чистому виду деятельности «Строительство» имеет тенденцию к росту, так в 2010 году он вырос почти 2 раза по сравнению с 2005 годом.

Итог работы строительных предприятий — это ввод в действие мощностей и объектов на предприятиях: сельского хозяйства; по производству пищевых продуктов; прочих неметаллических минеральных продуктов; по производству и распределению электроэнергии,

газа и воды; торговли и общественного питания; транспорта, связи и других.

Одним из приоритетных направлений для строителей на сегодняшний день было и остается жилищное строительство.

В 2016 году в республике сдано в эксплуатацию 18,1 тыс. зданий, из них 17,5 тыс. зданий жилого назначения. За счет всех источников финансирования построено 34,0 тыс. квартир общей площадью 2698,2 тыс. м². В расчете на 1000 жителей республики введено 663 м² общей площади жилых домов.

По объему жилищного строительства Республика Башкортостан входит в число регионов-лидеров, занимая в 2013–2016 гг. 5-е место среди субъектов Российской Федерации и 1-е место среди регионов Приволжского федерального округа [2].

Приоритетным направлением остается строительство значимых для региона социальных объектов (табл. 3).

Объем работ, выполненный по виду деятельности «Строительство», в 2016 году составил 191,4 млрд рублей. Основная доля работ (86,6%) приходилась на организации частной и смешанной форм собственности.

Значительный вклад в развитие экономики республики вносит малое предпринимательство. Оно придает экономике региона гибкость, содействуя развитию конкуренции в строительстве, позволяет более активно задействовать кадровые, технологические и материальные ресурсы. По данным статистиче-

Таблица 1 — Направления деятельности строительных организаций Республики Башкортостан (по данным обследования деловой активности в IV квартале 2016 г.)

В % к итогу	
Всего	100
в том числе:	67
строительство (новое строительство, реконструкция, расширение, техническое перевооружение объектов)	
жилые здания	19
нежилые здания	9
сооружения	39
капитальный ремонт зданий и сооружений	17
текущий ремонт зданий и сооружений	8
другое	8

Таблица 2 — Современное состояние строительного сектора Республики Башкортостан

	Годы				
	2005	2010	2014	2015	2016*
Объем работ, выполненных по чистому виду деятельности «Строительство»**, млн рублей	46 438,6	80 890,0	145 411,6	180 738,9	191 359,1
в процентах к предыдущему году (в сопоставимых ценах)	125,5	96,2	101,1	103,6	97,5
Среднегодовая численность работающих в строительстве***, тыс. человек	110,4	81,6	82,1	79,5	74,9
в процентах к предыдущему году	111,2	94,0	98,9	96,8	94,2
удельный вес работающих в строительстве в общей численности работников предприятий и организаций, процентов	7,9	6,7	6,9	6,8	6,5
Инвестиции в основной капитал по виду деятельности «Строительство»****, млн рублей	933,5	1235,1	2657,9	1347,2	3337,2
удельный вес в общем объеме инвестиций, процентов	1,5	1,5	1,6	0,7	1,5
Основные фонды организаций, относящихся к виду деятельности «Строительство» (по хозяйственным видам деятельности коммерческих организаций без субъектов малого предпринимательства), млн рублей	7457,4	10 181,5	16 484,4	15 425,4	18 629,8
степень износа основных фондов (накопленного с начала эксплуатации), процентов	46,1	51,8	55,3	63,0	61,6

* Данные предварительные.

** По полному кругу предприятий.

*** По полному кругу предприятий.

**** Без субъектов малого предпринимательства.

Таблица 3 — Ввод в действие объектов социальной сферы по Республике Башкортостан

	Годы						
	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Дошкольные образовательные учреждения, мест	350	905	4071	2280	4321	3938	245
Общеобразовательные учреждения, ученических мест	3640	1228	781	2028	395	572	1587
Больничные учреждения, коек	100	50	1350	30	565	180	191
Амбулаторно-поликлинические учреждения, посещений в смену	220	139	35	530	665	100	671
Учреждения культуры клубного типа, мест	800	250	100	284	150	100	488

ских наблюдений средняя численность работников в малых строительных предприятиях республики в 2016 году составила 33,0 тыс. человек или 44,1% занятых в строительстве. В общем объеме строительных работ их доля выросла с 23,8% в 2000 году до 54,8% в 2016.

Объем работ и услуг, выполненных собственными силами крупных и средних предприятий и организаций, составил в 2016 году 53,6 млрд руб. (3,4% от общего объема отгруженных товаров и услуг по всем видам экономической деятельности).

Специализация в строительстве достаточно многообразна. Это возведение зданий и сооружений, на которые в 2016 году приходилось 80,8% работ крупных и средних предприятий и организаций, монтаж инженерного оборудования (17,2%), подготовка строительного участка (0,9%), производство отделочных работ (0,6%), аренда строительных машин и оборудования (0,5%). Состав работ, выполненных крупными и средними предприятиями, по чистому виду деятельности «Строительство» в 2016 году представлен в таблице 4.

Из общего объема общестроительных работ по строительству зданий и сооружений 56,8% составляют работы по возведению зданий. Весомая часть приходится на строительство мостов, надземных автомобильных дорог, тоннелей, подземных дорог (24,2%), на прокладку трубопроводов, линий связи и линий электропередачи (8,1%).

Строительный сектор цикличен, поэтому всегда чувствителен к тенденциям, происходящим в национальной экономике, и функционирует под постоянным влиянием внешних и внутренних факторов экономической системы, испытывая подъемы и спады. Значительные снижения объема выполненных работ отмечались в строительном секторе республики в 2002, в 2009, в 2013 гг.

Кризисные тенденции в экономике страны в 2014 году (мировой кризис, падение курса рубля, экономические санкции) сильно повлияли на настроение как потребителей так и производителей строительной продукции. В результате в IV квартале 2014 г. индекс предпринимательской уверенности в строительстве республики составил (-17) против (-10) в IV квартале 2013 года.

Индекс предпринимательской уверенности представляет собой среднее арифметическое «балансов» оценок (то есть разницы между процентом положительных и процентом отрицательных ответов) уровня производственной программы и ожидаемых изменений численности, занятых в строительных организациях (табл. 5).

Таблица 4 — Состав работ, выполненных крупными и средними предприятиями, по чистому виду деятельности «Строительство» в 2016 году, млн руб.

	Строительство зданий и сооружений	43 314,3
	В том числе производство общестроительных работ:	31515,6
А	по возведению зданий	17913,3
Б	по строительству мостов, надземных автомобильных дорог, тоннелей и подземных дорог	7634,6
В	по прокладке магистральных трубопроводов, линий связи и линий электропередачи	2542,9
Г	по прокладке местных трубопроводов, линий связи и линий электропередачи, включая взаимосвязанные вспомогательные работы	501,3
Д	по строительству электростанций и сооружений для горнодобывающей и обрабатывающей промышленности	1643,4
Е	по строительству прочих зданий и сооружений, не включенных в другие группировки	794,9
Ж	по монтажу зданий и сооружений из сборных конструкций	485,2

Таблица 5 — Индексы физического объема работ, выполненных по виду деятельности «Строительство» по регионам Приволжского федерального округа (в процентах к предыдущему году; в сопоставимых ценах)

Регионы ПФО	Годы							2016 в процентах к 2014
	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	
Российская Федерация	105,0	105,1	102,5	100,1	97,7	96,1	97,8	94,0
Приволжский федеральный округ	106,4	108,3	113,2	103,3	102,7	99,4	95,2	94,6
Республика Башкортостан	96,2	102,9	112,8	97,2	101,1	103,6	97,5	101,0
Республика Марий Эл	139,8	112,4	100,2	100,2	101,9	94,9	86,3	81,9
Республика Мордовия	121,4	145,2	93,7	71,6	99,6	107,9	100,4	108,3
Республика Татарстан	104,2	111,7	117,3	100,1	100,0	100,2	100,8	101,0
Удмуртская Республика	145,8	108,3	100,6	101,6	100,6	93,9	101,2	95,0
Чувашская Республика	114,7	102,9	97,8	102,4	99,2	92,6	96,1	89,0
Пермский край	110,2	97,8	98,9	105,0	104,1	100,9	88,3	89,1
Кировская область	136,3	101,5	108,4	98,1	101,3	110,8	93,7	103,8
Нижегородская область	90,9	100,8	101,4	102,0	102,0	91,7	95,4	87,5
Оренбургская область	110,0	101,9	115,8	94,2	109,5	99,1	76,3	75,6
Пензенская область	92,2	118,6	119,3	105,3	100,5	97,6	82,2	80,2
Самарская область	137,8	103,6	140,3	109,0	111,4	95,7	101,4	97,0
Саратовская область	116,5	110,6	101,7	105,9	101,1	105,5	71,6	75,5
Ульяновская область	88,2	127,7	110,2	117,8	108,6	107,6	84,3	90,7

Согласно данным таблицы 5 Республика Башкортостан занимает достойное место по индексу физического объема работ, выполненных по виду деятельности «Строительство» среди регионов Приволжского федерального округа.

Снижение деловой активности строительных организаций отразилось на результатах их деятельности. Введение зданий нежилого назначения сократилось по сравнению с 2015 годом на 18,2%, а их площадь — на 42,0%.

Как позитивный момент в состоянии взаиморасчетов предприятий и организаций можно отметить снижение просроченной дебиторской задолженности, которая на конец 2016 г. составила 1,5 млрд руб. или 3,0% от всей дебиторской задолженности (в 2015 году — 47,7 млрд руб. и 6,3%).

Следствием негативных тенденций в строительстве и уменьшения объемов выполняемых работ является сокращение численности работников строительных организаций

и размера их среднемесячной заработной платы.

Если в 2010 году среднемесячная заработная плата в строительстве превышала среднереспубликанскую на 5,3%, то в 2014 г. она была ниже среднереспубликанской на 9,9%, в 2015 — на 11,4%, в 2016 — на 12,2% (табл. 6).

Строительные организации по-прежнему характеризуются большой сменяемостью кадров. В 2016 году размеры выбытия персонала ежеквартально составляли 9–12% от списочной численности. По данным за IV квартал 2016 г. 75,6% выбывших работников уволились по собственному желанию.

По сравнению с 2015 годом численность работников в строительстве уменьшилась на 5,8% или на 4,6 тыс. человек.

Широкое распространение получила практика предоставления отпусков без сохранения заработной платы по письменному заявлению работника. В строительных организациях их доля в 2016 году составила 16–21% от списочной численности.

Таблица 6 — Динамика среднемесячной заработной платы по виду экономической деятельности «Строительство» (по полному кругу предприятий), руб.

	Годы				
	2005	2010	2014	2015	2016
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций: всего по республике, руб.	6612,0	16 377,7	24 987,6	25 927,5	28 107,9
по виду деятельности «Строительство», руб.	6156,6	17 244,2	22 508,1	22 980,7	24 678,9
в процентах к средней заработной плате по республике	93,1	105,3	90,1	88,6	87,8
Среднемесячная начисленная заработная плата работников, в процентах к предыдущему году: всего по республике	122,7	109,5	111,7	103,8	108,4
по виду деятельности «Строительство»	111,2	126,7	119,4	102,1	107,4

Одной из причин большой текучести кадров является то, что строительство с точки зрения условий и охраны труда относится к наиболее потенциально опасным сферам производства. Временный характер рабочих мест, необходимость выполнения значительного объема работ на высоте, в сложных климатических условиях, а также совмещение на отдельных участках обычных работ с работами повышенной опасности приводят к появлению значительного количества опасных и вредных производственных факторов, представляющих потенциальную угрозу для жизни и здоровья работающих и окружающих лиц.

В 2016 году из более 9 тыс. человек, или 30,3% от среднесписочной численности, доля занятых тяжелым физическим трудом составила 15,3%.

Необходимым условием роста строительного производства является активизация инвестиционной деятельности строительных организаций. Вложение инвестиций в основной капитал приводит к росту основных фондов, тем самым способствует развитию собственной производственной базы предприятий.

Важной частью производственного потенциала, от которого зависят объемы и результаты деятельности строительных организаций, являются наличие и состояние основных фондов. На конец 2016 г. стоимость основных фондов по виду деятельности «Строительство» (по коммерческим организациям, без субъек-

тов малого предпринимательства) составила по полной учетной стоимости 18 629,8 млн руб. (1,2% от стоимости основных фондов в целом по экономике Республики Башкортостан). В их видовой структуре наибольшую долю традиционно занимают машины и оборудование.

Несмотря на то, что объем инвестиций в основной капитал, направленный на развитие собственной производственной базы строительных организаций, в 2016 году составил 3337,2 млн руб. и превысил уровень 2015 года в 2,3 раза, а 2010 года — на 56,8%, основные фонды строительных организаций по-прежнему характеризуются высокой степенью износа, которая на конец 2016 года составила 61,6% (в среднем по республике — 53,5%). Из числа видов основных фондов степень износа сооружений составляет 71,9%, транспортных средств — 71,6%, машин и оборудования — 64,0%.

Среди регионов Приволжского федерального округа по степени износа основных фондов строительных организаций республика находится на 11-м месте [4]. Недостаточное приобретение новых основных средств сдерживает замену устаревших, изношенных фондов. Коэффициент обновления основных фондов по виду деятельности «Строительство» в 2016 году составил 11,3% и если по сравнению с 2015 годом он возрос на 3,0 п. п., то по сравнению с 2005 и 2010 гг. снизился на 2,8 п. п. и 1,4 п. п., соответственно (табл. 7).

Для успешного выполнения производственной программы строительным организациям нужны современные производительные машины и оборудование. Однако, в республике доля машин и механизмов с истекшим сроком службы, то есть физически изношенных, продолжает увеличиваться.

Особенно велик парк таких машин по скреперам (100,0%), кранам на гусеничном ходу (76,5%), бульдозерам на тракторах (70,8%), кранам-трубоукладчикам (70,7%) (табл. 8).

Эксплуатация строительных машин и механизмов с истекшими сроками амортизации порождает риски, реализация которых может привести к негативным последствиям. Например, риски причинения вреда жизни и здоровью ра-

ботников, приводящие к трудовым, материальным, финансовым и репутационным потерям.

Несмотря на некоторые позитивные изменения в экономике и укрепление финансового положения предприятий и организаций, в 2017 году снижение деловой активности в строительном секторе республики переломить не удалось. Объем работ по виду деятельности «Строительство» в январе-ноябре 2017 г. составил 93,4 % к соответствующему периоду 2016 года.

Аналогичная ситуация характерна практически для всех регионов Приволжского федерального округа.

Динамика ввода жилья в 2017 году замедлилась. За январь-ноябрь 2017 г. жилья в ре-

Таблица 7 — Показатели износа, обновления и ликвидации основных фондов по крупным и средним предприятиям и организациям

	Годы				
	2005	2010	2014	2015	2016
Коэффициент обновления основных фондов (в процентах к наличию на конец года, в среднегодовых ценах)	14,1	12,7	7,8	8,3	11,3
Коэффициент ликвидации основных фондов (в процентах к наличию на начало года, в среднегодовых ценах)	1,8	1,8	1,4	1,2	2,5
Степень износа, накопленного с начала эксплуатации, в процентах к полной учетной стоимости (на конец года)	46,1	51,8	55,3	63,0	61,6

Таблица 8 — Наличие и состояние парка основных видов строительных машин в крупных и средних строительных предприятиях

	Наличие машин по состоянию на конец года, шт.			Удельный вес машин с истекшим сроком службы на конец года, %		
	2016	Справочно		2016	Справочно	
		2015	2014		2015	2014
Экскаваторы одноковшовые	655	709	660	48,7	46,4	53,2
Бульдозеры на тракторах	568	811	842	70,8	76,7	81,9
Автогрейдеры	293	294	313	53,6	52,7	55,0
Краны: на автомобильном ходу	386	457	458	36,5	51,2	51,1
на пневмоколесном ходу	53	60	48	47,2	41,7	50,0
на гусеничном ходу	102	152	153	76,5	84,9	89,5
башенные	52	63	55	57,7	58,7	69,1
Скреперы	7	6	6	100,0	100,0	83,3

гионе построили на 14,1% меньше, чем за тот же период предыдущего года, в том числе по предприятиям-застройщикам — на 15,8%, индивидуальным застройщикам — на 13,4%. Республика Башкортостан вошла в список семи регионов Приволжского федерального округа, где динамика объемов построенного жилья стала отрицательной.

В настоящее время главной задачей строительной индустрии является увеличение объемов жилищного строительства для обеспечения жителей республики новыми современными квартирами по доступным ценам.

Для улучшения показателей деятельности строительных организаций необходимо обеспечить снижение влияния негативных факторов, препятствующих их динамичному развитию.

Литература

[1] Республика Башкортостан в цифрах : комплексный сборник : В 2 ч. — Ч. II. Строительство. — Уфа : Башкортостанстат, 2017.

[2] Официальный сайт Башкортостанстата [Электронный ресурс]. — URL: <http://bashstat.gks.ru>

[3] Официальный сайт Министерства экономического развития Республики Башкортостан [Электронный ресурс]. — URL: <https://economy.bashkortostan.ru>

[4] Официальный сайт Росстата [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.gks.ru>

Результаты ежеквартальных обследований деловой активности строительных организаций свидетельствуют о том, что основными факторами, сдерживающими строительную деятельность, являются: неплатежеспособность заказчиков, недостаток заказов на работы, недостаток финансирования, высокий процент коммерческого кредита, высокий уровень налогов; конкуренция со стороны других строительных организаций.

Данные факторы практически не меняются на протяжении последних лет и характерны для всех регионов Приволжского федерального округа. Их действие выражается в снижении разнородных показателей, приводящих, в конечном счете, к общему спаду экономического состояния строительного сектора.

GATAULLIN Venir Zinnurovich,

*Candidate of Economic Sciences, Associate Professor
at the Department of Finance and Economic Analysis*

E-mail: Venir8@mail.ru

Ufa State Aviation Technical University

GATAULLIN Marcel Venirovich,

Senior Inspector

E-mail: gataullin.gataullin92@yandex.ru

Corporate Security Management

LLC "Gazprom extraction Urengoy", Urengoy

SPECIALIZATION IN THE BUILDING COMPLEX OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN IN THE CONDITIONS OF MARKET ECONOMY

In the specialization of production, prerequisites are created for the improvement of its technology and organization, as a result of the concentration of workers on one type of product or one type of work. At the same time, specialization creates conditions for the creation of more efficient, highly specialized machines, the most rapid growth in the skills of personnel, and the improvement of product quality. The paper discusses the use of funds and the impact of these funds on the performance indicators of construction organizations in a market economy.

Key words: *construction, specialization, production assets, buildings, structures, the volume of work performed, the index of entrepreneurial confidence, wages.*

References

[1] Respublika Bashkortostan v cifrah : kompleksnyj sbornik : V 2 ch. — Ch. II. Stroitel'stvo [The Republic of Bashkortostan in Figures : a comprehensive collection : In 2 parchs. — Part II. Building]. — Ufa : Bashkortostanstat, 2017.

[2] Oficial'nyj sajt Bashkortostanstat [Official site of Bashkortostanstat] [Electronic resource]. — URL: <http://bashstat.gks.ru>

[3] Oficial'nyj sajt Ministerstva ekonomicheskogo razvitija Respubliki Bashkortostan [Official website of the Ministry of Economic Development of the Republic of Bashkortostan] [Electronic resource]. — URL: <https://economy.bashkortostan.ru>

[4] Oficial'nyj sajt Rosstat [Official site of Rosstat] [Electronic resource]. — URL: <http://www.gks.ru>

УДК 338.5

МУХАМАДИЯРОВА Айгуль Калашовна,*кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры экономики и информационных технологий**E-mail: ai_mukhamad@rambler.ru**Башкирский институт социальных технологий (филиал)
ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений», г. Уфа***ГУМЕРОВА Зиляра Жановна,***кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры менеджмента и маркетинга**E-mail: lapa28@rambler.ru**ФГБОУ ВО «Уфимский государственный авиационный
технический университет», г. Уфа*

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ РАСЧЕТОВ ПО ОПЛАТЕ ТРУДА В ОТРАСЛИ «ТОРГОВЛЯ/ПРОДАЖИ» В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН

Важным условием нормальной деятельности предприятия является сохранение и развитие персонала организации, привлечение и удержание высококвалифицированных специалистов нужных профессий. А это возможно, в том числе, за счет обеспечения достойного уровня оплаты труда работников, по крайней мере, не ниже среднеотраслевого уровня. Особенно это актуально для организаций отрасли торговля/продажи из-за высокого уровня конкуренции.

Ключевые слова: *торговля, продажи, товар, оплата труда, оборот торговли, оптовая и розничная торговля, средняя заработная плата, тарифная ставка.*

На современном этапе для экономики России отрасль Торговля/Продажи является одной из базовых отраслей, в которой занята существенная доля работающих людей. В 2016 году численность работников, занятых в этой отрасли, составляет 14,5 млн человек. В торговом секторе задействовано 22,5% всех работающих граждан Российской Федерации. Количество работников торговли с каждым годом увеличивается. По сравнению с 2015 годом, рост составил 2,8%, количество работников увеличилось на 15,8%. По итогам 2016 года средняя зарплата в отрасли составила 25 267 рублей, что на 5% больше чем в 2015 году, но на 22,5% меньше средней зарплаты в 2014 году.

Под понятием торговля понимают вид экономической деятельности, направленной на куплю/продажу или обмен товара. С давних времен торговля является одним из основных показателей успешного государства. Если тор-

говый оборот различных товаров большой — значит у граждан высокая покупательская способность, а, следовательно, хорошее благосостояние [1].

По итогам 2016 года общий оборот торговли в Российской Федерации составил 73 841 трлн рублей. Это на 7,1% больше чем в 2015 году. А в целом оборот торговли в России с каждым годом стабильно увеличивается на 7–10%.

Торговую деятельность можно разделить на оптовую и розничную. Под оптовой торговлей понимают — торговлю между предприятиями и организациями. При осуществлении оптовой торговли каждого покупателя можно идентифицировать, а торговля крупными партиями товаров является отдельным случаем оптовой торговли.

В литературе встречается такое определение: «оптовая торговля — это торговля това-

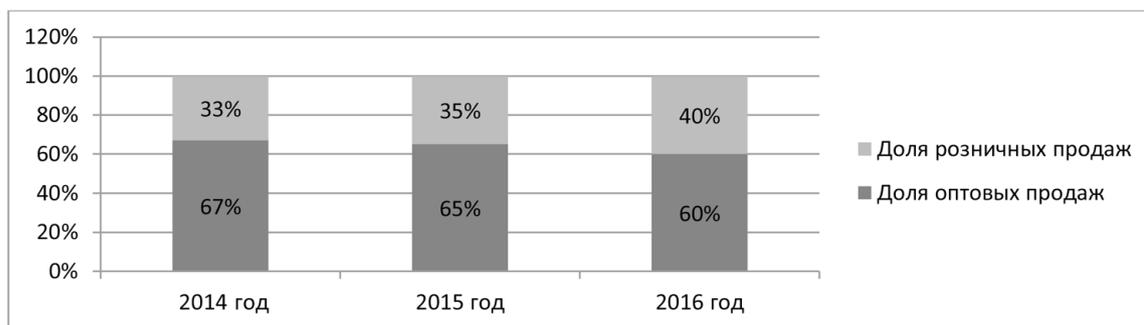

Рисунок 1 — Динамика соотношения оптовой торговли и розничной торговли в Российской Федерации, 2014–2016 гг.

ра для ведения бизнеса, то есть для производственных целей и потребления или с целью последующей перепродажи» [1]. В нашей стране примерно 80% оборота оптовой торговли приходится на крупнооптовые фирмы, деятельность которых основана на перепродаже товара (рис. 1).

Специалисты в области управления торговой деятельностью в последние годы отмечают снижение доли оптовой торговли в Российской Федерации. Они утверждают, что снижение доли оптовой торговли является положительной тенденцией: при статистическом учете для оптовой торговли учитываются все перепродажи товара между организациями и предпринимателями. Например, на заводе или фабрике изготовлена продукция, которая продается крупной оптовой фирме, затем крупный оптовик перепродает часть продукции оптовой фирме, которая занимается мелкооптовыми продажами. В мелкооптовую компанию фирму приехал частный предприниматель и купил какую-то часть товара и вот наконец-то в частном магазине предпринимателя товар поступил в розничную продажу.

Получается, что пока товар от производителя дойдет до розничных продаж, он перепродается не менее трех раз: от производителя — крупному оптовику, от крупного оптовика — мелкому, от мелкооптовой фирмы — частному предпринимателю. В статистике оптовых продаж учитывается как минимум каждая из трех продаж. Таким образом реальный оборот торговли, то есть товара, который фактически дошел до потребителя, оценивается как сумма розничных продаж плюс 20–30% оптовых продаж на рынке B2B — рынке товаров промышленного назначения, то есть для

удовлетворения потребностей производственных предприятий.

В 2016 году в России в торговой отрасли было занято около 2 млн фирм, предприятий и организаций. Из них — в оптовой торговле 1213 тыс. различных фирм. Таким образом, оптовые фирмы, которые действуют в целях перепродажи товара, превышают розничные точки примерно в 2,2 раза.

В Российской Федерации в сфере торговли представлено больше частного капитала, доля государственных организаций в розничной торговле составляет менее 1% от общего количества, в оптовой торговле — 0,3%. В структуре предприятий торговли преобладают малые предприятия. В оптовой торговле доля малых предприятий — 63,6%, оборот — 28,6%. В розничной торговле малые предприятия составляют 76,1% от общего количества при обороте 25% [4].

В условиях рыночных отношений при равном и свободном доступе к материальным и финансовым ресурсам конкурирующих предприятий, персонал становится фактором, который может помочь выиграть в конкурентной борьбе. Особенно это актуально для предприятий торговли и общественного питания, в которых от профессионализма персонала и его умения работать с клиентами часто зависит оптовый торговый оборот и выручка розничной торговли.

Основным нормативным документом, регламентирующим отношения работников и работодателей при расчетах по оплате труда, является Трудовой кодекс Российской Федерации, а также законодательство в области социального обеспечения (пенсионного, социального и медицинского страхования).

Для определения положения по заработной плате в исследуемой отрасли Торговля/Продажи проведем сравнительный анализ уровня среднего дохода в Республике Башкортостан и уровня среднего дохода в отрасли Торговля/Продажи. В целом общий заработок населения в Башкирии растет. В таблице 1 отражена средняя заработная плата по определенным периодам: с 2011 по 2016 год.

Средняя зарплата в Республике Башкортостан на конец 2016 г. составила 27 300 рублей. За период в 5 лет зарплата населения выросла на 40%, однако с учетом инфляции этот показатель составил лишь 20%. В отрасли Торговля/Продажи наблюдается отставание заработной платы от среднереспубликанского уровня в 2015 году. По сравнению с 2014 годом в 2015 году зарплата в отрасли упала на 17,9% (в целом по России в торговле — на 22,5%). Считаем, что здесь отразилось влияние внешних общеотраслевых факторов, таких как закрытие ряда промтоварных магазинов в крупных торговых центрах и мелких продуктовых магазинов из-за прихода в Республику крупных ритейлеров. Это привело к росту количества свободных торговых работников и, соответственно, к снижению уровня заработной платы в целом в отрас-

ли. Также, возможно, в 2015 году негативную роль сыграли санкции США и стран ЕС, что привело к перераспределению поставщиков товаров и в первые месяцы действия санкций дало сокращение количества предприятий торговли и общественного питания. Так, из-за действия санкций, по итогам 2014 года в Российской Федерации, доля импортных товаров на прилавках точек розничной торговли составляла 42% (рис. 2). Это один из самых низких показателей за последние годы. Только во время финансового кризиса 2009 года доля импортных товаров была меньше и составляла 41%.

В 2016 году наблюдался рост средней заработной платы в отрасли Торговля/Продажи в Российской Федерации на 4,38% в связи с положительными тенденциями к восстановлению оборотов и количества организаций торговли и, соответственно, ростом востребованности специалистов и работников профессий отрасли Торговля/Продажи.

Помимо роста среднего дохода повысилась и минимальная зарплата в Республике Башкортостан. В 2016 году она достигла отметки 8900 рублей.

Для целей планирования и управления вопросами заработной платы на предприятиях

Таблица 1 — Средняя заработная плата с 2011 по 2016 год в Республике Башкортостан и в отрасли Торговля/Продажи

Заработная плата, руб.	Год					
	2011	2012	2013	2014	2015	2016
В Республике Башкортостан	18 500	19 800	22 000	24 000	25 500	27 300
В отрасли Торговля/Продажи	23 800	25 600	27 800	28 875	23 712	24 750

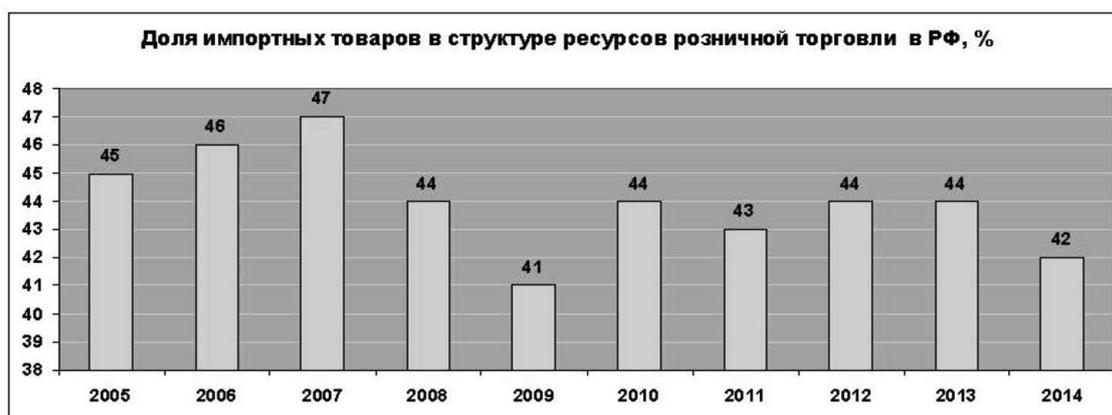

Рисунок 2 — Доля импортных товаров в Российской Федерации, %

Таблица 2 — Величина прожиточного уровня по статистическим данным на 2016 год

Прожиточный минимум	Рублей
На одного человека	8700
Для трудоспособного населения	9300
Для людей пенсионного возраста	7100
Для детей	8900

и организациях необходимо иметь данные об уровнях прожиточного минимума для различных категорий граждан в Республике Башкортостан (табл. 2).

Совокупность таких показателей дает лучшее понимание уровня жизни рабочего населения в Республике Башкортостан, которая является одним из субъектов Приволжского Федерального округа.

Для изучения ситуации на рынке труда в отрасли Торговля/Продажи используем данные, которые были подготовлены аналитиками сайта по поиску работы и персонала HeadHunter (HH). Специалисты агентства изучили вакансии и резюме в Башкортостане с тем, чтобы установить какова ситуация на рынке труда в отрасли Торговля/Продажи, какие профессии востребованы, какой уровень зарплаты предлагается, сколько специалистов претендует на одно рабочее место в отрасли Торговля/Продажи.

В настоящее время вакансии в отрасли Торговля/Продажи составляют почти половину от общего числа предложений о работе, размещенных на hh.ru в Башкортостане¹. Их количество в июле 2017 г. по сравнению с июлем 2016 г. увеличилось на 26%. При этом конкуренция в отрасли — 1,9 человека на одну открытую вакансию, что показывает наличие дефицита кадров в отрасли.

В целом по рынку труда республики этот показатель составляет шесть человек на одно место. Больше всего работодателям нужны специалисты в сфере продаж в Уфе, Стерлитамаке и Нефтекамске.

Около 37% вакансий в сфере продаж на hh.ru — предложения о работе для менеджеров по работе с клиентами, в 23% случаев —

работа в розничной торговле, 16% — вакансии для продавцов в магазине, причем работодатели не сильно требовательны к опыту кандидатов. В Республике Башкортостан — 64% всех вакансий доступны для начинающих работников без опыта работы.

Сами соискатели ищут работу в розничной торговле (35%), а также в качестве менеджера по работе с клиентами (27%). Продавцами в магазине хотят работать 20% соискателей сферы «продажи» [2–3].

Агентство HeadHunter провело опрос в Башкортостане среди посетителей. По данным опроса было установлено, что продавец — самая популярная первая профессия. Большинство опрошенных респондентов начинали свою карьеру именно с нее. При этом подработку в качестве продавца 26% опрошенных начинали, еще являясь учениками средней школы или высшего учебного заведения. Привлекательность этой профессии заключается в ее доступности — практически любой человек может научиться технике продаж. Хотя на самом деле продавец сегодня — это эксперт и высококвалифицированный консультант в своей отрасли. Именно такие продавцы-консультанты востребованы торговыми организациями республики.

Что касается зарплат в сфере продаж, то, согласно сайту hh.ru, продавцу в магазине в среднем предлагают зарплату в 25 тыс. руб., менеджеру по продажам на телефоне — 30 тыс. руб., менеджеру по продажам в оптовой торговле или продаже услуг для бизнеса — 35 тыс. рублей. Менеджер по работе с клиентами и в розничной торговле может рассчитывать на 40 тыс. руб., в управлении продажами — на 45 тыс. рублей.

¹ Электронный ресурс.

Средняя зарплата, предложенная в отрасли Торговля/Продажи, составляет в Башкортостане 35 тыс. рублей.

Анализ республиканских соглашений между Федерацией профсоюзов Республики Башкортостан, объединениями работодателей Республики Башкортостан и Правительством Республики Башкортостан на 2013–2015, 2014–2016, 2017–2019 годы показал неуклонный рост размера месячной тарифной ставки 1-го разряда для профессий повар и других производственных рабочих предприятий торговли и общественного питания (табл. 3), что является очень важным фактором при решении вопросов об увеличении оплаты труда работников остальных профессий, занятых в конкретной отрасли.

Также анализ показал, что с 1 января 2014 до 1 января 2017 года рост размера месячной тарифной ставки 1-го разряда для профессий повар и других производственных рабочих предприятий торговли и общественного питания составил 28,6% (рис. 3).

Как видно из диаграммы, представленной на рисунке 4, наибольшее количество вакансий в отрасли Торговля/Продажи открыто в Уфе, на втором месте — Благовещенск, на третьем — Стерлитамак.

На момент анализа наиболее востребованной в Республике Башкортостан в отрасли Торговля/Продажи по данным сайтов кадровых агентств является профессия продавец-кассир (рис. 5). Уровень средней заработной платы в республике составляет 14 250 рублей.

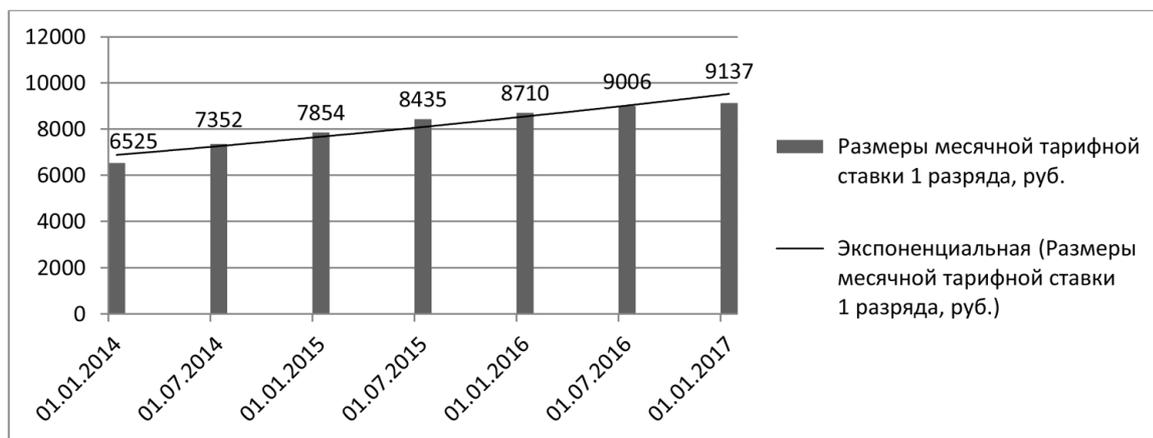

Рисунок 3 — Динамика размера месячной тарифной ставки 1-го разряда для профессий повар и других производственных рабочих предприятий торговли и общественного питания отрасли Торговля/Продажи в Республике Башкортостан, руб.

Таблица 3 — Межотраслевые соотношения и размеры месячных тарифных ставок 1-го разряда рабочих основных профессий, установленные на отдельные даты года

Наименование основных производств, работ и профессий рабочих по видам экономической деятельности	Соотношения	Размеры месячной тарифной ставки 1-го разряда, руб.
ТОРГОВЛЯ И ОБЩЕСТВЕННОЕ ПИТАНИЕ		
повара и другие производственные рабочие предприятий торговли и общественного питания		
1.01.17	0,56	9137
1.07.16	0,56	9006
1.01.16	0,56	8710
1.07.15	0,56	8435
1.01.15	0,56	7854
1.07.14	0,56	7352
1.01.14	0,56	6525

Рисунок 4 — Вакансии в отрасли Торговля/Продажи в Республике Башкортостан, %

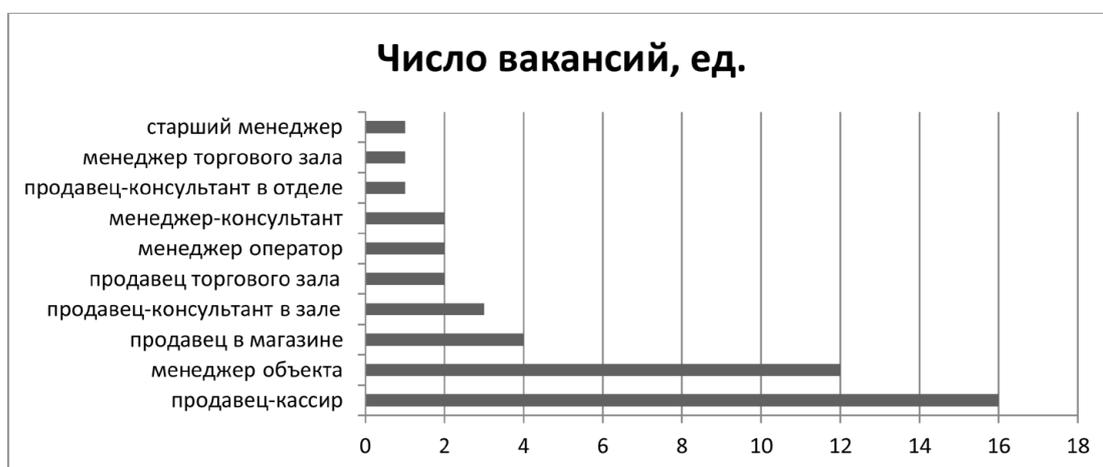

Рисунок 5 — Число вакансий на момент анализа по данным сайтов кадровых агентств, ед.

Рисунок 6 — Средняя заработная плата на момент анализа по данным сайтов кадровых агентств, тыс. руб.

При этом в различных городах Республики Башкортостан размер средней заработной платы в данной отрасли различается, исходя из наполненности рынка труда по профессиям отрасли (рис. 6).

Как видно из данных, представленных на диаграмме, размер средней заработной платы в данной отрасли колеблется от 20 тыс. руб. в г. Ишимбай до 39 тыс. руб. в г. Учалы. Без проведения дополнительных исследований сложно описать причины существенной разницы (19 тыс. руб.) в размерах средней заработной платы в отрасли. Можем лишь предположить, что есть возможное влияние стандартных факторов:

- дефицит специалистов конкретных профессий;
- доплаты за особые условия труда;
- политика в области оплаты труда, принятая в конкретных организациях;
- прочие.

Заработная плата является основной формой дохода человека, оплатой за его труд в различных сферах и областях деятельности. Как стоимостная категория она представляет собой конечный результат оценки вклада человека в развитие его предприятия. Также заработная плата является показателем, который влияет на результативность производства, объем и качество произведенной продукции (работ, услуг), состояние производительности труда и уровень себестоимости.

Важным условием нормальной деятельности предприятия является сохранение и развитие персонала организации, привлечение и удержание высококвалифицированных специалистов нужных профессий. А это возможно в том числе за счет обеспечения достойного уровня оплаты труда работников, по крайней мере, не ниже среднеотраслевого уровня.

Особенно это актуально для организаций отрасли Торговля/Продажи из-за высокого уровня конкуренции, существенного количества торговых организаций как в сфере оптовой торговли, так и в сфере розничных продаж. Длительное отсутствие роста заработной платы в организации как инструмента мотивации персонала может привести к кризисной ситуации на предприятии и даже к банкротству, когда высококвалифицированные работники начинают увольняться и переходить к конкурентам.

Коммерческая результативность финансово-хозяйственной деятельности организации зависит от наличия и эффективного использования трудовых ресурсов, которые обеспечивают производство продукции в нужном объеме и нужного качества; организации сервиса на должном уровне; оказания услуг, востребованных на рынке сбыта. Выполнение этих условий способствует долговременному существованию предприятия и его развитию.

Литература

- [1] Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. — URL: <http://www.gks.ru>
- [2] Республиканское соглашение между Федерацией профсоюзов Республики Башкортостан, объединениями работодателей Республики Башкортостан и Правительством Республики Башкортостан на 2014–2016 годы [Электронный ресурс]. — URL: http://mintrudrb.ru/upload/docs/resp_sogl_2014-2016.pdf
- [3] Республиканское соглашение между Федерацией профсоюзов Республики Башкортостан, объединениями работодателей Республики Башкортостан и Правительством Республики Башкортостан на 2017–2019 годы [Электронный ресурс]. — URL: <http://docs.cntd.ru/document/444803557>
- [3] [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.hh.ru> в Башкортостане

MUKHAMADIYAROVA Aigul Kalashnovna,
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor
Associate Professor at the Department of Economics and Information Technology
E-mail: ai_mukhamad@rambler.ru
Bashkir Institute of Social Technologies (branch)
of the Academy of Labor and Social Relations, Ufa

GUMEROVA Zilyara Zhanovna,
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor
Associate Professor at the Department of Management and Marketing
E-mail: lapa28@rambler.ru
Ufa State Aviation Technical University, Ufa

ROLE AND IMPORTANCE OF PAYMENT SETTLEMENTS IN THE SECTOR "TRADE / SALES" IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN

An important condition for the normal operation of the enterprise is the preservation and development of the personnel of the organization, attraction and retention of highly qualified specialists of the necessary professions. And this is possible, among other things, by ensuring a decent level of remuneration for employees, at least not below the industry average. This is especially true for trade / sales organizations because of the high level of competition.

Key words: trade, sales, goods, wages, trade turnover, wholesale and retail trade, average wages, tariff rate.

References

- [1] Oficial'nyj sajt Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki [Official website of the Federal State Statistics Service]. — URL: <http://www.gks.ru>
- [2] Respublikanskoe soglashenije mezhdru Federaciej profsojuzov Respubliki Bashkortostan, ob'edinenijami rabotodatelej Respubliki Bashkortostan i Pravitel'stvom Respubliki Bashkortostan na 2014–2016 gody [Republican agreement between the Federation of Trade Unions of the Republic of Bashkortostan, employers' associations of the Republic of Bashkortostan and the Government of the Republic of Bashkortostan for 2014–2016] [Electronic resource]. — URL: http://mintrudrb.ru/upload/docs/resp_sogl_2014-2016.pdf
- [3] Respublikanskoe soglashenije mezhdru Federaciej profsojuzov Respubliki Bashkortostan, ob'edinenijami rabotodatelej Respubliki Bashkortostan i Pravitel'stvom Respubliki Bashkortostan na 2017–2019 gody [Republican agreement between the Federation of Trade Unions of the Republic of Bashkortostan, employers' associations of the Republic of Bashkortostan and the Government of the Republic of Bashkortostan for 2017–2019] [Electronic resource]. — URL: <http://docs.cntd.ru/document/444803557>
- [4] [Electronic resource]. — URL: <http://www.hh.ru> in Bashkortostan

УДК 336.774

БУРАНБАЕВА Лилия Закировна,

кандидат экономических наук,

доцент кафедры экономики и предпринимательства

E-mail: blz05101969@mail.ru

Башкирский кооперативный институт (филиал)

АНОО ВО ЦС РФ «Российский университет кооперации», г. Уфа

САБИРОВА Зульфия Зяудатовна,

кандидат педагогических наук,

доцент кафедры экономики и предпринимательства

E-mail: sab.zulfiya@yandex.ru

Башкирский кооперативный институт (филиал)

АНОО ВО ЦС РФ «Российский университет кооперации», г. Уфа

ИПОТЕЧНОЕ ЖИЛИЩНОЕ КРЕДИТОВАНИЕ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН: НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ

Предмет исследования — банковское ипотечное кредитование жилья; объект — региональный рынок жилищного кредитования. Цель исследования — оценка текущего состояния рынка жилищного кредитования в Российской Федерации и Республике Башкортостан, выявление перспектив его развития. Задачи исследования — изучение необходимости и значимости развития рынка ипотечного кредитования населения, оценка текущего состояния и выявление направлений его развития. Новизна исследования: выявлены направления развития регионального рынка ипотечного кредитования на основе обобщения и оценки его текущего состояния. Выводы: оценка текущего состояния рынка ипотечного кредитования необходима для оперативного выявления проблем и тенденций дальнейшего развития за счет применения определенных инструментов всеми участниками рынка.

Ключевые слова: кредит, ипотека, рынок ипотечного кредитования, ставка рефинансирования, ссудная задолженность текущая, потенциальный заемщик, ссудная задолженность просроченная.

Анализ состояния современного рынка кредитования свидетельствует о том, что ипотека является наиболее востребованным банковским продуктом («драйвером») на рынке розничного кредитования, а для большинства россиян — единственным способом решить жилищные проблемы. Сегодня в сегменте ипотечного кредитования наблюдаются огромный объем предложений по привлекательным ценам и активность со стороны потенциальных заемщиков, несмотря на увеличение банковских ставок с июля 2018 г. в среднем до 9,57 % (против 11,5 % в 2017 году) и ключевой ставки центрального банка в сентябре до 7,7 %, а так-

же нестабильности в целом на финансовом рынке из-за усиления санкционного давления и валютных колебаний.

Отдельные кредиторы начали корректировать ставки по ипотеке в сторону увеличения и ужесточать условия выдачи кредита уже в августе. Так Райффайзенбанк одним из первых повысил ипотечные ставки до 10,25–10,49 % (на 1 п. п.) на покупку квартир в готовых и строящихся домах и по программам рефинансирования. Действия кредиторов на опережение оправданы необходимостью сокращения риска падения их маржи (по ипотечным операциям уровень банковской маржи

итак наиболее низкий). По мнению экспертов, повышение ставок отдельными игроками указывает на то, что рынок начинает готовиться к завершению цикла снижения ключевой ставки (хотя Э. Набиуллина в июне утверждала о наличии потенциала снижения ставок). Следует напомнить, что в соответствии с майскими указами Президента Российской Федерации доступность жилья для россиян должна быть обеспечена в том числе и за счет снижения ипотечных ставок до 8 % годовых.

Увеличение ипотечных ставок означает потерю спроса, если учесть, что отрицательная с 2014 года динамика уровня доходов россиян сокращает их возможности на покупку жилья. Однако есть вероятность того, что в ближайшее время россияне поторопятся оформить ипотеку. По прогнозам «Эксперт РА» в 2018 году совокупный объем выдач ипотечных кредитов составит 2,7–2,8 трлн рублей.

В январе-июле 2018 г. российскими банками выдано населению более 785 тыс. ипотечных жилищных кредитов на общую сумму свыше 1,5 трлн руб., почти на 70 % больше прошлого года. Наибольшие объемы выдач ипотечного кредита характерны для крупных государственных банков. Так, за 1-е полугодие 2018 г. доля Сбербанка увеличилась до 50 %, банка ВТБ — до 17,3 %, Газпромбанка — до 17,4 %, Россельхозбанка — до 20,9 %, Райффайзенбанка и банка «Российский капитал» — до 2,6 %. За 2017 год прирост ипотечных кредитов пятнадцати ведущих банков составил около 42 %, на которые приходится 94 % всех предоставленных ипотечных кредитов за 2017 год.

Во II квартале 2018 г. среди 40 регионов-лидеров по объемам ипотечного кредитования наибольший прирост среднего размера ипотечного кредита зафиксирован в Республике Татарстан (+15,4 %), в Волгоградской (+14,4 %) и Саратовской (+13,4 %) областях, в Республике Башкортостан (+13,0 %) и Кировской области (+11,4 %). В городах Москва и Санкт-Петербург значение данного показателя выросло, соответственно, на 4,5 % и 2,5 %. В Ямало-Ненецком АО (–2,9 %), Воронежской области (–1,7 %), Хабаровском крае (–1,4 %), Иркутской области, наоборот, наблюдается сокращение среднего размера ипотечного кредита [3].

Снижение процентов по ипотеке привело к росту спроса россиян на покупку жилья класса комфорт и бизнес (до 2017 года, наоборот, наибольшая доля ипотеки приходилась на экономкласс), а также на первичное и вторичное жилье. Кроме того, изменился возрастной сегмент заемщиков. Более 20 % заемщиков — лица старше 50 лет.

Совокупная задолженность по ипотечному жилищному кредиту по состоянию на 1 августа 2018 г. составила 5,9 трлн руб. (рост на 24 % по сравнению с аналогичным периодом 2017 года).

По состоянию на 1 января 2018 г. в Республике Башкортостан общий объем действующих ипотечных кредитов составил 72 753 млн руб., объем текущей задолженности — 59 157 млн руб., количество непогашенных кредитов — 45 525 млн руб., объем просроченной задолженности — 2265 млн руб., средний размер просроченной задолженности — 1 458 382 рубля [1].

По экспертным оценкам в Республике Башкортостан ипотека доступна лишь каждой десятой семье. Факторами спроса на покупку жилья в ипотеку являются высокие цены на недвижимость (республика входит в десятку дорогих городов России); ужесточение требований банков к заемщикам; нестабильность на первичном рынке жилья (люди предпочитают приобретать вторичное жилье, на которое ставки более высокие); повышение размера первоначального взноса (20 % и выше).

Стоимость на вторичное жилье в Республике Башкортостан с начала 2018 г. увеличилась почти на 6 % (на сегодня средняя цена м² — 59,3 тыс. руб.). Средняя цена м² жилья в новостройках составляет 58 тыс. руб. (рост на 12,5 %). Есть предположение, что к концу года средняя стоимость м² жилья в новостройках превысит среднюю стоимость жилья в готовых квартирах.

В республике 80 % сделок по ипотеке приходится на «вторичное» жилье; средний возраст заемщика — 36 лет; средний срок оформления ипотеки — 17 лет; средний срок фактического погашения — 7 лет; средний чек на «вторичное» жилье — 1,6 млн руб. и «первичку» — 1,8 млн рублей [4].

На наш взгляд, снижение объема выдач ипотечного кредита связано с высокой степенью закредитованности населения и низкими доходами.

По рейтинговой оценке агентства «РИА-рейтинг» медиагруппы «Россия сегодня» по показателю доступности жилья в ипотеку Республика Башкортостан занимает лишь 57-е место из 82, на одну позицию выше, чем в Москве [2].

В соответствии с национальным проектом «Жилье и доступная среда» более 20 % ипотечных сделок, осуществляемых российскими банками, будут совершаться в электронном формате. Использование на практике «пилотных» сделок позволяет упростить процессы подачи потенциальными заемщиками заявок и иных документов на получение кредита, их сопровождения, а также регистрации приобретенных объектов. Дистанционное обслуживание заемщиков предусматривает возможность оформления кредита и его дальнейшее сопровождение без посещения заемщиками самих кредитных учреждений (за исключением их обязательной явки в банк для идентификации и подписания договора, а также в МФЦ — для подачи документов на получение прав собственности на приобретаемое жилье). Период рассмотрения заявок клиентов благодаря «пилотным» сделкам сокращается до 25 минут. Ожидается, что в будущем цифровая ипотека в стране получит развитие параллельно с переходом кредитных организаций на ведение электронного документооборота.

Важное значение для развития рынка ипотеки имеет государственная поддержка на федеральном и региональном уровнях. В отдельных регионах (например, в Волгоградской области) «запущена» программа «Бюджетная ипотека», в соответствии с которой предусматривается бюджетная компенсация заемщикам расходов по ипотеке (в первую очередь

многодетным семьям и работникам бюджетной сферы).

В Республике Башкортостан многие банки успешно используют программы ипотечного кредитования. Так, ВТБ предлагает такие программы как «Люди дела» (для работников бюджетной сферы), «Больше метров — меньше ставка» (для людей, желающих расширить жилую площадь), «Победа над формальностями» (для лиц, не имеющих возможности представления справки о доходах как обеспечения возврата ссудной задолженности), «Детская ипотека», «Ипотека с участием материнского капитала» и др.

Программный подход, безусловно, обеспечивает доступность эконом жилья, прежде всего, в новостройках.

Социально ориентированной мерой для банков считается уменьшение размера первоначального взноса с 20 до 15 % (по примеру Сбербанка).

В целях повышения спроса на приобретение жилья в новостройках необходимы организация совместно банками и застройщиками акций, предусматривающих скидки, а также прозрачность сделок, совершаемых риэлторскими компаниями.

Прогнозы экспертов в отношении изменения ситуации на ипотечном рынке весьма сдержанны, так как в перспективе возможен дальнейший рост ставок и, соответственно, снижение спроса покупателей (потенциальных заемщиков). На наш взгляд, до конца текущего года предполагается незначительный рост процентных ставок вследствие увеличения ключевой ставки. Однако, несмотря на это, россияне поторопятся оформить договора и под такие условия, т.е. ожидается кратковременный всплеск спроса на ипотеку, обусловленный стремлением граждан воспользоваться текущими относительно выгодными условиями кредитования.

Литература

- [1] Национальный кредитный бюллетень за IV квартал 2017 года. — № 29. — М., 2018. — С. 124.
- [2] В Башкирии ипотека доступна лишь каждой десятой семье [Электронный ресурс]. — URL: ProUfu.ru/Новости/Общество
- [3] [Электронный ресурс]. — <http://www.vse-obipoteke.ru/news/vozmozhnosti>
- [4] [Электронный ресурс]. — www.syabry-ufa.ru

BURANBAEVA Liliya Zakirovna,
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor at the Department of Economics and Entrepreneurship
E-mail: blz05101969@mail.ru
Bashkir Cooperative Institute (branch)
of the "Russian University of Cooperation", Ufa

SABIROVA Zulfiya Zyudatovna,
Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor at the Department of Economics and Entrepreneurship
E-mail: sab.zulfiya@yandex.ru
Bashkir Cooperative Institute (branch)
of the "Russian University of Cooperation", Ufa

MORTGAGE HOUSING CREDITING IN THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN: THE PRESENT AND THE FUTURE

The subject of the research is banking mortgage lending for housing; the object is a regional housing loan market. The purpose of the study is to assess the current state of the housing loan market in the Russian Federation and the Republic of Bashkortostan, to identify the prospects for its development. The research objectives are to study the need and significance of the development of the mortgage lending market for the population, assess the current state and identify areas for its development. The novelty of the research: the directions for the development of the regional mortgage lending market have been identified based on a synthesis and assessment of its current state. Conclusions: an assessment of the current state of the mortgage lending market is necessary for the rapid identification of problems and trends for further development through the use of certain tools by all market participants.

Key words: loan, mortgage, mortgage lending market, refinancing rate, current debt, potential borrower, overdue loan.

References

- [1] Nacional'nyj kreditnyj bjulleten' za IV kvartal 2017 goda [National Credit Bulletin for the IV quarter of 2017]. — No. 29. — Moscow, 2018. — P. 124.
- [2] V Bashkirii ipoteka dostupna lish' kazhdoj desjatoj sem'e [Mortgage is available only to every tenth family in Bashkortostan] [Electronic resource]. — URL: ProUfu.ru/News/Society
- [3] [Electronic resource]. — URL: <http://www.vse-obipoteke.ru/news/vozmozhnosti>
- [4] [Electronic resource]. — URL: www.syabry-ufa.ru

УДК339.5

ЕЛИКБАЕВ Куаныш Нурланович,

магистрант

E-mail: kuan1@mail.ru

Университет международного бизнеса,
Республика Казахстан, г. Алматы

МИРОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ УСИЛЕНИЯ ПРОТЕКЦИОНИСТСКИХ НАСТРОЕНИЙ

В статье проведен анализ основных трендов развития протекционизма в мировой экономике. Выявлено сохранение тенденции роста действующих протекционистских мер при сокращении числа ежегодно вводимых новых, ограничивающих торговлю, мер. Лидером по числу используемых и ежегодно вводимых новых торговых ограничений являются США, второе место по количеству используемых ограничений занимает Германия, за которой следуют Индия и Россия. Наибольшее число торговых ограничений странами мира введено в отношении Китая, торговые ограничения США более всего затрагивают интересы Канады, Китая и крупнейших экономик Европы. Выяснено, что динамика действующих и вновь вводимых протекционистских мер стран ЕАЭС в целом повторяет мировой тренд, однако количество мер, ограничивающих взаимную торговлю в период с 2014 по 2016 гг. достаточно высоко, особенно во взаимной торговле Россия — Беларусь, где оно достигало пятидесяти и выше процентов от общего числа вводимых странами протекционистских мер в отношении всех стран мира. Частично тенденция сохранения большего количества мер, препятствующих взаимной торговле, сохраняется до настоящего времени, что не может характеризовать ситуацию как усиление интеграции внутри ЕАЭС. Основными секторами экономики, наиболее затрагиваемыми мерами государственного вмешательства, во взаимной торговле России со странами ЕАЭС являются отрасли пищевой промышленности и сельского хозяйства, импорт продукции которых из стран Запада на территорию России запрещен.

Ключевые слова: протекционизм, инструменты протекционистской политики, страны ЕАЭС, либерализация торговли, динамика протекционистский мер, глобальный протекционизм.

Тенденция усиления глобального протекционизма наблюдается в мировой экономике с начала мирового кризиса 2008–2009 годов. Именно с этого времени мониторинг действующих и вновь вводимых мер, ограничивающих мировую торговлю, стал объектом пристального внимания многих международных организаций. Данные о протекционистских мерах указывают на сохранение и даже усиление со стороны отдельных стран тенденции к росту количества ограничений международной торговли. Последствия политики протекционизма не ограничиваются экономическим ущербом в мировой торговле, но могут спровоцировать глобальную дезинтеграцию стран, в том числе сокращение инвестиционных потоков, усиление

препятствий для трансграничного бизнеса и ограничение мобильности рабочей силы, что, в свою очередь, может оказать негативное воздействие на экономический рост многих стран.

Анализ мировых трендов либерализации торговли и политики протекционизма крайне важен для понимания развития интеграционных и дезинтеграционных процессов в отношениях стран ЕАЭС для оценки движущих сил и определения стратегий интеграционного взаимодействия внутри ЕАЭС.

В настоящей статье мы попытаемся, во-первых, провести анализ мировых трендов развития политики протекционизма и, во-вторых, проанализировать использование

взаимных протекционистских мер странами ЕАЭС, что, с нашей позиции, крайне важно для лучшего понимания и оценки интеграционных и дезинтеграционных процессов стран-участниц интеграционного объединения.

Тема усиления глобального протекционизма в последние годы получила достаточно широкое освещение в научной литературе и СМИ. Как заметил Алан Вулф — заместитель генерального директора ВТО — до выборов Д. Трампа в США и Брексита в Великобритании, внешняя торговля представляла интерес только для деловых изданий, но никак не для обсуждения в СМИ. Нападки на международные торговые соглашения стали использоваться в президентских предвыборных кампаниях и обсуждаться на первых полосах в средствах массовой информации. Но, по мнению А. Вулфа, несмотря на некоторые «слабости» развития мировой торговли и использование администрацией США непредсказуемости в качестве инструмента внешней политики, прогресс в области либерализации продолжается и угроза массовых торговых ограничений отсутствует [3].

Мониторинг мер протекционистского характера, оказывающих дискриминационное воздействие на экономические интересы иностранных партнеров, проводит целый ряд международных организаций, среди которых ВТО, ОЭСР и др., базы данных которых различаются методологией сбора и анализа информации. Наиболее полную, по оценке МВФ, базу данных по всем мерам протекционизма и либерализации, предоставляет агентство GTA (Global Trade Alert), основанное в 2009 году Британским исследовательским центром исследований экономической политики (CEPR).

База данных GTA включает различные формы интервенций (вмешательств) со стороны правительств, которые классифицируются GTA либо как полезные с точки зрения либерализации торговли, либо как наносящие вред [4] иностранным коммерческим интересам, под которыми в методологии GTA, понимается торговля товарами и услугами, инвестиции, а также миграция рабочей силы. Все изменения во внешней торговле, включенные в базу данных GTA отражают односторонние действия правительства и, таким образом, исключают изменения, координируемые в рамках двусторон-

них или многосторонних торговых соглашений. Оценка изменения доступа к рынку иностранных коммерческих интересов и изменение их положения на этом рынке при каждом типе государственного вмешательства производится на основе:

1) анализа состояния рынка до и после введения регулирующей меры (в тех случаях, где возможно, к примеру, в случае субсидий, грантов, государственных займов);

2) субъективных оценок трех независимых экспертов по десятибалльной шкале (где 1 — очень малое воздействие, 10 — рынок полностью закрыт).

Как известно, политика протекционизма направлена на защиту национальной экономики от конкуренции со стороны иностранных производителей мерами тарифного и нетарифного регулирования международной торговли, с целью стимулирования развития национальных отраслей экономики.

Нетарифные меры, по определению ЮНКАД, представляют собой меры государственного регулирования, которые не относятся к таможенно-тарифному регулированию и которые могут оказывать экономическое воздействие на международную торговлю, воздействуя либо на объемы торговли, либо на уровень цен, либо и в том и в другом направлении [11]. Методология GTA основана на международной классификации мер нетарифного регулирования (табл. 1)

По данным GTA, абсолютным лидером как по числу используемых торговых ограничений, так и по количеству ежегодно вводимых новых ограничений является США. Так, в настоящее время США используют 1525 торговых ограничений, на втором месте по числу торговых ограничений находится Германия (1104), за которой следуют Индия (847) и Россия (599).

Хотя США, как и другие страны мира, несут потери от ограничений международной торговли со стороны других стран, относительно слабая зависимость этой страны от международной торговли (28% от ВВП) делает США умеренно восприимчивыми к протекционизму со стороны других стран [10]. Наибольшее количество торговых вмешательств протекционистского характера, введенных США, затрагивают интересы в ближайшего соседа

Таблица 1 — Международная классификация нетарифных мер государственного регулирования внешней торговли, используемая в методологии ГТА*

Группа	Подгруппа	Раздел	Название раздела	Краткое описание
Меры в отношении импорта	Технические меры	A	Санитарные и фитосанитарные меры (СФМ)	Меры, призванные обеспечить безопасность продовольственных товаров или не допустить распространения болезней или вредителей, а также все меры по оценке соответствия нормам безопасности продовольственных товаров (сертификация, проведение исследований, проверка и введение карантина)
		B	Технические барьеры в торговле (ТБТ)	Такие меры, как маркировка, стандарты в отношении технических спецификаций и требования к качеству, а также другие меры, направленные на охрану окружающей среды, а также все меры по оценке соответствия техническим требованиям (сертификация, проведение испытаний, проверка)
		C	Предотгрузочная инспекция и другие формальности	Меры, касающиеся предотгрузочной инспекции и других таможенных формальностей
	Нетехнические меры	D	Обусловленные меры торговой защиты	Меры, применяемые для нейтрализации определенного негативного воздействия импорта на рынок импортирующей страны, включая меры по противодействию недобросовестной внешнеторговой практике (антидемпинговые, компенсационные и защитные меры)
		E	Неавтоматическое лицензирование, квоты, запреты и меры количественного контроля, помимо применяемых по причинам, связанным с СФМ и ТБТ	Лицензирование, квотирование и другие меры количественного контроля, включая тарифные квоты
		F	Меры контроля над ценами, включая дополнительные налоги и сборы	Меры контроля над ценами, применяемые для осуществления контроля или воздействия в отношении цен на импортируемые товары (меры, направленные на поддержание внутренних цен на определенные товары в случае более низких импортных цен на эти товары; установление внутренних цен на определенные товары из-за ценовых колебаний на внутренних рынках или нестабильности цен на внешнем рынке; или увеличение или поддержание налоговых поступлений), а также другие меры, помимо тарифных мер, направленные на повышение стоимости импорта аналогичным образом (паратарифные меры)
		G	Финансовые меры	Меры, предусматривающие ограничения в отношении платежей, связанных с импортом, например в случае регулирования доступа к иностранной валюте или ее стоимости, а также, меры, устанавливающие ограничения в отношении условий платежа

Окончание таблицы 1

Группа	Подгруппа	Раздел	Название раздела	Краткое описание
Меры в отношении импорта	Нетехнические меры	H	Меры, затрагивающие конкуренцию	Меры, ограничивающие конкуренцию, в частности предоставляющие исключительные или особые преференции или привилегии одной или нескольким ограниченным группам экономических операторов (например, обязательное национальное страхование или национальные перевозки)
		I	Инвестиционные меры, связанные с торговлей	Инвестиционные меры, включая меры, ограничивающие инвестиции в форме требования в отношении местного компонента или увязывающие инвестиции с последующим экспортом, уравнивающим импорт
		J	Ограничения в отношении сбыта	Ограничения в отношении сбыта — ограничительные меры, касающиеся внутреннего сбыта импортируемых товаров
		K	Ограничения в отношении послепродажного обслуживания	Ограничения в отношении послепродажного обслуживания, например в отношении оказания вспомогательных услуг
		L	Субсидии (за исключением экспортных)	Меры, относящиеся к субсидиям, затрагивающим торговлю
		M	Ограничения в отношении государственных закупок	Ограничения в отношении государственных закупок — ограничительные меры, с которыми могут столкнуться участники торгов, намеревающиеся продавать свои товары иностранному правительству
		N	Интеллектуальная собственность	Ограничения, связанные с интеллектуальной собственностью и правами интеллектуальной собственности
		O	Правила происхождения	Меры, ограничивающие происхождение товаров или их компонентов
Меры в отношении экспорта	P	Меры, касающиеся экспорта	Меры, которые могут применяться в отношении своего экспорта (экспортные налоги, экспортные квоты и запреты на экспорт)	

* Составлено автором на основе [5].

и торгового партнера — Канады (1052). На втором месте по числу американских торговых ограничений находится Китай (852), далее следуют крупнейшие экономики Европы — Германия (669), Италия (660), Великобритания и Франция (по 645). В отношении России со стороны США действуют 429 торговых ограничений.

Со стороны всех стран мира наибольшее число торговых ограничений введено в отношении Китая (4906), Германии (4263), Италии (3959), Франции (3847), США (3538), Великобритании (3484). Страны ЕАЭС занимают в этом списке срединные позиции с числом торговых ограничений 2045 (Россия), 1103 (Беларусь) и 733 (Казахстан).

Наиболее распространенными инструментами протекционистской политики в настоящее время являются финансирование торговли, импортные тарифы, антидемпинговые меры, финансовые гранты и государственные кредиты (рис. 1).

Общее количество мер однозначно дискриминационного характера («красные» меры), по оценке ГТА, с ноября 2008 по 31 июля 2018 года составляет 10 421. Количество мер, классифицируемых как «янтарные» (меры, которые а) уже осуществлены, являются дискриминационными в отношении интересов иностранных партнеров, но доказательная база по

которым не может быть подтверждена официальными документами и б) были заявлены или находятся на рассмотрении, но в случае их реализации почти наверняка будут оказывать дискриминационное воздействие в отношении иностранных интересов) составляет 662 [10].

В настоящее время в мире сохраняется тенденция роста действующих протекционистских мер при сокращении количества ежегодно вводимых мер. Количество протекционистских мер, ежегодно вводимых США, достигало своего пика в 2012 году (212) во времена президентства Б. Обамы и постепенно снижалось до конца 2017 года (143). За первые семь месяцев 2018 года Соединенными Штатами введено уже 108 мер протекционистского характера, что с одной стороны дает возможность США установить новый рекорд по количеству ежегодно вводимых протекционистских мер, с другой стороны вызывает серьезную обеспокоенность международных организаций и важнейших торговых партнеров США, подкрепляемую отсутствием последовательности и непредсказуемостью в принятии политических решений, а также склонностью к давлению на торговых партнеров со стороны администрации Д. Трампа [2].

Динамика действующих и вновь вводимых протекционистских мер стран ЕАЭС в целом повторяет мировой тренд в направлении сни-

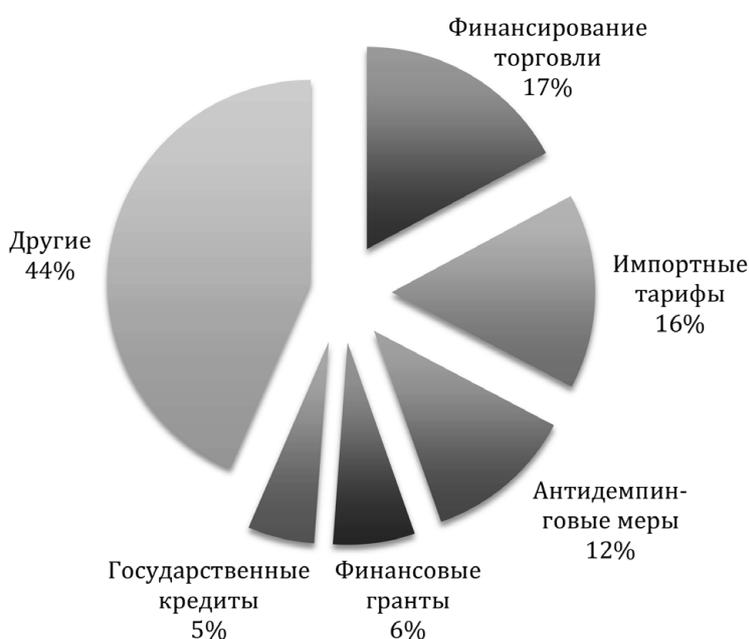

Рисунок 1 — Наиболее распространенные инструменты протекционистской политики [6]

жения количества вновь вводимых мер, ограничивающих торговлю (рис. 2)

Однако количество ежегодно вводимых протекционистских мер в отношении друг друга в долях от количества вводимых протекционистских мер всего в отношении всех стран достаточно высока. Так, свыше 45 % (5 из 11) протекционистских мер, введенных Казахстаном, и свыше 46 % (14 из 30) мер, введенных Беларусью, в 2016 году были направлены на ограничение торговли с Россией. И если для Казахстана данный показатель в 2017 году был снижен до нуля, то Беларусь в 2017 году из 100 % протекционистских мер, более 33 % (2 из 6) ввела в отношении России. Ограничивающие торговлю меры, введенные Россией в 2016 году на 59 % (51 из 86) и в 2017 году на 61 % (8 из 13) касались торговых отношений со странами ЕАЭС (табл.2)

Взаимная торговля стран ЕАЭС имеет для стран участниц неравновеликое значение. Так, доля торговли России внутри ЕАЭС хоть и выросла в 1,13 раза (с 5,72 до 6,48 %) с 2012 года, но составляет менее 6,5 % от внешнеторгового оборота России, тогда как основные торговые потоки Беларуси ориентированы на страны ЕАЭС, в основном на Россию. Для Республики Армения доля взаимной торговли во внешнеторговом обороте составляет 12,14 %, доля взаимной торговли Казахстана составляет 8,67 % от внешнеторгового оборота страны и Кыргызстана — 14,05 % (табл. 3)

В 2014 году часть политических противоречий России и западных стран была перенесена в плоскость торгово-экономических отношений [1].

В качестве «ответных мер» на санкции со стороны западных стран Россия применяет запреты на импорт, в частности, ограничение импорта продовольственных товаров из ряда стран, в том числе Беларуси и Казахстана, предпринимавших попытки ввоза на территорию России санкционных товаров западных стран, чем и вызвано введение большого числа мер, ограничивающих торговлю между тремя крупнейшими экономиками союза.

Динамика числа ежегодно вводимых мер протекционизма и либерализации торговли России, Беларуси и Казахстана в отношении друг друга в долях от общего числа мер государственного вмешательства показаны на рисунке 3.

Сектора экономики, наиболее затрагиваемые мерами государственного вмешательства представлены в таблице 4.

Проведенный анализ позволяет сделать выводы о сохранении тенденции роста количества протекционистских мер в мировой экономике при снижении темпа ввода новых мер, ограничивающих торговлю. Страны ЕАЭС в целом следуют мировой тенденции сокращения количества ежегодно вводимых новых протекционистских мер, что особенно заметно во внешнеторговой политике Республики

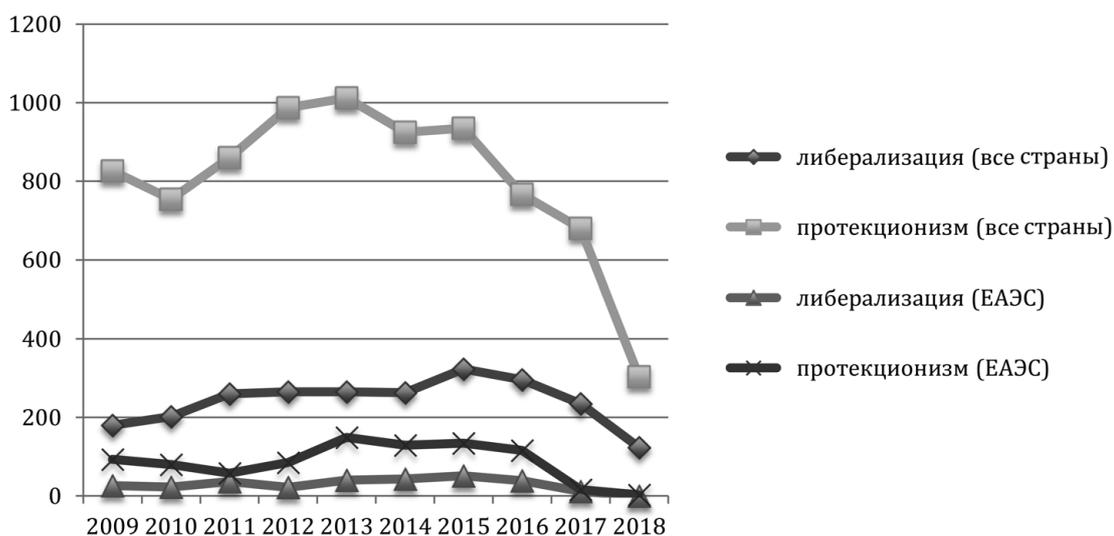

Рисунок 2 — Количество введенных новых вмешательств в год со стороны стран ЕАЭС и стран мира (составлено автором на основе [6–9])

Таблица 2 — Количество новых вмешательств, ограничивающих торговлю в странах ЕАЭС (ежегодно)

Год	Все страны	ЕАЭС	Россия	Все страны	ЕАЭС	Россия	Все страны	ЕАЭС
Армения			Казахстан			Россия		
2009	2	1	1	15	6	6	70	17
2010	0	0	0	29	12	7	54	17
2011	2	1	1	24	4	3	40	4
2012	1	0	0	26	5	3	56	7
2013	1	0	0	35	10	7	91	23
2014	1	0	0	30	9	6	87	29
2015	10	0	0	29	11	10	99	51
2016	5	0	0	11	5	5	86	51
2017	3	0	0	3	0	0	13	8
2018	0	0	0	1	0	0	3	0
Беларусь			Кыргызстан					
2009	6	1	1	2	2	1		
2010	21	4	1	6	4	1		
2011	26	5	4	2	1	1		
2012	29	9	9	4	0	0		
2013	74	27	26	4	1	1		
2014	44	17	17	3	0	0		
2015	24	9	9	7	0	0		
2016	30	14	14	4	0	0		
2017	6	2	2	3	0	0		
2018	1	0	0	0	0	0		

Таблица 3 — Доля взаимной торговли во внешнеторговом обороте стран ЕАЭС

Год	Республика Армения	Республика Беларусь	Республика Казахстан	Кыргызская Республика	Российская Федерация
2012		35,90	5,72		5,72
2013		44,80	5,45		5,21
2014		42,14	6,54		4,95
2015	7,43	38,30	8,51	12,97	5,96
2016	11,06	46,68	8,13	12,77	6,24
2017	12,14	45,26	8,67	14,05	6,48

Рисунок 3 — Динамика числа ежегодно вводимых мер протекционизма и либерализации торговли стран ЕАЭС в отношении друг друга в долях от общего числа мер государственного вмешательства (составлено автором на основе [7–9])

Таблица 4 — Сектора экономики стран ЕАЭС, наиболее затрагиваемые мерами государственного вмешательства*

Либерализация	Протекционизм
<i>Россия — все страны мира</i>	
Двигатели и турбины и запчасти 21 Прочее оборудование общего назначения 20 Станки и детали 20 Машины для добычи полезных ископаемых, разработки карьеров и строительства; части 19 Основные органические химикаты 17	Автомобили, прицепы и полуприцепы; части 64 Другие молочные продукты 31 Переработанное жидкое молоко, сливки и сыворотка 30 Машины для добычи полезных ископаемых, разработки карьеров и строительства; части 29 Мясо и мясная продукция 29
<i>Россия — Беларусь</i>	
Сырая нефть и природный газ 6 Медицинское и хирургическое оборудование и ортопедические приспособления 5 Прочее оборудование общего назначения 5 Станки и детали 5 Подъемно-транспортное оборудование и запчасти 4	Автомобили, прицепы и полуприцепы; части 32 Переработанное жидкое молоко, сливки и сыворотка 24 Другие молочные продукты 19 Мясо и мясная продукция 16 Сельскохозяйственная и лесохозяйственная техника и запчасти 12

Окончание таблицы 4

Либерализация	Протекционизм
<i>Россия — Казахстан</i>	
Сырая нефть и природный газ 6 Медь, никель, алюминий, оксид алюминия, свинец, цинк и олово, необработанный 5 Прочее оборудование общего назначения 4 Станки и детали 4 Машины для добычи полезных ископаемых, разработки карьеров и строительства; части 3	Переработанное жидкое молоко, сливки и сыворотка 20 Мясо и мясная продукция 16 Другие молочные продукты 16 Зерновые мельницы 14 Хлопья 14
<i>Беларусь — Россия</i>	
Готовая и консервированная рыба, ракообразные, моллюски 2 Удобрения и пестициды 2 Фураж; натуральная резина; живые растения; сырые овощные материалы 1 Пески, галька, гравий, природный битум и асфальт 1 Химические и минеральные удобрения 1	Целлюлоза, бумага и картон 12 Автомобили, прицепы и полуприцепы; части 10 Сельскохозяйственная и лесохозяйственная техника и запчасти 9 Доски и панели 8 Изделия из бетона, цемента и штукатурки 7
<i>Казахстан — Россия</i>	
Медь, никель, алюминий, оксид алюминия, свинец, цинк и олово, необработанные 3 Сырая нефть и природный газ 2 Мясо и мясная продукция 2 Незаконченные изделия из меди, никеля, алюминия, свинца, цинка или олова 2 Конструкционные металлические изделия и детали 2 Вазелин, кокс или битум; парафиновый воск и аналогичные продукты 2	Нефтяные масла и масла из битуминозных материалов, кроме нефти 8 Мясо и мясная продукция 7 Переработанное жидкое молоко, сливки и сыворотка 8 Металлические отходы или отходы 6 Сырая нефть и природный газ 6 Безалкогольные напитки; минеральные воды в бутылках 5 Сахар и меласса 5 Кондитерские изделия из какао, шоколада и сахара 5 Медь, никель, алюминий, оксид алюминия, свинец, цинк и олово, необработанный 4 Другие молочные продукты 4 Зерновые мельницы 4 Другие 202

* Составлено автором на основе [7–9].

Армения и Республики Кыргызстан. Положительная тенденция в части сокращения вводимых торговых ограничений наметилась в Республике Казахстан. После значительно роста числа протекционистских мер во вза-

имной торговле Республики Беларусь и Российской Федерации в 2014–2016 гг. также заметны положительные сдвиги и сокращение числа ежегодно вводимых новых ограничительных мер.

Литература

- [1] Кадочников П. А. Протекционизм и либерализация внешней торговли в России и ведущих странах мира // Российский внешнеэкономический вестник. — 2015. — № 3. — С. 3–13.
- [2] Портанский А. П. Трамп разрушает сложившиеся правила и принципы мировой торговли // Международная экономика. — 2018. — № 6. — С. 7–18.
- [3] DDG Wolff: This is the time to renew the multilateral trading system / WTO. 2018 [Электронный ресурс]. — URL: https://www.wto.org/english/news_e/news18_e/ddgra_11jun18_e.htm
- [4] GTA (2017a). The GTA taxonomy [Электронный ресурс]. — URL: <file:///Users/z/Downloads/GTA%20taxonomy%20.pdf>
- [5] GTA (2017b). GTA intervention types [Электронный ресурс]. — URL: <file:///Users/z/Downloads/GTA%20intervention%20types%20.pdf>
- [6] GTA (2018a). Global Dynamics [Электронный ресурс]. — URL: https://www.globaltradealert.org/global_dynamics
- [7] GTA (2018b). Belarus [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.globaltradealert.org/country/19>
- [8] GTA (2018c). Kazakhstan [Электронный ресурс]. — URL: https://www.globaltradealert.org/country/105/period-from_20090101/period-to_20180801
- [9] GTA (2018d). Russia [Электронный ресурс]. — URL: https://www.globaltradealert.org/country/173/period-from_20090101/period-to_20180801
- [10] Luckman M. Global protectionism / Gowling WLG (UK) [Электронный ресурс]. — URL: <https://trajectorypartnership.com/wp-content/uploads/2018/01/1511Global-protectionism-are-you-leaving-yourself-open.pdf>
- [11] UNCTAD (2010). Non-tariff measures: evidence from selected developing countries and future research agenda [Электронный ресурс]. — URL: http://unctad.org/en/Docs/ditctab20093_en.pdf

ELIKBAYEV Kuanysh Nurlanovich,
 master student
 E-mail: kuan1@mail.ru
 University of International Business,
 Republic of Kazakhstan, Almaty

WORLD TENDENCIES OF DEVELOPMENT OF INTEGRATION RELATIONS IN THE FACE OF INCREASING PROTECTIONIST SENTIMENT

The paper explores the main trends in protectionism development in the world economy. The preservation of the tendency of growth of the existing protectionist measures is revealed with the reduction of the number of new measures, restricting trade, introduced annually. The United States is the leader in terms of the number of new trade restrictions that are used and introduced each year, followed by Germany, followed by India and Russia. The largest number of trade restrictions by the countries of the world is imposed on China, the trade restrictions of the United States most affect the interests of Canada, China and the largest economies of Europe. It was found out that the dynamics of the existing and newly introduced protectionist measures of the EEU countries as a whole repeats the world trend, however, the number of measures restricting mutual trade between 2014 and 2016, reached fifty or more percentages of the total number of protectionist measures against all countries in the world. Partially, the tendency of preserving more measures that hamper mutual trade remains to this day, which can not characterize the situation as an intensification of integration within the Eurasian Economic Union. The main sectors of the economy, most affected by state intervention measures, in the mutual trade of Russia with the EEU countries are the food and agriculture sectors, whose import of products from the West to Russia is prohibited.

Key words: protectionism, instruments of protectionist policy, the EEU countries, trade liberalization, the dynamics of protectionist measures, global protectionism.

References

- [1] Kadochnikov P. A. Protekcionizm i liberalizacija vneshej trgovli v Rossii i vedushhih stranah mira [Protectionism and the Liberalization of Foreign Trade in Russia and the World's Leading Countries] // Rossijskij vnesheekonomicheskij vestnik [Russian Foreign Economic Journal]. — 2015. — No. 3. — Pp. 3–13.

[2] *Portansky A. P.* Tramp razrushaet slozhivshiesja pravila i principy mirovoj trgovli [Trump Destroys the Established Rules and Principles of World Trade] // *Mezhdunarodnaja ekonomika* [International Economics]. — 2018. — No. 6. — Pp. 7–18.

[3] DDG Wolff: This is the time to renew the multilateral trading system / WTO. 2018 [Electronic resource]. — URL: https://www.wto.org/english/news_e/news18_e/ddgra_11jun18_e.htm

[4] GTA (2017a). The GTA taxonomy [Electronic resource]. — URL: <file:///Users/z/Downloads/GTA%20taxonomy%20.pdf>

[5] GTA (2017b). GTA intervention types [Electronic resource]. — URL: <file:///Users/z/Downloads/GTA%20intervention%20types%20.pdf>

[6] GTA (2018a). Global Dynamics [Electronic resource]. — URL: https://www.globaltradealert.org/global_dynamics

[7] GTA (2018b). Belarus [Electronic resource]. — URL: <https://www.globaltradealert.org/country/19>

[8] GTA (2018c). Kazakhstan [Electronic resource]. — URL: https://www.globaltradealert.org/country/105/period-from_20090101/period-to_20180801

[9] GTA (2018d). Russia [Electronic resource]. — URL: https://www.globaltradealert.org/country/173/period-from_20090101/period-to_20180801

[10] *Luckman M.* Global protectionism / *Gowling WLG (UK)* [Electronic resource]. — URL: <https://trajectorypartnership.com/wp-content/uploads/2018/01/1511Global-protectionism-are-you-leaving-yourself-open.pdf>

[11] UNCTAD (2010). Non-tariff measures: evidence from selected developing countries and future research agenda [Electronic resource]. — URL: http://unctad.org/en/Docs/ditctab20093_en.pdf

ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

УДК 323:81

НИГМАТУЛЛИНА Танзиля Алтафовна,
доктор политических наук, доцент, директор,
заведующий кафедрой политологии, истории, теории государства и права
E-mail: ufabist@ufabist.ru
Башкирский институт социальных технологий (филиал)
ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений», г. Уфа

РОДНОЙ ЯЗЫК И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО: ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Этнолингвистическое, образовательное, социокультурное и политическое измерения темы языковой коммуникации, обучения государственным и родным языкам в российских регионах продолжают концентрированно оставаться на повестке федеральных и региональных властей. Продолжающееся противостояние и сопряжение идейных и концептуальных позиций относительно ситуации языкового образования в национальных республиках свидетельствует о необходимости особого внимания к этим вопросам, поскольку напрямую связано с обеспечением безопасности страны. Исследование генезиса формирования языковой парадигмы за последние два года позволяет проследить не только хронологию этапов решения этого вопроса в образовательной сфере и правовом пространстве, но и очертить контуры перспектив этноязыковых коммуникаций.

Ключевые слова: языковая политика, государственные и родные языки, образовательное пространство, коммуникации, законодательство, принцип добровольности, этнонациональная напряженность.

У русского языка двуединая миссия —
миссия единения и миссия сбережения иных языков и культур.
А. С. Пушкин

Вопросам языковой политики в России сегодня уделяется особое внимание. И это не случайно. Как совершенно справедливо отметили И. А. Петрулевич и Л. М. Месропян, «язык как средство познания окружающего мира, как основа понятийной и мировоззренческой системы человека является мощнейшим инструментом создания национальной и культурной идентичности, рычагом политического влияния, инструментом мягкого управления социумом, что обуславливает не только существова-

ние такого феномена, как языковая политика, но и чрезвычайную важность грамотного регулирования процессов системы «язык — общество — государство» [6, с. 66].

Особенно актуален этот вопрос сегодня, в условиях глобализации и международной ситуации в целом: радикальные общественно-политические сдвиги и трансформации принципиально изменили роли и статусы основных политических субъектов, структуру их мотивов и интересов, а также механизмы разверты-

вания политических процессов. Эти процессы коснулись и России и связаны, прежде всего, с проблемами рационального распределения общественных функций между русским языком и национальными языками России, угрозами исчезновения отдельных национальных, в частности миноритарных, языков, что принципиально для такого полиэтнического феномена, каковым, с точки зрения этнолингвистической является наша страна.

На заседании Совета по межнациональным отношениям по вопросам реализации на региональном и муниципальном уровнях Стратегии государственной национальной политики России на период до 2025 года (июль 2017 г.) Президент России В. В. Путин сделал ряд заявлений, касающихся развития языковой сферы, которые будут положены в основу реализации федеральной и региональной этноязыковой политики. Во-первых, он отметил, что русский язык — естественный духовный каркас всей нашей многонациональной страны, его ничем заменить нельзя. Во-вторых, президент подчеркнул, что «языки народов России — это неотъемлемая часть самобытной культуры народов России. Изучать эти языки — гарантированное Конституцией право, право добровольное. Заставлять человека учить язык, который для него родным не является, так же недопустимо, как снижать уровень и время преподавания русского» [7].

В этой связи смысл данного тренда можно интерпретировать как серьезный политический сигнал региональным элитам, в первую очередь этнократическим, в плане того, что: а) уровень и качество преподавания русского языка должны быть одинаковыми для всей страны; б) преподавание национальных языков коренных народов не должно подменять изучение русского языка и в) навязываться русскоязычным обучающимся без права выбора.

Высказывание Президента Российской Федерации о принципе добровольности изучения национальных языков в образовательных организациях стало предметом обсуждения представителей разновекторных общественных сил и побудило отдельные общественные национальные организации, получившие расцвет в период «парада сувере-

нитетов», вновь попытаться заработать политический капитал, стимулируя у коренных народов чувство национальной гордости, самоидентификации, некой «титულიности» по отношению к иным народам. Архаизация этнического сознания со стороны определенных деструктивных сил была нацелена на исключение русского языка из оборота коммуникации, в связи с чем набирало силы движение за отказ использования в межнациональном общении русского языка, с подменой его на второй государственный язык.

Этноязыковая дихотомия подходов региональных властей и федерального центра в зеркале политики обозначилась наиболее конкретно, когда попытки этноэлит «договориться» с Кремлем в отношении обязательного изучения национальных государственных языков оказались безуспешными. Не помогли и элементы «этнополитического шантажа». Политическая риторика и инсинуации по поводу того, что Москва сделает исключительные послабления для национальных республик и сохранит обязательное изучение региональных государственных языков в школах, а на этой политической волне конфликтной мобилизации «поднимутся» республики — Татарстан, Башкортостан, Коми, Чувашия и другие, отстаивая свое исключительное право на обязательный национальный государственный язык в федеральном образовательном стандарте, не оправдались. Федеральный центр продолжил единую и устойчивую линию реализации добровольного принципа изучения национальных языков в школах, проведя ее через общественные и экспертные слушания, политические дебаты до законодательного воплощения.

Что касается дифференциации подходов в понимании языковых процессов в ряде национальных республик, то сегодня в медийной сфере четко стали прослеживаться три основных вектора — государственный, отражающий подходы Кремля в духе российского федерализма; региональный этнократический подход, передающий политические настроения националистически настроенной общественности; и подход русскоязычной общественности, выступающей за добровольное изучение региональных государственных языков, активно ис-

пользующей сетевой ресурс — как мессенджеры, так и социальные сети.

В настоящей статье реализация языковой политики в России рассматривается с позиций полилингвального образования, в контексте билингвизма и языковых коммуникаций в поликультурном диалоге.

Как известно, для российской системы образования, начиная с дореволюционного периода, когда одновременно существовало и несколько образовательных моделей, нормой было изучение нескольких иностранных языков, которые преподавались параллельно с русским и родными языками.

В настоящее время ввиду интенсификации тренда глобализации происходит увеличение лингвокультурного пространства путем расширения языковых практик. В новейшее время к ним добавились китайский, арабский, персидский, турецкий, причем базовой ступенью в изучении, к примеру, китайского языка стали ассоциированные школы ЮНЕСКО. Это свидетельство расширения мировоззренческих установок, коммуникационных горизонтов на пути к мультикультурному плюрализму.

Современные модели образования больше не могут эффективно осуществляться, как некогда ранее, с локализацией «по месту жительства» в рамках замкнутого пространства учебного заведения. В частности, на наш взгляд, даже такой социокультурный феномен как национальная школа больше не может выступать в роли этнографического музея. Многоязычие предполагает не чисто набор лингвистических компетенций, включающих освоение государственных, родных и иностранных языков, но, исходя из знания исторического и культурного наследия, погружение в национальную, общероссийскую и общечеловеческую культуру. Постигание истории и культуры своего этноса, российской нации и мировой культуры ведет к формированию человека многоязычного, многоэтнического и многокультурного при сохранении своей самоидентификации, отождествления с определенными родственными по этничности и духу культурами.

В этом контексте одно из важных направлений — развитие системы национального образования, которое уже не может существовать в консервативном измерении. На первый

план сегодня выходит цифровизация коммуникационной сферы, следовательно, необходима разработка интерактивных учебных пособий, в том числе электронных, использующие элементы игры, видеоряды, аудиозаписи и т. д. Они должны развивать воображение обучающихся, их творческие способности, воспитывать любовь к родной земле. Выпускнику современной образовательной системы — школы, колледжа или вуза — предстоит самореализация через институты гражданского общества, которые выступают в роли социокультурного или политического фильтра его мировоззрения. Безусловные требования, которые выдвигает современное smart-общество, предполагает наличие способности к самообразованию, личностному саморазвитию, адаптивности к цивилизационным трансформациям, владения широким спектром компетенций — информационно-технологической, экономической, правовой, финансовой, коммуникационной, которые позволят ему устойчиво и безопасно жить и развиваться в социуме.

Этноязыковой «пэчворк» Республики Башкортостан продолжается складываться из суммы разных мнений, что, в принципе, отражает сущность социокультурного плюрализма. Вариации языкового просвещения молодежи начинают приобретать «экзотические» варианты, не характерные для стандартного набора образовательных услуг. Примечательно обращение родителей учащихся одной из уфимских гимназий к Президенту России В. В. Путину и министру просвещения Российской Федерации О. Ю. Васильевой с просьбой заменить уроки обязательного второго иностранного языка — французского или немецкого — китайским и арабским. В нем указывается: «В связи с меняющейся политической и демографической обстановкой в мире обязательное изучение второго иностранного — немецкого или французского языков нашим детям не нужно. Просим к 2019/2020 уч. году предоставить возможность в качестве второго иностранного языка изучать китайский язык или арабский, либо заменить эти часы русским языком или математикой» [8]. Как видим, глобальные тренды, проникая на региональный уровень, стимулируют процессы универсализации форм языковой подготовки.

Исследование гражданской, этнической и региональной идентичности применительно к языковой коммуникации в национальных республиках позволило коллективу ученых под руководством Л. М. Дробижевой на примере Республики Башкортостан сформулировать определенные выводы. Они сводятся к следующим принципиальным аспектам: «Позиции и масштабы функционирования русского языка — по сравнению с нерусскими языками — гораздо сильнее и шире, чем позиции татарского и башкирского языков, несмотря на то, что последний, является в республике государственным; уровень владения нерусскими этническими группами (башкиры и татары) языками своих народов зависит от таких факторов, как социально-территориальная принадлежность и возраст респондента (жители села, представители старших возрастных групп, как правило, больше ориентированы на изучение и высокий уровень владения языком своего народа, — они чаще всего называют его родным, чаще используют его в различных сферах жизнедеятельности, сильнее ориентированы на обучение на этом языке в общеобразовательных школах). Представители молодых возрастных групп и жители городов, особенно крупных, отдают предпочтение русскому языку — по всем указанным выше индикаторам. В языковом поведении нерусских этнических групп достаточно сильно проявляется дву- и трехязычие, основанное на использовании русского языка и языка своего народа» [4].

Сегодня вновь раздаются голоса в пользу «полилингвальной образовательной модели» как базового условия для обеспечения качественного образования. Однако в условиях массовой школы звучат и альтернативные предложения, допускающие комбинацию способов языкового образования, когда одна часть предметов, например, гуманитарных, велась бы на родном (нерусском) языке, вторая часть — на русском языке, а третья — на иностранном. На наш взгляд, такое предложение в корне неверно, поскольку оно продиктовано политическими мотивами, а не интересами ребенка, и впоследствии может привести к снижению качества образования, диссонансу языковой культуры, кризису личностной идентичности. При этом забывается, что именно

участники образовательного процесса — родители и обучающиеся — являются главными заказчиками образовательных услуг. Кроме того, вышеуказанная модель не вполне отвечает запросам большинства русскоязычного населения, так как в современных реалиях чрезвычайно распространенной становится трудовая миграция населения, большая часть которой взрослого возраста и, соответственно, является родителями, а также характерно проявляет себя академическая мобильность молодежи.

Что касается функционирования русского языка в условиях билингвизма, то в настоящее время отличительная специфика его изучения в национальных республиках определяется перспективной задачей формирования в полиэтнической среде русско-национального билингвизма.

Взятое столетие назад курс на ликвидацию безграмотности привел к тотальному языковому всеобучу — общности языковых коммуникаций, появлению учебников и художественной литературы на русском языке для союзных и национальных республик, приобщению коренных народов к русскому слову, созданию алфавитов родных языков на основе кириллицы, русско-национальных и многоязычных словарей, переводу отечественной и зарубежной классической литературы на русский язык и т. д.

Сегодня русский язык является не только культурным достоянием русского народа, универсальным инструментом прямых и интернет-коммуникаций, но и ценностью межнационального порядка. Проекция многообразных пластов русской культуры на мировоззрение народов Евразии предопределила судьбу русского языка как языка международных и межнациональных коммуникаций. Следует подчеркнуть, что русский язык объективно выполнил и продолжает выполнять свою историческую роль в просвещении, сформировав несколько поколений миллионов людей от центра до глубокой периферии, умеющих объясняться на русском языке, а также заложив фундамент для его культивирования во многих странах Европы и Азии.

Поэтому просвещение в зеркале отечественной культуры является нормой для совре-

менной России, постсоветского пространства и отчасти дальнего зарубежья. Однако выравнивающая роль русского языка уровней образования, сближающего поколения, этнические и культурные общности, стала не только гуманитарным, но и политическим явлением. Несмотря на консолидирующую значимость русского языка, его миссия как родного языка оказалась нивелированной, а само выражение «русский язык — родной язык», несмотря на обширную образовательную и культурологическую практику преподавания и популяризации русского языка, нередко по-прежнему остается лишь политической декларацией, не соприкасающейся с реальностью.

Такая ситуация объясняется тем, что длительное время тема русского языка в образовании находилась в состоянии стагнации, несмотря на нормативно закрепленный статус русского языка как языка межнационального общения на всей территории Российской Федерации. Неизменная социокультурная парадигма преподавания русского языка, заложенная еще в советский период, к настоящему времени исчерпала себя, оказавшись достаточно ущербной в современных условиях.

О. И. Артеменко, руководитель Центра этнокультурной стратегии образования Федерального института развития образования, член рабочей группы по образованию и историческому просвещению Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям, справедливо утверждает: «Я не знаю, кому это известно, так как пока никто не пишет и не говорит о том, что законодательство республик не соответствует федеральному законодательству, в частности, регулирования языковой политики. Из-за этого в системе образования возникают коллизии, когда количество часов на изучение государственного языка республики превышает количество часов на изучение русского языка. Из-за этого русский язык в республиках не рассматривается в статусе родного языка. И в результате родители детей, которых в школе принуждают изучать языки республик, подают иски в суды и не выигрывают их. Все перечисленные факты существуют потому, что нормы республиканского законодательства отличаются от смыслов федерального законодательства» [1].

Последствия этого негативного явления не замедлили сказаться — национальные республики вслед за Казахстаном и иными бывшими союзными республиками с преобладающим тюркским населением стали задумываться о переходе с кириллицы на латиницу, замещении уроков русского языка предметами регионального компонента, вводили обязательное изучение своих национальных языков как государственных, ослабили практику издания учебников русского языка в условиях национальной школы и т. д. Периодически возникающие в публичном информационном пространстве этноязыковые коллизии, касающиеся алфавитов, затрагивали чаще всего Татарстан, Башкортостан, Чувашию.

Справедливости ради отметим, что политические инсинуации в отношении перевода группы тюркских языков на латиницу, как способа интеграции сообщества тюркских народов, в настоящее время в этих регионах резко сократились, и поэтому, несмотря на то, что, к примеру, в Казахстане начинается поэтапный перевод — до 2025 года — алфавита казахского языка на латинскую графику, эти веяния вряд ли в ближайшие десятилетия затронут российские регионы с преобладающим тюркоязычным населением. Консолидация этноэлит национальных республик в плане сохранения своих родных и государственных языков скорее всего будет происходить в русле стратегий укрепления российской государственности.

Принципиальным новшеством стало нормативно-правовое закрепление в перечне обязательных общеобразовательных дисциплин в масштабах всей страны нового учебного предмета «Русский родной язык». Это означает, что русский язык, оставаясь общенациональным русским языком, будет считаться также родным языком. Отметим, что долгое время, особенно в национальных республиках, считалось, что многопрофильное преподавание русского языка уже предполагается, что он изучается как родной язык русскоязычными школьниками. Однако введение курса «Русский родной язык» открывает новые возможности для выбора языковой альтернативы: он останется за обучающимися и их родителями. При этом если они выберут в качестве родного не башкирский или, к примеру, чуваш-

ский языки, а русский, то будут изучать его по специальной программе с уклоном в культурологию, более углубленно, что — и это принципиально важно в условиях усиливающейся мобильности трудовых ресурсов — расширит для них возможности поступления в российские высшие учебные заведения и дальнейшего карьерного роста. Как заявил глава ФАДН И. Баринов, внутри России в силу исторических причин русский не конкурирует с другими языками за право быть средством межнационального общения: «Достаточно вспомнить слова великого дагестанского, аварского поэта Расула Гамзатова. Он говорил, что был бы поэтом одного аула, если бы не великий русский язык. А благодаря русскому Гамзатов стал общероссийским символом» [2].

Как же осуществляются языковые коммуникации в поликультурном диалоге?

В современной реальности мир стремится к урбанизму, и крупные города притягивают с «окраин страны» множество молодых людей, крайне слабо говорящих на русском языке и недостаточно хорошо на своем родном, что объективно приводит к дефициту коммуникационного общения, и сказывается на риске отторжения людей по национальному признаку. В этой связи большое значение приобретает языковое просвещение на основе сбалансированного подхода и с учетом принципа добровольности.

Ситуация в регионах разная. Так, в одних кавказских республиках, к примеру, коренное население многонационально и проживает дисперсно, как, скажем, в Дагестане или же Чеченской Республике, тогда как в Ингушетии и Северной Осетии население в основном является моноэтничным. В Башкортостане и Татарстане, несмотря на то, что башкиры и татары относятся к единой тюркской группе, общим является стремление национальной интеллигенции сохранить полноценную функциональность второго государственного языка в условиях ограниченности сфер его практического применения, что обусловлено тенденцией глобализации, академической мобильностью молодежи, преимущественным мышлением на русском языке. Однако методы, которые используют этнолиты, являются политическими, но не культурно-просветительскими и не обра-

зовательными, что чревато появлением новых разделительных линий между обществом и властью.

Безусловно, обновленный и принятый российским парламентом Закон «Об образовании в Российской Федерации» распространяется в равной степени в своей правоприменительной практике на все российские регионы, включая национальные республики. Однако он все равно останется раздражителем для националистически настроенных сил, которые объединяются в ассоциации и иные структуры, работающие легитимно.

Возможно, причиной этого является историческое прошлое нашей страны, когда у нас довольно близоруко относились к национальным школам, было очень мало школ с преподаванием на родном языке, а родной национальный язык оттеснялся на далекую периферию. Совершенно ненормальным надо признать тот факт, что, например, в столице Кыргызстана была всего одна киргизская школа и ликвидировались смешанные школы, где обучение было на двух языках. В Татарстане только 7% школьников изучали родной язык, а 1,5 млн татар не знали своего языка [9].

Ошибка системы народного образования состояла в том, что почти во всех школах русский язык был выдвинут в качестве альтернативного родному национальному языку, что приводило к забвению последнего и к языковой безграмотности, особенно молодого поколения.

В Республике Башкортостан оптимальным решением на государственном уровне стало учреждение грантов для реализации проектов, направленных на сохранение, пропаганду и развитие государственных языков Республики Башкортостан и языков народов, ее населяющих, преимущественно распространяющихся на научно-образовательную и культурно-просветительские сферы. Последовавшие за этим нововведением принятие государственной программы по сохранению и развитию государственных языков и языков народов Республики Башкортостан с подпрограммами «Башкирский язык», «Русский язык» и «Родные языки» явилось не только управленческим регулятором поддержки республиканского образования в этой области, но и вве-

дением в действие инструмента политической и социокультурной медиации. Современному образованию, участникам образовательного процесса, всем, причастным к языковому просвещению, чрезвычайно важно формирование примирительных отношений, сохранение сопричастности всех национальных культур, представленных в социокультурном пространстве Башкортостана, их диалог и отчасти симбиоз, профилактика самоизоляции и рисков возникновения любых противоречий на национальной почве.

Конструктивный диалог позволит нейтрализовать влияние негативистских сил, не имеющих прямого отношения к функционированию республиканской системы образования, развитию системы подготовки педагогических кадров, но пытающихся стать ее политическим архитектором. Кроме того, принимаемые в Башкортостане вышеназванные программные документы и стратегии развития этноязыковой сферы могут быть матричными для других национальных республик Российской Федерации.

Подводя итоги, отметим, что развитие общества напрямую зависит от способности государства поддерживать и защищать национальную систему ценностей, в том числе государственные и родные языки.

Внесение изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» (в части изучения родного языка из числа языков народов и государственных языков республик России), с учетом множества предложений правительств регионов, ученых и педагогов-практиков, дало возможность региональным системам образования, особенно национальных республик, подготовиться соответствующим образом к адаптации к принятым изменениям и принять «зеркальные» законодательные акты региональным парламентам.

Законодательно зафиксирована норма, согласно которой гарантируется свободный выбор языка образования, в том числе и русско-

го языка как родного. Этот подход всецело сопряжен с позицией Министерства образования и науки Российской Федерации, ныне — Министерства просвещения, которую озвучил на заседании Комитета Государственной Думы по образованию и науке директор Департамента государственной политики в сфере общего образования А. Е. Петров. Суть ее состоит в том, что «изучение родных языков является обязательным предметом» [5].

В настоящее время приоритет отдается современным федеральным образовательным стандартам общего образования. Отметим, что Верховный суд России отклонил иск директора школы «СОЛНЦЕ» Павла Шмакова (г. Казань) к Министерству образования и науки Российской Федерации, требовавшего признать недействующими положения Федерального государственного образовательного стандарта о необязательном изучении в школах языков республик России [3]. Таким образом, на федеральном уровне власти по принципу аналогии будут признаны незаконными любые измышления и заявления, которые требуют изменения в подходах изучения государственных и родных языков.

Языковая сфера, определенно, в течение ближайших лет будет требовать повышенного внимания не только с педагогической и организационно-управленческой, но политической точки зрения. Однозначно, что согласие на изучение родных языков будет определяться желанием родителей на основании их письменных заявлений, что станет раздражителем для активной национальной части ответственности, поскольку этот подход коснется, в том числе, и массовых общеобразовательных организаций. К этому надо быть готовыми и выстраивать языковую политику с учетом характера и направленности угроз и вызовов, а также ее сопряжения с проблематикой обеспечения национальной безопасности многонациональной России.

Литература

[1] *Артеменко О.* Может ли русский быть родным языком? [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.soborusbash.ru/?p=576>

[2] *Баринов И. В.* Из выступления на форуме-диалоге «Языковая политика: общероссийская экспертиза» в Торгово-промышленной палате Российской Федерации [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/359736>

[3] Верховный суд России не удовлетворил иск Павла Шмакова [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.idelreal.org/a/29537853.html>

[4] Гражданская, этническая и религиозная идентичность: вчера, сегодня, завтра. — М. : Российская политическая энциклопедия, 2013. — С. 105–106.

[5] Изучение родных языков является обязательным предметом [Электронный ресурс]. — URL: <http://fcior.edu.ru/news/izuchenie-rodnyh-yazykov-yavlyaetsya-obyazatelnyim-predmetom-petrov>

[6] Петрулевич И. А., Месропян Л. М. Современная языковая политика Российской Федерации: основные векторы и тенденции развития // Гуманитарий Юга России. — 2015. — № 4. — С. 66–76.

[7] Путин В. В. Выступление на заседании Совета по межнациональным отношениям [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/55109>

[8] Родители уфимской гимназии написали Владимиру Путину об уроках иностранного языка [Электронный ресурс]. — URL: <https://rb.versia.ru/roditeli-ufimskoj-gimnazii-napisali-vladimiru-putinu-ob-urokax-inostrannogo-yazyka--ne-oboshlos-i-bez-bashkirskogo>

[9] Содружество государств — содружество культур и языков [Электронный ресурс]. — URL: <https://studfiles.net/preview/1081665/page:4>

NIGMATULLINA Tanzilya Altafovna,

*Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Director,
Head at the Department of Political Science, History, Theory of State and Law
E-mail: ufabist@ufabist.ru
Bashkir Institute of Social Technologies (branch)
of the Academy of Labor and Social Relations, Ufa*

NATIVE LANGUAGE AND EDUCATIONAL SPACE: POLITICAL ASPECT

The ethnolinguistic, educational, socio-cultural and political dimensions of the theme of language communication, teaching state and native languages in the Russian regions continue to remain concentrated on the agenda of federal and regional authorities. The continuing confrontation and conjugation of ideological and conceptual positions regarding the situation of language education in the national republics indicates the need for special attention to these issues, since it is directly related to ensuring the security of the country. The study of the genesis of the formation of the language paradigm over the past two years allows us to trace not only the chronology of the stages of solving this issue in the educational sphere and the legal space, but also outline the outlines of the prospects for ethno-linguistic communications.

Key words: *language policy, state and native languages, educational space, communications, legislation, the principle of voluntariness, ethno-national tension.*

Reference

[1] Artemenko O. Mozhet li russkij byt' rodnym jazykom? [Can Russian be a Native Language?] [Electronic resource]. — URL: <http://www.soborusbash.ru/?p=576>

[2] Barinov I. V. Iz vystuplenija na forume-dialoge "Jazykovaja politika: obshherossijskaja ekspertiza" v Torgovopromyshlennoj palate Rossijskoj Federacii [From a Speech at the Dialogue Forum "Language Policy: All-Russian Expertise" in the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation] [Electronic resource]. — URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/359736>

[3] Verhovnyj sud Rossii ne udovletvoril isk Pavla Shmakova [The Supreme Court of Russia did not Satisfy the Claim of Pavel Shmakov] [Electronic resource]. — URL: <https://www.idelreal.org/a/29537853.html>

[4] Grazhdanskaja, etniceskaja i religioznaja identichnost': vchera, segodnja, zavtra [Civil, Ethnic and Religious Identity: Yesterday, Today, Tomorrow]. — Moscow : Russian Political Encyclopedia, 2013. — P. 105–106.

[5] Izuchenie rodnyh jazykov javljaetsja objazatel'nym predmetom [The Study of Native Languages is a Mandatory Subject] [Electronic resource]. — URL: <http://fcior.edu.ru/news/izuchenie-rodnyh-yazykov-yavlyaetsya-obyazatelnyim-predmetom-petrov>

[6] Petrulevich I. A., Mesropjan L. M. Sovremennaja jazykovaja politika Rossijskoj Federacii: osnovnye vektory i tendencii razvitija [Modern Language Policy of the Russian Federation: Main Vectors and Development Trends] // Gumanitarij Juga Rossii [Humanitarian of the South of Russia]. — 2015. — No. 4. — Pp. 66–76.

[7] *Putin V. V.* Vystuplenie na zasedanii Soveta po mezhnacional'nym otnoshenijam [Speech at a meeting of the Council on Interethnic Relations] [Electronic resource]. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/55109>

[8] Roditeli ufimskoj gimnazii napisali Vladimiru Putinu ob urokah inostrannogo jazyka [The Parents of the Ufa Gymnasium Wrote to Vladimir Putin about Foreign Language Lessons] [Electronic resource]. — URL: <https://rb.versia.ru/roditeli-ufimskoj-gimnazii-napisali-vladimiru-putinu-ob-urokax-inostrannogo-yazyka--ne-oboshlos-i-bez-bashkirkogo>

[9] Sodruzhestvo gosudarstv — sodruzhestvo kul'tur i jazykov [The Commonwealth of States — the Commonwealth of Cultures and Languages] [Electronic resource]. — URL: <https://studfiles.net/preview/1081665/page:4>

УДК 330.101.2

ОГАНЬЯН Александр Григорьевич,

кандидат экономических наук,

доцент Высшей школы управления и предпринимательства

E-mail: bataisk.intel@yandex.ru

ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет», Ростов-на-Дону

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ РОССИИ КАК ДРАЙВЕРА ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Статья посвящена проблеме исследования высшей школы как драйвера или системного центра генерации интеллектуальных ресурсов, принимающего на себя доминантную роль, что вызывает некоторые социально-экономические преобразования в общественном секторе и значительной мере поднимает статус таких форм организаций как высшее учебное заведение. Автором формализуются направления и возможности глубоких институциональных изменений, которые обуславливают качество интеллектуального потенциала, обеспечивающего генерирование новых (креативных) знаний, выступающих ресурсом инновационно ориентированных трансформационных преобразований.

Ключевые слова: высшая школа, интеллектуальный потенциал, институциональная динамика, интеллектуальный капитал, инновационная трансформация, национальная экономическая система.

В современных условиях интенсификации инновационных процессов развития национальных экономических систем инновационно-ориентированные университеты, интегрируя в себе статус системообразующих институциональных структур высшей школы, также выступают ключевыми системными компонентами сформировавшегося организационно-экономического механизма интенсификации процессов укрепления институциональной динамики высшей школы.

Следует подчеркнуть то, что эволюция развития технологий генерации и накопления знаний напрямую взаимосвязана с состоянием институциональной структуры системы высшей школы. При этом необходимо отметить, что исследование институциональной структуры отечественной высшей школы и ее отдельных составляющих стало выступать предметной областью изучения отечественной экономической науки сравнительно недавно (10–15 лет). Кроме того, достаточно широкий спектр ее понятийно-категориальных классификаций приво-

дится в рамках современной неинституциональной экономической теории, что обуславливает определенную диверсификацию используемых подходов.

В этой связи нами уже приводилась характеристика института как открытой публичной системы специфических правил, детерминирующих статус человека (индивида) с определенным набором прав и обязательств, властными полномочиями и определенным спектром различных положений. Данные правила персонализируют отдельные формы поведенческих реакций как допустимые, а другие — как недопустимые, при этом на их основании вводят директивные ограничения и вводят санкции в отношении одних хозяйствующих субъектов и поддерживают других, когда возникает ситуация критического негативного воздействия рыночных механизмов хозяйствования [6].

В современной экономической науке и непосредственно в институционализме наиболее широкую и общепринятую интерпретацию категории институты получила трактовка, приве-

денная в трудах Д. Норта, который указывает, что институты — это определенные правила, механизмы, обеспечивающие их выполнение, и нормы поведения, которые структурируют повторяющиеся взаимодействия между людьми [4, с. 73].

Отсюда справедливо будет утверждение о том, что действия хозяйствующего субъекта и преимущественно экономического характера реализуются не дистанцированно в какой-либо абстрактной среде, а в некотором реальном социальном пространстве, тогда в этом случае более существенную роль начинают играть посылы социума, выраженные в форме определенной реакции на данное субъективированное поведение.

Таким образом, результат взаимодействия хозяйствующих субъектов в сфере высшего образования, реализуемый в форме экономических отношений, юридически закрепленных рыночной сделкой, может обеспечивать достижение определенного положительного эффекта укрепления институциональной динамики высшей школы при одних условиях и быть иррациональным при идентичных условиях в других аспектах.

Для предотвращения негативного эффекта, вызванного необходимостью сопоставления большого количества факторов внешнего порядка, оказывающих значительное влияние на результат и непосредственно на содержательные характеристики выбора того или иного решения, в рамках функционирования различного рода социально-экономических систем (в том числе и таких как высшая школа), кроме того проектируются и формализуются определенные сценарии и алгоритмы реализуемых поведенческих реакций, определяемых как наиболее эффективные и оптимальные для данной конкретной ситуации. Указанные сценарии и алгоритмы поведенческих реакций следует позиционировать как институты.

Следуя логике и научной целесообразности использования тех или иных категориальных положений данного научного исследования, на наш взгляд наиболее приемлемой трактовкой институтов, отражающей ключевые аспекты эволюционно-поступательного характера развития современного общества, вы-

ступает авторское определение, предложенное Дж. Ходжсоном в рамках разработанной им институционально-эволюционной теории. Так, по мнению Дж. Ходжсона институты — это устойчивые системы существующих и что самое важное укоренившихся общественных правил и обычаев, структурирующих в себе социальное воздействие [13]. И только следуя данному представлению устойчивости институтов детерминируется их возможность формировать стабильные ожидания в части реализации обновления институциональной динамики непосредственно системы высшей школы.

Исходя из этого справедливо утверждать, что совокупность всех общественных институтов и формирует институциональную структуру самого общества. В этой связи формализуем экономическое содержание особенностей формирования институциональной структуры высшей школы России с учетом их ориентированности на обновления и укрепление ее институциональной динамики в условиях становления инновационной экономики (рис. 1).

Таким образом, мы можем сформулировать трактовку категории институциональная структура высшей школы, под которой с нашей точки зрения следует понимать детерминированную, логически упорядоченную совокупность институтов, генерирующих адаптивную к сложившимся условиям модель экономического поведения, обуславливающих некоторые точки экстремума для хозяйствующих субъектов, формализуемые той или иной системой установок экономической деятельности [8–9].

Как в отечественной, так и в зарубежной экономической литературе категория «институциональная структура» определяется достаточно специфично, взаимоувязывается с тем или иным концептуальным подходом, как правило, не ставя целью диверсификацию двух объективно самодостаточных категорий «институциональная структура» и, например, «институциональная среда» или «институциональное пространство».

Определенный научный интерес представляет на наш взгляд понятие «институциональной структуры», приведенное в своих трудах О. Уильямсоном, который формализует наиболее общую трактовку данной категории, характеризуя ее как совокупность основных по-

Рисунок 1 — Экономическое содержание системы формирования институциональной структуры высшей школы России (разработано автором)

литических, социальных и правовых норм, выступающих базой для реализации процесса производства, обмена и потребления [10].

Однако имеющиеся определенные неупорядоченные, относительно действия специфических рыночных механизмов хозяйствования, институты не позволяют сформировать ожидаемые условия для более эффективного и результативного развития рыночной институциональной структуры, действующей в рамках функционирования всей национальной экономической системы. Так, например, реализация процесса создания нормативно-правовой базы законодательно регламентирует ключевые аспекты фиксации прав собственности на интеллектуальные объекты в контексте одного из основных в современных условиях целевых направлений деятельности отечественной высшей школы, что выступает основанием для ее позиционирования в национальной экономической системе как рыночного института.

Объективно обусловленная самобытность общественных институтов логически детерми-

нирует их на два генеральных типа — неформальный и формальный. Основанием возникновения неформальных институтов выступают информационные потоки, транслируемые через социальные механизмы, становясь в сущности частью некоего достояния, которое мы позиционируем как культура.

Ключевая или даже всесторонне доминирующая роль неформальных правил была присуща тому периоду в эволюции человеческой цивилизации, когда отношения между людьми строились в отрыве от регулирующего воздействия формальных (письменно зафиксированных) законов. Необходимо также подчеркнуть то, что неформальные институты проецируют свое влияние на все сегменты и механизмы современных социально-экономических систем. Зарождаясь как объективно обусловленный ресурс обеспечения регулирования стабильно воспроизводимых форм каррелирующихся человеческих коммуникаций, неформальные ограничения выступают [16]:

– продолжением, развитием и модификацией формальных правил;

- социально-санкционированными нормами поведения;
- внутренними, обязательными для выполнения стандартами поведения.

В сущности, роль неформальных институтов сегодня исполняет деловая этика (или хозяйственная этика) и действующие на практике моральные нормы, изучению которых посвящено достаточно большое количество исследований [2, с. 275]. Деловая этика способствует прогрессу в части роста эффективности координации рынка как с общественной, так и с экономической точки зрения.

Действие морально-этических норм, принимаемых обществом, открывает и обеспечивает возможность для хозяйствующих экономических субъектов оперировать в своих поведенческих реакциях мотивацией к доверию, нежели использованием формализованных директивных норм и правил, что расширяет перспективы развития данного общества в отношении наращивания экономического потенциала и ресурсов с высокой степенью полезности.

Наиболее глубокое, на наш взгляд, исследование, доказывающее данные положения, было реализовано Дж. Коулменом, которым в частности была предложена следующая принципиальная формула, позволяющая сопоставить степень доверия и возможные достигаемые выгоды и убытки, сопутствующие исполнению или неисполнению договора (контракта) хозяйствующим субъектом, имеющая следующий вид [4, 12, 14]:

$$\frac{P}{(1-P)} > \frac{L}{G}, \quad (1)$$

где P — основанная на личном примере вероятность, что людям можно доверять;

L — возможная потеря в случае невыполнения контракта;

G — возможный выигрыш в случае выполнения контракта.

Природа возникновения формальных институтов лежит в плоскости функционирования уже имеющихся неформальных норм, правил и механизмов, обуславливающих их реализацию. Также необходимо отметить, что, характеризуя структуру формальных институтов мы должны выделить следующие их виды так-

же выделяемые в своей работе Дж. Коулменом [14]:

- политические институты;
- экономические институты;
- системы контрактации (способы и порядок заключения контрактов, регулируемые правовыми нормами и законами).

Очевидно, что смещение акцентов в исследовании институциональных структур как социально-экономического феномена в современной экономической науке тяготеет не только к изучению в чистом виде экономических, но и социально-экономических институтов, что во многом обусловлено их тесной взаимосвязью и взаимодополняемостью действия механизмов одного института другим в условиях наращивания процессов межотраслевых и институциональных интеграций.

Непосредственно социально-экономические институты в своей содержательной характеристике преимущественно отражают иерархическую структуру общества, действующие способы реализации принимаемых решений и выполнения контроля за их исполнением [7].

Говоря об исследовании эволюционных аспектов развития и функционирования формальных политических институтов, можно отметить, что они выступают главной предметной областью анализа теории общественного выбора [1].

Приводя более современные положения развития экономической науки, следует указать и отметить важные для целей настоящего исследования положения теории «новой институциональной экономики», наиболее яркой научной персоналией которой, на наш взгляд, выступает О. Уильямсон.

Так, например, по мнению О. Уильямсона, институты следует позиционировать как определенные механизмы управления возникающими в хозяйственной практике контрактными отношениями. Исходя из чего первичными и наиболее важными экономическим институтами, по его мнению, являются фирмы, рынки и отношенческая контрактация [11]. Данный подход акцентирует фокус исследования на уровне детерминированных институтами определенных минимальных, логически осмысленных операций и решений проблемы.

В свою очередь другой не менее компетентный представитель теории «новой институциональной экономики» Д. Норт выделяет в своих работах чрезвычайную важность имеющихся различий между институтами и организациями, процесс взаимодействия которых в результате выступает главным источником экономической эволюции и институциональных изменений [5, с. 23].

В этой связи, проводя параллель с устоявшимися постулатами современной экономической теории, можно констатировать, что институты и правила носят статус естественных ограничений, модель альтернативной возможности, поступающей в относительно свободное распоряжение членов социума. Тогда целью создания организаций является возможность их использовать. Кроме того, важно то, что им свойственна такая закономерность, согласно которой организации в процессе своего функционирования периодически изменяют институты. То есть для реализации базовых функций формальных институтов требуются специально образованные организации, выступающие ретрансляторами и исполнителями той или иной устоявшейся нормы или правила функционирования.

В частности, институт высшей школы как интегративная форма упорядоченной совокупности норм и правил воспитательного, образовательного и научного процессов генерации знаний предусматривает создание специфических организаций, которые и выступают субъектами рынка образовательных услуг (институты, академии, университеты и т. п.).

Автор Д. Норт под организацией понимает некую целенаправленно действующую унитарную единицу, образованную организаторами для наращивания (максимизации) богатства, дохода или иных ценностей, которые определяются имеющимися возможностями, предоставляемыми институциональной структурой общества [5].

Не справедливо отождествлять деятельность любой организации с достижением определенной социальной продуктивности, так как институциональная структура способна проецировать определенные «ошибочные» стимулирующие послы. Следует подчеркнуть то, что организации образуются как резуль-

тат функции не только институциональной структуры, но и других ограничений, в частности, технологии, ресурсы, интересы. Коммуникация данных ограничений формирует альтернативные возможности увеличения дохода хозяйствующих субъектов, то есть непосредственных участников институциональной структуры.

Снижение эффективности и результативности функционирования института может быть спровоцировано высоким уровнем издержек (прогрессивным удорожанием) совокупных действий, требуемых для трансформационных преобразований институтов, что в свою очередь обуславливается другими экономическими и политическими институтами. При этом именно данные издержки по трансформационным преобразованиям институтов определяют необходимую (требуемую) результативность функционирования института, достаточную для того, чтобы установить их экономическую эффективность, а в конечном счете обеспечить условия для инновационной направленности указанных преобразований.

Очевидно, что институциональная структура национальной экономической системы любого государства отождествляет в себе преимущественно результирующие итоги действий прошлых лет и произвольной сепарации наиболее эффективных институтов. В этой связи специфика и механизмы эволюционных аспектов сепарации наиболее жизнеспособных институтов представляют некую объективную проблему, которая выступает предметной областью исследований широкого спектра теорий (экономических, политических, исторических и др.), в том числе, и что особо важно, в теориях институциональных преобразований (изменений).

Следует выделить то, что экономически развитые страны запада, имеющие продолжительный опыт функционирования рыночных механизмов хозяйствования, гармонично интегрировавшийся в национальную экономическую систему, имеет чрезвычайно развитую институциональную структуру высшей школы, удовлетворяющую генеральному способу экономической координации.

Ключевой недостаток процесса обеспечения эффективного институционального регу-

лирующего воздействия проявляется в росте уровня транзакционных издержек, причем как средних (в масштабах одной операции), так и совокупных, реализуемых в масштабе рыночной структуры отдельных отраслей или, что наиболее деструктивно, на уровне национальной экономической системы в целом. По этому поводу Д. Норт и Дж. Уоллис в своей работе указали на то, что исторически процесс становления рыночных отношений обуславливает возникновение и развитие транзакционного сектора хозяйства [17]. В соответствии с указанной интерпретацией обозначенной проблемы данными авторами, к транзакционному сектору они причисляют отрасли, базовая функция которых состоит в реализации процессов перераспределения ресурсов и продукции с минимальными средними транзакционными издержками.

При этом Д. Норт также отмечает, что в условиях новой экономики наблюдается тенденция снижения удельных транзакционных издержек, что детерминирует увеличение количества сделок, и поэтому объем совокупных издержек в экономике может расти [5].

Таким образом нам необходимо помнить, что наличие ряда объективных ограничений различного порядка (политических, социальных и др.) в российской экономической практике, характеризующейся существенной формализацией институциональной структуры национальной экономической системы, обуславливает то, что транзакционные издержки остаются несоизмеримо высокими, что в арифметической прогрессии способствует сокращению количества сделок между хозяйствующими субъектами, провоцируя активный рост уровня предельных издержек коммерческих организаций (предприятий), всецело ощущающих на себе их воздействие.

В этой связи не менее деструктивным фактором установления минимального экстремума процесса укрепления институциональной динамики, вместе с прямыми издержками (государства и общества в отношении каждого из его субъектов) финансирования системы высшей школы, выступают транзакционные издержки по распространению полезного знания в социуме, из-за чего низкая эффективность использования воспроизводимого ин-

теллектуального капитала объективно определяет снижение темпов экономического роста в долгосрочной перспективе.

В сущности, данная гипотеза, на наш взгляд, может быть взаимоувязана с предлагаемым нами индикативным показателем оценки эффективности использования интеллектуального капитала в обществе (AeK), величина которого прямо пропорциональна объему информационного потока (Vi) (который при этом взаимозависим от применяемых способов коммуникаций и его аккумуляции) и уровня образования (Uo) (который условно определяется уровнем образованности, то есть средним количеством обучающихся и т. д.) и обратно пропорциональна транзакционным издержкам (Gt).

Исходя из чего мы можем формализовать указанный индикативный показатель эффективности использования интеллектуального капитала в обществе, предложенный автором в виде следующей формулы:

$$AeK = \frac{Vi + Uo}{Gt}. \quad (2)$$

Данный индикативный показатель, на наш взгляд, преимущественно синтетический, так как выступает отражением взаимосвязи уровня качества институциональной структуры высшей школы и объема интеллектуального капитала. В этой связи можно сделать следующий вывод о том, что состояние институциональной структуры национальной экономической системы в целом и системы высшей школы в частности детерминирует особые динамические характеристики, обусловленные трансформационными преобразованиями.

Интересную трактовку транзакционных издержек в контексте выше приведенной логики обозначенной гипотезы приводит Г. Демсец [15], который определяет их как издержки использования ценового механизма или (применительно к проблеме знаний) издержки использования механизма обмена знаниями — PSC (*price system cost*) [15].

Соответственно, базовыми компонентами институциональной структуры системы высшей школы, как и общественного сектора в целом, выступают два блока институтов — формальные и неформальные. В блок формальных институтов системы высшей школы входят по

мнению автора конституция, федеральные законы и подзаконные акты, государственные образовательные стандарты, внутренние нормативно-правовые акты хозяйствующих субъектов и др.

Не менее важными компонентами образовательной системы общества являются также неформальные институты. Обычно основу неформальных экономических институтов составляет хозяйственная этика [2, с. 13–14]. Кроме указанных неформальных институтов в системе высшей школы также могут выделяться особые ведомственные или даже организационные кодексы поведения. При этом необходимо выделить роль неформальных институтов в части формализации латентного (теневое) или как его часто принято позиционировать, неформального рынка образовательных услуг. Поэтому вовсе не случайно отражение в одном из наиболее компетентных исследований современной отечественной теневой экономики латентных экономических отношений в системе высшей школы, которым посвящена значительная часть данного научного труда [3]. Поскольку именно теневые отношения в сфере высшего образования (и соответ-

ственно контролирующие их институты) создали условия для обеспечения необходимого уровня жизнеспособности сектора в условиях глубокого кризиса 90-х, сопровождавшегося беспрецедентными объемами недофинансирования.

Таким образом, высшая школа не только обеспечивает формирование условий наибольшего благоприятствования для развития интеллектуальных способностей индивида, но и определяет генеральное направление динамических характеристик институтов, влияя на изменения институциональной структуры общества в строгом соблюдении последовательности причинно-следственной связи, в том числе поступательно и инновационно трансформируя национальную экономическую систему.

Но справедливо будет указать и на то, что институциональную структуру высшей школы России не допустимо исследовать в отрыве от институциональной среды российской экономической системы в целом, которая определяет основной вектор развития, задавая координаты временных и пространственных особенностей инновационно-ориентированных трансформационных преобразований.

Литература

- [1] Бьюкенен Дж. Конституция экономической политики. Расчет согласия. Границы свободы. — М.: Таурус Альфа, 1997. — 556 с. (Серия «Нобелевские лауреаты»).
- [2] Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. — М.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. — 656 с.
- [3] Клямкин И. М., Тимофеев Л. М. Теневая Россия: экономико-социологическое исследование. — М.: РГГУ, 2000. — 595 с.
- [4] Козловски П. Этика капитализма. Эволюция и общество. — СПб., 1996. — 158 с.
- [5] Норт Д. Институты и экономический рост: историческое введение // THESIS. — 1993. — Т. 1. — Вып. 2. — С. 73.
- [6] Оганьян А. Г. Высшее образование как институциональный фактор интенсификации воспроизводства интеллектуального капитала в условиях инновационной трансформации российской экономической системы. — Ростов н/Д.: Изд-во РСЭИ, 2016. — 271 с.
- [7] Оганьян А. Г. Организационно-экономический механизм интенсификации процесса системного управления высшей школой в условиях инновационной трансформации Российской экономики. Ростов н/Д.: Изд-во РСЭИ, 2014. — 207 с.
- [8] Оганьян А. Г. Потенциал высшей школы в обеспечении опережающего накопления интеллектуального капитала // Креативная экономика. — 2015. — № 12 (108). — С. 1609–1628.
- [9] Оганьян А. Г. Система высшей школы как институциональная основа интенсификации воспроизводства интеллектуального капитала в условиях инновационной трансформации российской экономики. — Ростов /Д.: Изд-во РСЭИ, 2015. — 293 с.
- [10] Уильямсон О. Частная собственность и рынок капитала // ЭКО. — 1993. — № 5. — С. 16.
- [11] Уильямсон О. Экономические институты капитализма. — СПб., 1996. — С. 48.
- [12] Хайек Ф. А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. — М., 1992. — 304 с.
- [13] Ходжсон Дж. М. Скрытые механизмы убеждения: институты и индивиды в экономической теории // Экономический вестник Ростовского государственного университета. — 2003. — Т. 1. — № 4. — С. 16.

- [14] *Coleman J. S.* Foundations of Social Theory. — Cambridge, 1990. — P. 99.
- [15] *Demsetz H.* The Firm in Economic Theory: a Quiet Revolution II American Economic Review. — 1997. — Vol. 87. — No. 2. — Pp. 426–429.
- [16] *North D. C.* Institutions, Institutional Change and Economic Performance. — Cambridge, 1990. — P. 40.
- [17] *Wallis J., North D.* Measuring the Transactional Sector in American Economy, 1870–1970. In Long-term Factors in American Economic Growth. — Chicago, 1986. — Pp. 122–123.

OGANYAN Alexander Grigorievich,
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor of the Graduate School
of Management and Entrepreneurship
E-mail: bataisk.intel@yandex.ru
Don State Technical University, Rostov-on-Don

SPECIFICITY OF THE FEATURES OF THE INSTITUTIONAL STRUCTURE OF THE HIGHER SCHOOL OF RUSSIA AS A DRIVER OF THE INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE NATIONAL ECONOMY

The article is devoted to the problem of researching a higher school as a driver or a system center for generating intellectual resources that assumes a dominant role, which calls for some socioeconomic transformations in the public sector and raises the status of such forms of organizations as a higher educational institution. The author formalizes the directions and possibilities of deep institutional changes that determine the quality of intellectual potential that provides the generation of new (creative) knowledge, which act as a resource of innovatively oriented transformational transformations.

Key words: *higher school, intellectual potential, institutional dynamics, intellectual capital, innovative transformation, national economic system.*

References

- [1] *Buchanan J.* Konstitucija ekonomicheskoj politiki. Raschet soglasija. Granicy svobody [The Constitution of Economic Policy. Calculation of Consent. Boundaries of Freedom]. — Moscow : Taurus Alfa, 1997. — 556 p. (Series "Nobel laureates").
- [2] *Weber M.* Protestantskaja etika i duh kapitalizma [Protestant Ethics and the Spirit of Capitalism]. — Moscow: Centr gumanitarnyh iniciativ, 2013. — 656 p.
- [3] *Klyamkin I. M., Timofeev L. M.* Tenevaja Rossija: ekonomiko-sociologicheskoe issledovanie [Shadow Russia: Economic and Sociological Research]. — Moscow : RGGU, 2000. — 595 c.
- [4] *Kozlowski P.* Etika kapitalizma. Evoljucija i obshhestvo [The Ethics of Capitalism. Evolution and Society]. — St. Petersburg, 1996. — 158 p.
- [5] *North D.* Instituty i ekonomicheskij rost: istoricheskoe vvedenie [Institutions and Economic Growth: Historical Introduction] // [THESIS]. — 1993. — Vol. 1. — Issue. 2. — P. 73.
- [6] *Oganyan A. G.* Vysshee obrazovanie kak institucional'nyj faktor intensivacii vosпроизводства intellektual'nogo kapitala v uslovijah innovacionnoj transformacii rossijskoj ekonomicheskoj sistemy [Higher Education as an Institutional Factor of Intensification of the Reproduction of Intellectual Capital under the Conditions of Innovative Transformation of the Russian Economic System]. — Rostov-on-Don : Publishing house RSEI, 2016. — 271 p.
- [7] *Oganyan A. G.* Organizacionno-ekonomicheskij mehanizm intensivacii processa sistemnogo upravlenija vysshej shkoloj v uslovijah innovacionnoj transformacii Rossijskoj ekonomiki [Organizational and Economic Mechanism of Intensification of the Process of Systemic Management of Higher Education in Conditions of Innovative Transformation of the Russian Economy]. Rostov-on-Don : Publishing house RSEI, 2014. — 207 p.
- [8] *Oganyan A. G.* Potencial vysshej shkoly v obespechenii operezhajushhego nakoplenija intellektual'nogo kapitala [Potential of Higher School in Ensuring Advanced Accumulation of Intellectual Capital] // Kreativnaja ekonomika [Creative Economy]. — 2015. — No. 12 (108). — Pp. 1609–1628.

[9] *Oganian A. G.* Sistema vysshej shkoly kak institucional'naja osnova intensivifikacii vosпроизводства intellektual'nogo kapitala v uslovijah innovacionnoj transformacii rossijskoj ekonomiki [Higher School System as an Institutional Basis for Intensifying the Reproduction of Intellectual Capital in the Conditions of Innovative Transformation of the Russian Economy]. — Rostov-on-Don : Publishing house RSEI, 2015. — 293 p.

[10] *Williamson O.* Chastnaja sobstvennost' i rynek kapitala [Private Property and the Capital Market] // [JeKO]. — 1993. — No. 5. — P. 16.

[11] *Williamson O.* Ekonomicheskie instituty kapitalizma [Economic Institutions of Capitalism]. — St. Petersburg, 1996. — P. 48.

[12] *Hayek F.* Pagubnaja samonadejannost. Oshibki socializma [Pernicious Self-confidence. Errors of Socialism]. — Moscow, 1992. — 304 p.

[13] *Hodgson J. M.* Skrytye mehanizmy ubezhdenija: instituty i individy v ekonomicheskoj teorii [The Concealed Persuasion Mechanisms: Institutions and Individuals in the Economic Theory] // Ekonomicheskij vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta [Economic Bulletin of the Rostov State University]. — 2003. — Vol. 1. — No. 4. — P. 16.

[14] *Coleman J. S.* Foundations of Social Theory. — Cambridge, 1990. — P. 99.

[15] *Demsetz H.* The Firm in Economic Theory: a Quiet Revolution II American Economic Review. — 1997. — Vol. 87. — No. 2. — Pp. 426–429.

[16] *North D. C.* Institutions, Institutional Change and Economic Performance. — Cambridge, 1990. — P. 40.

[17] *Wallis J., North D.* Measuring the Transactional Sector in American Economy, 1870–1970. In Long-term Factors in American Economic Growth. — Chicago, 1986. — Pp. 122–123.

УДК 37.014.242(47+510)+378(47+510)

ЧЖАН Янь,

аспирант кафедры политологии

E-mail: 1486833095@QQ.com

Восточный институт —

Школа региональных и международных исследований

ФГАОУ ВО «Дальневосточный Федеральный университет», г. Владивосток

ПОЛИТИКА КИТАЯ И РОССИИ В XX–XXI ВЕКЕ В ОБЛАСТИ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

В статье рассматриваются особенности политики Китая и России в области расширения интернационализации образования, роста высших учебных заведений двух стран и создание университетов мирового уровня. Анализируя различные правовые документы и протекающие процессы в обществе, автор выделяет основные причины и направления деятельности органов власти Китайской Народной Республики и Российской Федерации по созданию особых условий для совершенствования высшего образования и повышения качества процесса обучения студентов.

Ключевые слова: высшее образование, интернационализация, мировые университеты, Болонский процесс, образовательное пространство, Закон об образовании, государственная программа.

Перемены в социально-политическом устройстве Российской Федерации и Китайской Народной Республики (КНР) в 1990-е гг. ориентировали систему образования обеих стран на усиление открытости и расширение связей с международной образовательной системой. Этому способствовало обучение китайских и российских студентов за рубежом, привлечение зарубежных ученых и преподавателей к подготовке кадров внутри страны. В этот период правительства обоих государств способствуют вступлению китайской и российской систем высшего образования в мировое образовательное пространство: Россия — через подписание Болонской конвенции и вступление в ВТО, Китай — через вступление в ВТО.

С целью развития сотрудничества с зарубежными вузами без ущерба для собственной национальной системы высшего образования в Российской Федерации и КНР принимаются законопроекты и изменяется существующее законодательство. При этом правительство КНР основной акцент делает на рассмотрении образования как сферы услуг, а государственная власть в Российской Федерации относит

образование, скорее, к категории социально-значимых благ, хотя вступление России в ВТО способствует превращению социального права на образование в дорогостоящую услугу.

В КНР уже в 1990-е гг. вузы получили право устанавливать собственные международные контракты. В Законе КНР об образовании, принятом в 1995 году, была обозначена готовность государства поощрять международный обмен и сотрудничество в области образования. Кроме того, в соответствии с международными законами, подписанными КНР, Законом признавались полученные китайскими гражданами за рубежом дипломы и ученые степени.

После вступления Китая в 2001 году в ВТО было заключено «Соглашение по торговле товарами и услугами» (GATS), активизировавшее выход страны на международный рынок образовательных услуг. По этому соглашению КНР принимает на себя частичные обязательства в сфере образовательных услуг. Например, из-за опасения утратить контроль над содержанием учебных дисциплин Китай отказался от приобретения транснациональных услуг в форме заочного и дистанционного обучения.

Кроме того, не было дано разрешения на создание на китайской территории иностранных учебных заведений. Исключением стали лишь те вузы, которые создавались как совместные. Особое внимание правительство КНР уделило контролю над возвращением в страну студентов, проходивших обучение за рубежом. Был разработан комплекс мер, стимулирующих возвращаться в страну тех граждан, которые получили образование за границей. Среди этих стимулов можно назвать привлечение бизнес-инкубаторов для создания собственных предприятий, обращение в специальный «Фонд стартового капитала для проведения научных исследований» и многое другое.

В Российской Федерации в принятых в начале второго этапа реформирования системы высшего образования документах («Федеральной программе развития образования на 2001–2005 гг.», «Национальной доктрине образования в Российской Федерации до 2025 года», «Концепции модернизации российского образования») были обозначены задачи создания единого образовательного пространства СНГ и подготовки к вступлению России в Болонский процесс (2003). Реализация этих задач должна была позволить России обеспечить модернизирующуюся экономику кадрами, сделать ее конкурентоспособной и инвестиционно привлекательной, и тем самым обеспечить ее интеграцию в мировое хозяйство.

Для реализации Болонской декларации в Российской Федерации предусматривалось принятие законопроектов по внесению изменений и дополнений во многие законодательные акты Российской Федерации. Итогом реализации государственной политики в этой сфере стал Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», ключевой идеей которого является интеграция российской системы образования в мировой образовательный рынок. Основные изменения коснулись:

- создания системы двухуровневого высшего образования;
- развития непрерывного профессионального образования;
- развития процессов интеграции образования и науки;

- привлечения к участию в образовательной политике работодателей;
- применения европейских критериев образования;
- использования европейских методов обучения;
- признания российских дипломов за границей;
- адаптации европейских образовательных стандартов к национальной российской образовательной системе.

Эти изменения должны были позволить высшему образованию в Российской Федерации стать конкурентоспособным и задавать ориентиры передовым отраслям.

Ратификация Болонской конвенции позволила создать условия для включения российской высшей школы в международное образовательное и научное сотрудничество, которое, согласно Федеральному закону «Об образовании в Российской Федерации» (2012), должно основываться на равноправном и взаимовыгодном характере. Для реализации этого положения были определены следующие формы и направления сотрудничества:

- совместная с международными организациями разработка и реализация образовательных программ и научных программ в сфере образования;
- международный академический обмен преподавателями и студентами;
- проведение совместных научных исследований;
- расширение возможностей дистанционного обучения;
- проведение образовательных, научно-исследовательских и научно-технических проектов.

Соответствие требованиям инновационного развития образования, его интеграции с наукой делает необходимым создание вузов особого рода — вузов, в которых интеллектуальный потенциал высшей школы используется наиболее эффективно. По мнению ученых, создание университетов такого рода является сегодня одним из главных приоритетов образовательной политики многих государств [2, с. 63]. При этом «международный опыт предлагает несколько уроков в отношении ключевых особенностей таких университетов (высо-

кая концентрация талантов, достаточный объем ресурсов и гибкие структуры управления) и успешных подходов к продвижению в этом направлении, от модернизации или слияния существующих университетов до создания совершенно новых учебных заведений» [3].

Необходимость интеграции высшего образования и науки осознавалась в КНР с самого начала реформ, но особенно значимой она стала в XXI веке. Это связано с утверждением на XV съезде КПК (1997) новой доктрины — «наука и образование приведут страну к процветанию», что означало смещение приоритетов с форсированного развития промышленности на развитие инноваций и высоких технологий. В связи с этим было заявлено, что стратегия образовательных реформ для строительства инновационной экономики и ускорения социалистической модернизации должна базироваться на подготовке собственных высококвалифицированных кадров, в том числе в рамках университетов мирового класса.

В начале XXI в. для реализации этой задачи было намечено 12 крупных государственных программ по подготовке высококвалифицированных кадров мирового уровня. В их числе «Проект премирования ученых Чанцзян», «Премирование молодых вузовских ученых», «Проект помощи кадровым педагогам вузов» и др.

В принятой в 2010 году «Национальной среднесрочной и долгосрочной программе реформ и развития образования на 2010–2020 гг.» планировалось провести до 2020 года серьезную модернизацию образования, в основе которой должно лежать высшее образование с высоким уровнем научных исследований, стимулированием интеллектуальных и технических новаций в вузах, созданием всемирно известных школ и университетов, приближенных к мировому уровню и повышение конкурентоспособности на мировом рынке образовательных услуг. Приоритетность этой задачи была подтверждена и на XIX съезде КПК (2017), когда лидер партии Си Цзиньпин призвал продолжать создание вузов и научных дисциплин передового мирового уровня.

С этой целью правительства Российской Федерации и КНР принимали меры для создания

пилотных вузов. Например, в КНР в 1990-е гг. были запущены проекты государственной поддержки пилотных вузов «Проект 211» и «Проект 985». В 1995 году Министерство образования и Министерство финансов КНР подготовили документ «Планирование Проекта 211», в котором шла речь о создании к началу XXI в. 100 университетов, которые бы смогли занять ведущие позиции на международном рынке. Предусматривались следующие аспекты развития этих вузов:

- создание программы по дисциплинам, соответствующим международным стандартам;

- создание электронных кампусов;

- развитие инфраструктуры университета и профессорско-преподавательского состава.

Эти проекты были запущены с целью концентрации ограниченных государственных ресурсов для поддержки ключевых областей знания и обеспечения приоритетного развития определенного количества вузов, которые уже вышли на передовой мировой уровень либо имеют для этого условия и сделают это в последующие 10–20 лет [9, с. 265]. В конце 1990-х гг. в важнейшем документе «Плане мероприятий по подъему образования навстречу XXI веку» среди наиболее значимых приоритетов в развитии высшего образования КНР признавалось создание передовых университетов и дисциплин мирового уровня в 39 университетах, входящих в «Проект 985», а также ускорение реализации «Проекта 211». В результате реформирования многие вузы превращались из узкопрофильных учебных институтов в современные научно-исследовательские комплексы: исследовательские университеты широкого профиля (как Пекинский университет) или специализированные исследовательские университеты (как университет Цинхуа).

В XXI веке эта задача становится одной из ключевых. В «Плане действий по стимулированию образования на 2003–2007 гг.» предлагались конкретные механизмы продвижения университетов и академических дисциплин мирового уровня. На V пленуме ЦК КПК (2015) среди важнейших положений 13-й пятилетней программы народнохозяйственного и социального развития было названо создание

группы вузов передового мирового уровня. Об этом же шла речь и на XIX съезде КПК (2017), когда было предложено создавать такие вузы ускоренными темпами.

В целом, реализация данного приоритета оказала «существенное влияние на развитие китайской системы высшего образования и подготовку высококвалифицированных специалистов», способствовала «созданию культуры высококачественного образования и росту осознания международной конкуренции и конкурентоспособности у китайских университетов», сыграла важную роль «как в обновлении системы высшего образования в целом, так и в проведении социоэкономической реформы в Китае» [1, с. 38].

В России «развитие государственных научных и научно-технологических организаций, способных обеспечить конкурентные преимущества национальной экономики», также признается приоритетом государственной политики, что отражено в ряде документов, например, Указе Президента Российской Федерации от 12.05.2009 № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» [7]. Формальное закрепление идея интегрировать образовательную и научно-исследовательскую деятельность в высшем образовании получает в 2012 году в Федеральном законе № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». Помимо обоснования целей такой интеграции, здесь содержатся конкретные предложения по интеграции науки и образования (ст. 72) [8].

В связи с этим возникает тенденция к укрупнению и иерархизации государственных вузов, которые могут стать площадкой для такой интеграции, что находит отражение в федеральном законодательстве и нормативных актах Министерства образования и науки Российской Федерации (например, в ст. 24 Закона № 273-ФЗ).

Необходимо отметить, что толчок для развития вузов, которые впоследствии стали современными инновационными комплексами с мощным научным и педагогическим аппаратом, с хорошей материальной базой и высоким международным авторитетом, был дан в России уже в 1990-е гг. Такими вузами яв-

лялись, в первую очередь, Московский государственный университет имени Ломоносова, Санкт-Петербургский государственный университет, Новосибирский государственный университет и др. В 2000-е гг. Правительство Российской Федерации объявило о приоритетной поддержке таких — «ведущих» — вузов.

В Постановлении Правительства Российской Федерации от 23.12.2005 № 803 «О Федеральной целевой программе развития образования на 2006–2010 годы» предлагалось провести «выделение в системе высшего профессионального образования общенациональных университетов и системообразующих вузов для повышения эффективности использования интеллектуального потенциала высшей школы и концентрации материально-технических и финансовых ресурсов на ключевых направлениях развития российского образования в интересах государства, общества и личности» [4]. С этой целью была разработана система поддержки инновационных вузов, среди которых выделяются такие категории, как «федеральный университет» и «национально-исследовательский университет» [8], а позже появляется еще один тип — опорный университет.

Формирование сети ведущих университетов в 2014 году Президентом Российской Федерации было названо одним из значимых результатов государственной политики в сфере высшего образования [6]. Этот процесс продолжался и в последующие годы. Не случайно в Публичной декларации целей и задач Министерства образования и науки Российской Федерации на 2016 год подтверждаются стратегические цели, которые ранее обозначил В. В. Путин. Среди них «вхождение к 2020 году не менее 5 университетов в топ-100 мировых рейтингов, не менее 7 университетов в топ-200 мировых рейтингов» и «развитие сети опорных университетов» [5].

Анализ государственной политики КНР и Российской Федерации позволяет прийти к выводу, что интернационализация образования и создание университетов мирового уровня к настоящему моменту является одним из важнейших приоритетов государственной образовательной политики обеих стран.

Литература

- [1] Дорога к академическому совершенству: Становление исследовательских университетов / под ред. Ф. Дж. Альтбаха, Д. Салми; пер. с англ. — М. : Весь Мир, 2012 — 408 с.
- [2] Салми Дж. Создание университетов мирового класса / пер. с англ. — М. : Весь Мир, 2009. — 132 с.
- [3] Салми Дж., Фруммин И. Д. Российские вузы в конкуренции университетов мирового класса // Троицкий вариант. 07.07.2009 [Электронный ресурс]. — URL: <http://trv-science.ru/2009/07/07/rossijskie-vuzy-v-konkurencii-universitetov-mirovogo-klassa>
- [4] Постановление Правительства Российской Федерации от 23.12.2005 № 803 (ред. от 11.03.2011) «О Федеральной целевой программе развития образования на 2006–2010 годы» [Электронный ресурс]. — URL: <http://base.garant.ru/189041/23c1e6d0b632ec7307dced2e5d86159e/#friends>
- [5] Публичная декларация целей и задач Министерства образования и науки Российской Федерации на 2016 год [Электронный ресурс]. — URL: https://xn--80abucjiibhv9a.xn--p1ai/open_ministry/public-declaration
- [6] Путин В. В. Армия с дипломом // Российская газета. — 2014. — 31 окт. — № 6522 (250) [Электронный ресурс]. — URL: <https://rg.ru/2014/10/31/armia.html>
- [7] Указ Президента Российской Федерации от 12.05.2009 № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» [Электронный ресурс]. — URL: <https://rg.ru/2009/05/19/strategia-dok.html>
- [8] Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=292679&fld=134&dst=100196,0&rnd=0.9135019649189469#010671093414102129>
- [9] 胡建华. 中国高等教育改革. 20–21世纪之交中俄教育改革比较. Н. Е. 鲍列夫斯卡娅, В. П. 鲍利辛柯夫, 朱小蔓. 教育科学出版社. Ху Цзяньхуа. Взгляд из Китая // Россия — Китай: образовательные реформы на рубеже XX–XXI вв. — М. : Спутник, 2007. — 592 с.

ZHANG Yan,

Postgraduate Student at the Department of Political Science

E-mail: 1486833095@QQ.com

*Institute of Oriental Studies — School of Regional and International
of the "Far Eastern Federal University", Vladivostok*

POLICY OF CHINA AND RUSSIA IN THE FIELD OF THE INTERNATIONALIZATION OF EDUCATION IN THE XX–XXI CENTURY

In the article the author examines the features of the policies of China and Russia in the field of expanding the internationalization of education, the growth of higher educational institutions of the two countries and the creation of world-class universities. Analyzing various legal documents and the processes taking place in society, the author identifies the main reasons and areas of activity of the authorities of the PRC and the Russian Federation for creating special conditions for developing higher education and improving the quality of the student learning process.

Key words: *higher education, internationalization, world universities, the Bologna process, educational space, Education Act, the state program.*

References

- [1] Doroga k akademicheskomu sovershenstvu: Stanovlenie issledovatel'skih universitetov / pod red. F. Dzh. Al'tbaha, D. Salmi; per. s angl. [The Road to Academic Excellence: Formation of Research Universities / ed. by F. J. Altbach, D. Salmi; transl. from English]. — Moscow : All World, 2012. — 408 p.
- [2] Salmi J. Sozdanie universitetov mirovogo klassa / per. s angl. [Establishment of World-class Universities / transl. from English]. — Moscow : All World, 2009. — 132 p.
- [3] Salmi J., Frumin I. D. Rossijskie vuzy v konkurencii universitetov mirovogo klassa [Russian Universities in the Competition of World-class Universities] // Troickij variant [Troitsky variant]. 07.07.2009 [Electronic resource]. — URL: <http://trv-science.ru/2009/07/07/rossijskie-vuzy-v-konkurencii-universitetov-mirovogo-klassa>

[4] Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 23.12.2005 № 803 (red. ot 11.03.2011) "O Federal'noj celevoj programme razvitija obrazovanija na 2006–2010 gody" [Decree of the Government of the Russian Federation dated December 23, 2005 No. 803 (as amended on March 11, 2011) "On the Federal Target Program for the Development of Education for 2006–2010"] [Electronic resource]. — URL: <http://base.garant.ru/189041/23c1e6d0b632ec7307dced2e5d86159e/#friends>

[5] Publichnaja deklaracija celej i zadach Ministerstva obrazovanija i nauki Rossijskoj Federacii na 2016 god [Public Declaration of the Goals and Objectives of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation for 2016] [Electronic resource]. — URL: https://xn--80abucjiibhv9a.xn--p1ai/open_ministry/public-declaration

[6] *Putin V. V.* Armija s diplomom [Army with a Diploma] // Rossijskaja gazeta [Russian Newspaper]. — 2014. — Oct. 31. — No. 6522 (250) [Electronic resource]. — URL: <https://rg.ru/2014/10/31/armia.html>

[7] Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 12.05.2009 № 537 "O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii do 2020 goda" [Decree of the President of the Russian Federation dated May 12, 2009 No. 537 "On the National Security Strategy of the Russian Federation until 2020"] [Electronic resource]. — URL: <https://rg.ru/2009/05/19/strategia-dok.html>

[8] Federal'nyj zakon ot 29.12.2012 № 273-FZ "Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii" [Federal Law dated December 29, 2012 No. 273-ФЗ "On Education in the Russian Federation"] [Electronic resource]. — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=292679&fld=134&dst=100196.0&rnd=0.9135019649189469#010671093414102129>

[9] 胡建华. 中国 高等教育 改革. 20–21 之交 中俄 教育改革 比较 .N. E. 鲍列夫斯卡娅, VP, 朱小蔓. 科学 出版社. Hu Jianhua. Vzgljad iz Kitaja [View from China] // Rossija — Kitaj: obrazovatel'nye reformy na rubezhe XX–XXI vv. [Russia — China: Educational Reforms at the Turn of the XX–XXI Centuries]. — Moscow : Sputnik, 2007. — 592 p.

АВТОРАМ

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Научный журнал «Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий)» входит в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим группам научных специальностей: 08.00.00 — экономические науки; 23.00.00 — политология.

Редакция научного журнала «Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий)» приглашает к сотрудничеству на страницах журнала ведущих ученых, молодых исследователей, аспирантов, соискателей и всех заинтересованных лиц в качестве авторов статей, участников круглых столов, рецензентов и т. п.

Наш журнал новый в мире научной периодики Республики Башкортостан. Основную миссию журнала мы видим в консолидации усилий ученых России и Республики Башкортостан по формированию единого научного информационного пространства.

Целью издания является широкое распространение информации о научной деятельности преподавателей и студентов БИСТ; публикация научных трудов, дискуссионных, аналитических и прогнозных статей ученых и практиков по наиболее актуальным проблемам развития современного общества.

Журнал издается раз в квартал. Срок предоставления материалов: до 1 марта, до 1 июня, до 1 сентября, до 1 декабря.

Мы заинтересованы в эффективном сотрудничестве с высококвалифицированными специалистами и будем благодарны всем, кто поможет нам сделать журнал ярким и интересным.

Порядок направления статей размещен на сайте журнала www.vestnik-bist.ru.

ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К СТАТЬЯМ, НАПРАВЛЯЕМЫМ В ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК БИСТ (БАШКИРСКОГО ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ)»

1. Максимальный объем статьи 15 полных страниц, минимальный — 5 страниц, набранных в соответствии с указанными ниже требованиями:

- текстовый редактор Microsoft Word, шрифт Times New Roman, кегль 14 пт, междустрочный интервал 1,5;
- параметры страницы: левое поле — 3 см, верхнее, нижнее поля — 2 см, правое — 1,5 см;
- абзацный отступ 1,25 см устанавливается автоматически. **Внимание!** Не допускается форматирование абзацев табулятором или клавишей «пробел»;
- ориентация книжная;
- выравнивание по ширине;
- сноски концевые;
- нумерация страниц производится внизу справа, начиная с 1-й страницы. **Внимание!** Не используйте колонтитулы для нумерации страниц.

2. Встречающиеся в тексте условные обозначения и сокращения раскрываются при первом упоминании их в тексте.

3. Таблицы в тексте рекомендуется выполнить в редакторе Microsoft Word. **Внимание!** Не принимаются в работу отсканированные таблицы и в виде рисунка.

4. Графики, схемы, рисунки, диаграммы, фотографии и другие графические объекты должны быть пронумерованы и дополнительно представлены отдельными файлами в формате *.jpg или

*.tif в черно-белом изображении с разрешением не менее 300 dpi. Подписи к объектам указываются в основном тексте в месте, куда должен быть помещен объект. Изображения должны располагаться в пределах рабочего поля, допускать перемещение в тексте и возможность изменения размеров. Линии графиков и рисунков в файле должны быть сгруппированы.

5. Формулы должны быть набраны в стандартном редакторе формул.

6. Файл именуется по фамилии автора (например, «Иванов.doc»); графические файлы именуются по номеру рисунка, таблицы и т. п. (например, «рисунок 1.jpg», «таблица 3.doc»).

7. Список используемых в статье источников оформляется в конце статьи в строгом алфавитном порядке (авторов или заглавий). Отдельно выстраивается алфавитный ряд на кириллице (русский язык, болгарский и т. п.) и ряд на языках с латинским написанием букв (английский, французский, немецкий и т. п.).

Библиографический список должен содержать не более 15 источников, в том числе не более 3 ссылок на публикации авторов статьи и их соавторов с целью избежать недобросовестного увеличения библиометрических показателей авторов.

8. Отсылка к списку используемых в статье источников в тексте статьи заключается в квадратные скобки.

9. К материалу прилагается следующая информация **на русском и английском языках**:

- Заголовок статьи.
- Сведения об авторах: фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, почетные степени и звания, место работы и занимаемая должность, электронный адрес.
- Аннотация текста публикуемого материала с указанием предмета и объекта исследования; целей и задач исследования; кратких выводов.
- Ключевые слова (не более семи речевых единиц).
- Список используемой литературы.

10. Материалы публикуются на безгонорарной основе.

11. Авторы полностью несут ответственность за достоверность сведений, точность цитирования и ссылок на официальные документы и другие источники, а также отсутствие сведений, не подлежащих опубликованию в открытой печати.

12. Редакция оставляет за собой право на редактирование статей, без изменения их научного содержания.

13. Статьи, не соответствующие указанным требованиям, решением редакционной коллегии не публикуются, рукописи не возвращаются.

14. Для своевременной подготовки журнала необходимо заполнить и предоставить в редакцию на отдельном бумажном носителе и в электронном виде **регистрационную карту** по следующей форме:

Фамилия, имя, отчество	
Место работы, занимаемая должность (с указанием кафедры, отдела, лаборатории)	
Ученая степень, ученое звание (при наличии)	
Полное название статьи	
Отрасль научной статьи	
Эл. почта (обязательно)	
Контактный телефон (обязательно)	
Адрес (с указанием почтового индекса; обязательно)	

Информация об авторе (-ах) **обязательна** для заполнения. При отсутствии сведений об авторах статьи не рассматриваются.

Вестник БИСТ

(Башкирского института социальных технологий)

Серия «Регионалистика и этнополитика». 2018. № 3 (40)

Компьютерная верстка *А. Г. Бурмистровой*
Техническое редактирование: *Т. Е. Бочарова*

Материалы публикуются в авторской редакции

Сдано в набор 20.09.2018. Подписано в печать 27.09.2018.
Формат 60 x 84/8. Усл. печ. л. 10,92. Уч.-изд. л. 12,04.
Гарнитура «FranklinGothicBookC». Бумага офсетная. Печать ризографическая.
Тираж 500 экз. Заказ 40.
Цена: бесплатно

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-34653 от 2 декабря 2008 г.

Адрес редакции, издателя:
450054, г. Уфа, проспект Октября, 74/2;
БИСТ (ф-л) ОУП ВО «АТИСО»;
тел. +7 (347) 241-42-59
www.vestnik-bist.ru
e-mail: vestnikbist@mail.ru

Отпечатано в ИП Абдуллина
450059, РБ, г. Уфа, пр. Октября, 27, корп. 2, оф. 21
www.proprint02.ru